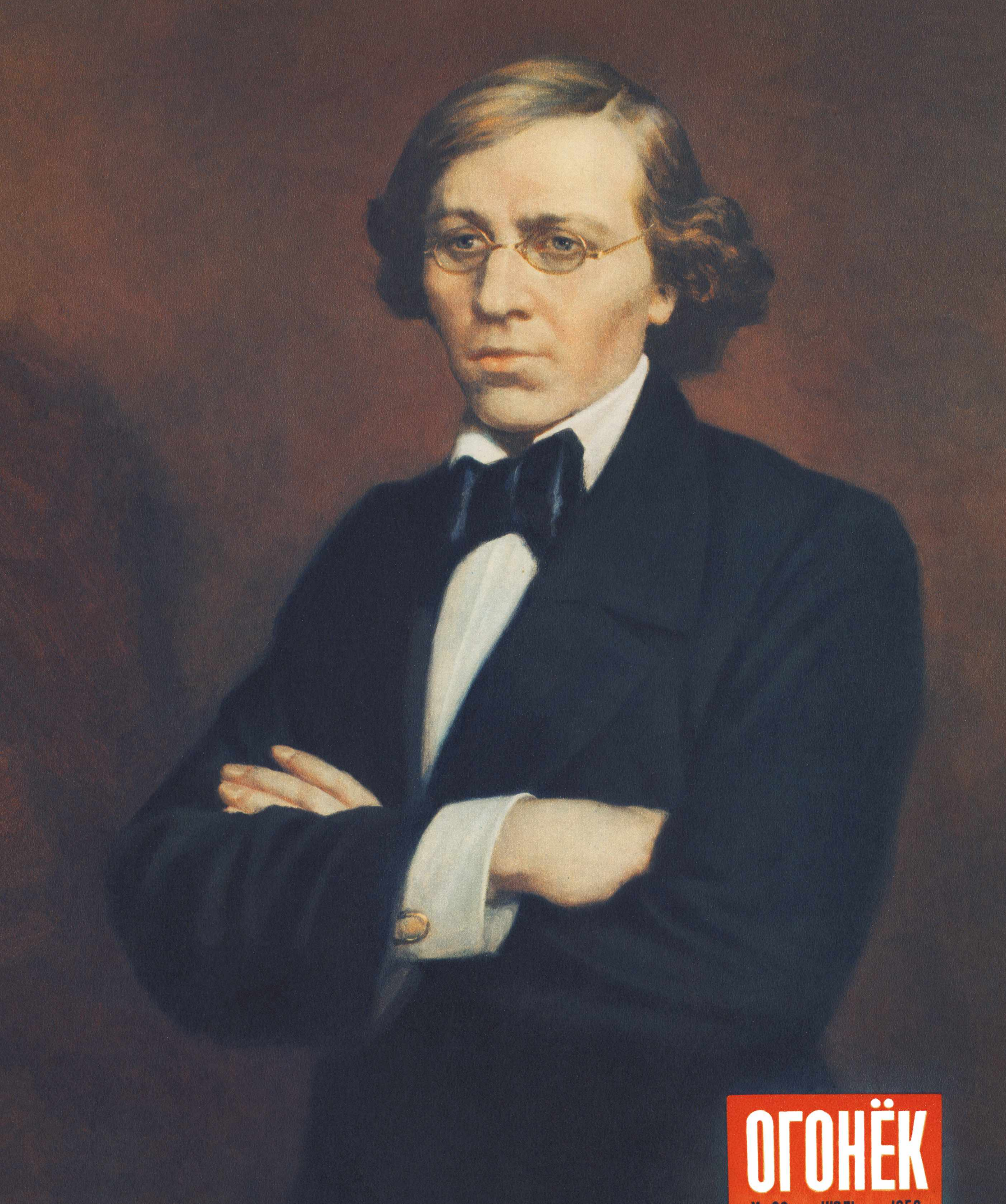

ОГОНЁК

№ 29 ИЮЛЬ 1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

У входа на стадион сельхозартели имени Чапаева, Золотоношского района, Полтавской области.

Фото С. Раскина.

На первой странице обложки: Николай Гаврилович Чернышевский.
Портрет работы художника Б. В. Щербакова.

На последней странице обложки: Юрий Тюкалов, чемпион XV олимпийских игр.
Фото А. Бурдукова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 29 (1362) 19 ИЮЛЯ 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПАРТИЯ И НАРОД ЕДИНЫ

Из опубликованных 10 июля информационного сообщения о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и постановления Президиума Верховного Совета СССР советский народ узнал о преступных антипартийных и антигосударственных действиях разоблаченного врага партии и народа Берия.

Матерый авантюрист Берия, агент международного империализма, ставил целью своих антипартийных и антигосударственных действий подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала. Установлено, что подлый враг советского народа Берия вынашивал планы захвата руководства партией и страной в целях разрушения Коммунистической партии и замены ее политики капитулянтской политикой, которая привела бы в конечном счете к реставрации капитализма. Своими мерзкими махинациями этот агент империализма пытался подорвать колхозы и создать трудности в продовольственном снабжении страны. Он стремился подорвать дружбу народов Советского Союза, активизировать буржуазно-националистические элементы в союзных республиках.

Все советские люди с огромным воодушевлением и единодушием одобряют своевременные и решительные меры, принятые Президиумом ЦК партии для ликвидации преступных действий Берия, одобряют постановление Президиума Верховного Совета СССР о передаче дела о преступных действиях Берия на рассмотрение Верховного Суда СССР.

По всей Советской стране проходили и проходят пленумы партийных комитетов совместно с партийным активом, собрания партийных организаций, собрания трудящихся, где коммунисты и беспартийные, рабочие и колхозники, представители советской интеллигенции присоединяют свой голос к голосу всей партии, всего советского народа.

Молодой металлург с московского завода «Серп и молот» тов. Киселев сказал:

— Пусть знают наши враги, что все, кто пытается подорвать нашу мощь, нарушить единство партии и народа, будут сметены с лица земли. Всякий раз, когда садовник уничтожает насекомое-паразита, которое грозило уничтожить деревья, его сад расцветает еще сильнее. Всякий раз, когда наша партия уничтожает врагов народа, готовящих коварное предательство, наша Родина становится еще сильнее, еще могущественнее.

Эти страстные слова московского рабочего поддерживают рабочие Урала, Украины, Белоруссии, весь рабочий класс Советского Союза.

— Весь советский народ,— говорит грузинский рабочий Шалва Кухалеишвили,— с негодованием и возмущением узнал о черных замыслах и коварных планах презренного и злобного врага нашей Родины Берия. К голосу миллионов трудящихся присоединяем свой голос и мы, грузинские металлурги. Мы горячо одобряем решительные меры, принятые Президиумом ЦК КПСС, позволившие разоблачить и обезвредить коварного врага, агента международного империализма.

Колхозники, как и рабочие, клеймя позором преступные действия Берия, еще теснее сплачивают свои ряды вокруг любимой Коммунистической партии.

— Президиум ЦК,— говорит знатный бригадир тракторной бригады П. Ангелина,— разоблачил коварные замыслы врага. Пусть знают все внутренние и внешние враги нашей Родины, что любые их попытки свернуть советское крестьянство с колхозного пути обречены на полный провал. Колхозное крестьянство твердо верит родной Коммунистической партии, Советскому правительству и в тесном содружестве с рабочим классом будет и впредь неустанно укреплять колхозный строй, строить коммунистическое общество в нашей стране.

Учителя, агрономы, инженеры, писатели, артисты — вся многомиллионная армия советской интеллигенции, так же как и весь народ, говорит о своей готовности и в дальнейшем под руководством партии активно участвовать в осуществлении величественной программы строительства коммунизма.

Презренный враг стремился различными коварными приемами подорвать дружбу народов СССР — основу основ многонационального Советского государства. С возмущением говорят советские люди об этих чудовищных замыслах гнусного провокатора и авантюриста. Преподаватель Львовского политехнического института тов. Лящук сказал:

— Нет меры нашему гневу, нет меры нашему презрению к подлому выродку рода человеческого, который обманным путем пробрался к руководству и готовил всем нам ярмо на шею. Для того, чтобы облегчить себе выполнение гнусной задачи, он коварными приемами хотел вбить клин между народами нашей страны. Но трудящиеся западных областей Украины знают, что своим счастьем, своей свободной, радостной жизнью они обязаны великому русскому народу. Только при его помощи и поддержке, под мудрым руководством Коммунистической партии украинский народ смог воссоединиться в единой семье. Никогда никаким презренным бериям не удастся нарушить святую дружбу наших братских народов!

«...Дружба между народами СССР,— говорил И. В. Сталин,— большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует». Коммунистическая партия, осуществляя ленинско-сталинскую национальную политику, изо дня в день крепит дружбу народов нашей Родины, этот неиссякаемый источник могущества социалистического строя.

В своих резолюциях собрания трудящихся требуют самого сурового наказания выродку и отщепенцу Берия. Советские люди клянутся, что они еще теснее сплотят свои ряды вокруг Коммунистической партии и Советского правительства.

Единодушное одобрение постановлений Пленума ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР еще и еще раз демонстрирует единство народа с великой Коммунистической

Собрание рабочих, инженерно-технических работников и служащих московского завода «Серп и молот».

Фото С. Фридлянда.

Собрание коллектива киевского машиностроительного завода «Большевик». Выступает токарь-скоростник механосборочного цеха А. В. Малинин.
Фото Н. Козловского.

партией. Народ, вдохновляемый партией, успешно осуществляет программу строительства коммунизма, претворяет в жизнь решения XIX съезда партии.

Все успехи, все победы нашей страны связаны с деятельностью Коммунистической партии. Она пользуется огромной любовью и доверием всего советского народа. Человечество еще не знало такой великой общественной силы, как наша Коммунистическая партия — направляющая, руководящая и организующая сила советского общества.

Коммунистическая партия Советского Союза, организовав союз рабочего класса и трудового крестьянства, добилась в результате Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года свержения власти капиталистов, помещиков и установления диктатуры пролетариата. Она добилась ликвидации капитализма, уничтожения эксплуатации человека человеком и обеспечила построение социалистического общества.

Вся история Коммунистической партии воочию показала, что партия является последовательным и верным выразителем интересов трудящихся, вождем, руководителем и организатором масс. На своем жизненном опыте советские люди убедились, что Коммунистическая партия не только провозглашает правильную политику, но умеет ее настойчиво проводить в жизнь, что у нашей партии никогда слово не расходится с делом. Вот почему трудящиеся Советской страны уверенно шли и идут за своей партией.

В лице Коммунистической партии трудящиеся видят своего признанного вождя и руководителя. Ей выражают они полное доверие, беззаветно поддерживая ее политику, отстаивающую коренные интересы трудового народа. Общность интересов народа и партии является гранитной основой их неразрывной связи. У партии коммунистов нет иных интересов, кроме интересов трудящихся. Под ее руководством советские люди завоевали власть, построили социализм. В дни Отечественной войны партия предстала перед народом как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков. В это трудное для Родины время партия соединяла воедино и направляла к общей цели все усилия советских людей. В послевоенные годы партия повела трудящихся на осуществление выработанной ею программы.

В большой и напряженной деятельности по созданию нового общества партия сумела обеспечить морально-политическое единство советского общества на основе союза рабочего класса и крестьянства, на основе ленинско-сталинской национальной политики и вовлечения всех трудящихся в активное строительство социализма.

Как и в эти дни, когда советские люди клеймят позором преступную деятельность Берия и одобряют меры, принятые партией, так и в прошлом, когда партия громила банды троцкистов, бухаринцев, буржуазных националистов и других врагов социализма, партия всегда получала постоянную поддержку и одобрение народа.

Марксистско-ленинская идеология все шире и шире распространяется в массах. Идеи коммунизма, овладев массами, становятся материальной силой. Политика партии коммунистов имеет своей теоретической основой великое учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Партия в своей деятельности руководствуется объективными законами развития общества. Вот почему этой политике верят и ее поддерживают.

На всех этапах борьбы за социализм в нашей стране Коммунистическая партия добивалась и добивается успехов потому, что она опирается на творческую активность миллионов советских людей, неустанно укрепляет связи с массами, постоянно прислушивается к их голосу. Умение партии связаться и сблизиться с массами — один из важнейших источников ее роста, могущества, источник непобедимости ее руководства.

Устав партии обязывает членов партии повседневно укреплять связи с массами, своевременно откликаться на запросы и нужды трудящихся, разъяснять беспартийным массам смысл политики и решений партии, памятуя, что сила и непобедимость нашей партии в ее кровной и неразрывной связи с народом.

Марксизм-ленинизм учит, что творцом истории является сам народ, что не герои творят историю, а народ двигает вперед историю и создает героев.

Марксизм-ленинизм учит, что сила нашего руководства в его коллективности, сплоченности и монолитности. Коллективность руководства — высший принцип руководства в Коммунистической партии. Этот принцип полностью отвечает известным положениям марксизма-ленинизма о вреде и недопустимости культа личности. Сама жизнь показала, что только коллективный политический опыт, коллективная мудрость Центрального Комитета, опирающегося на научную основу марксистско-ленинской теории, обеспечивают правильность руководства партией и страной, незыблемое единство и сплоченность рядов партии, успешное строительство коммунизма в нашей стране.

Марксизм-ленинизм учит, что партия не может выполнить свою роль руководителя народа, если она перестанет видеть недостатки своей работы, если она боится признавать свои ошибки, боится во-время исправить их. Без критики и самокритики партия не может двигаться вперед.

Коммунистическая партия неустанно призывала и призывает народ всемерно повышать революционную бдительность, памятуя, что пока существует капиталистическое окружение, оно засылало и будет засылать в нашу среду своих агентов для подрывной деятельности. Партия призывает помнить это и всегда держать наше оружие отточенным против империалистических разведок и их наймитов.

На своих собраниях трудящиеся говорят о том, что как бы ни скрывался враг, он будет разоблачен. Порука этому — нерушимая дружба советских народов, их беспредельная преданность партии, правительству, Родине. Порука этому — неустанная работа Коммунистической партии, воспитывающей всех трудящихся в духе высокой революционной бдительности.

В мире нет государства более прочного, чем Советский Союз. Партия всемерно крепит социалистическое государство — надежный оплот мирного труда советского народа, оплот мира во всем мире.

В нашей стране достигнуты огромные успехи в промышленности, сельском хозяйстве, в развитии всей культуры страны. Из года в год поднимается жизненный уровень трудящихся: забота о человеке — закон нашего социалистического строя. Все эти успехи — результат прочного союза рабочего класса и крестьянства, крепнущей дружбы народов СССР и неуклонного упрочнения морально-политического единства советского общества, результат последовательного проведения в жизнь политики, выработанной Коммунистической партией.

Созданная пятьдесят лет назад гениальным Лениным Коммунистическая партия Советского Союза выросла в гигантскую силу, закалилась в боях под руководством Ленина, ученика и продолжателя дела Ленина великого Сталина и их соратников.

Под руководством закаленной в боях Коммунистической партии наша страна уверенно идет к своей цели — к коммунизму.

За мир и дружбу!

Перед IV Всемирным фестивалем молодежи и студентов

Перелистаем последние номера журналов «Молодежь мира», «Всемирные студенческие новости», газеты «Фестиваль». С их страниц веет горячим дыханием подготовки к Международному слету молодых в Бухаресте. Из всех уголков земли приходят в румынскую столицу вести о том, как живо заинтересована молодежь мира в предстоящем фестивале. Письма из Ирана и Германии, Кореи и Швейцарии, Финляндии и Бразилии, Франции и Судана... Всюду подготовка к фестивалю проводится со всем пылом, присущим молодости. Об этом говорят национальные фестивали, предшествующие Всемирному. Бельгийская молодежь на фестивале «За мир и счастье», происходившем в мае в городе Алосте, заявила: «Наше требование — мир и дружба!». Национальные фестивали прошли в Бразилии, Дании, в странах Юго-Восточной Азии.

Юношам и девушкам многих стран придется преодолеть немалые трудности и препятствия, чтобы оказаться в городе фестиваля — Бухаресте. Успешно идет сбор средств в «Фонд солидарности». «20 000 франков,— пишет газета «Фестиваль»,— собранных французской молодежью, 10 фунтов стерлингов, которые внесли молодые англичане, и 100 крон, присланных группой шведских юношей и девушек, дадут возможность молодому тунисцу приехать на IV фестиваль».

Швед Эрик Андерсен пишет: «У нас в Гётеборге подготовка к фестивалю проходит с таким же воодушевлением, как и в других странах. Наши подписные листы в «Фонд солидарности» распространяются в клубах и на заводах. Еще 21 февраля, в день солидарности с молодежью колониальных и зависимых стран, шведская молодежь решила начать сбор средств, чтобы помочь делегатам молодежи Судана принять участие в фестивале».

Журнал «Молодежь мира» организует международную молодежную эстафету. Через белые ночи Скандинавии, жару тропиков, древние города Европы и равнины Америки понесет молодежь послание мира и дружбы в Бухарест. Газета «Фестиваль» пишет: «Мы уже представляем себе те волнующие минуты, когда все шесть эстафет из шести уголков мира принесут призыв юности на улицы Бухареста...»

Деятельно готовятся к фестивалю спортсмены. В отличие от Берлинского фестиваля, где в играх принимали участие только студенты, в Бухаресте все молодые спортсмены смогут в товарищеских встречах показать свое мастерство. Вот что говорит венгерский боксер, чемпион XV Олимпийских игр Ласло Папп, избранный в Международный подготовительный комитет фестиваля: мы, венгерские спортсмены, будем участвовать в соревнованиях по всем видам спорта. Что касается меня лично, то я надеюсь, что снова смогу померяться силами с южноафриканским боксером Шалквиком, который был моим противником в финальной встрече на Олимпийских играх в Хельсинки.

В соревнованиях примет участие и другой олимпийский чемпион, знаменитый чехословацкий бегун Эмиль Затопек.

Программа фестиваля разнообразна, красочна, она выражает интересы молодежи самых разных национальностей.

Во время фестиваля в Бухарестском университете встретятся студенты многих стран. Они обсудят вопросы, касающиеся образования, методов обучения, обменяются опытом борьбы студенчества за свои права. 10 августа будет проведен День студентов.

* * *

Если мысленно совершить краткое путешествие по странам мира, где происходят репетиции к фестивалю, то можно представить себе грандиозную картину подготовки к молодежному празднику. Танцевальные ансамбли Англии собираются показать массовый танец, который будут исполнять сто человек.

Бельгийский ансамбль народных танцев проводит свои репетиции после рабочего дня. И ничего, что у танцоров нет постоянного зала, что они репетируют под «аккомпанемент» патефона, что они сами себе изготовляют нужные костюмы. Главное, что все участники ансамбля охвачены одним общим желанием — обеспечить своей программе успех.

В программах художественных выступлений будут не только танцы, но и песни и показ искусства драматических коллективов. Экспериментальный театр Колумбийского университета, например, собирается прислать на фестиваль своих самых лучших актеров. Группа английских студентов готовит пьесу Бернарда Шоу.

«Каждый день,— сообщает газета «Фестиваль»,— из различных стран поступают все новые и новые сообщения от ансамблей или драматических кружков, которые рассказывают нам о своей работе по подготовке к фестивалю».

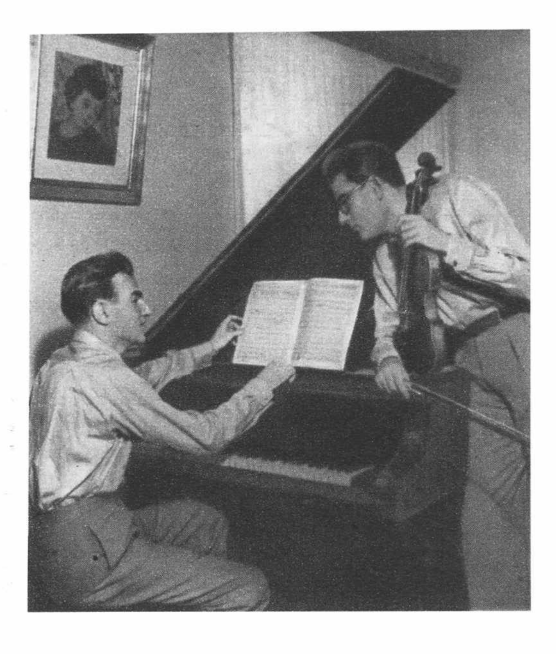
Некоторые делегации уже приехали в Бухарест, и здесь тоже идут репетиции.

Необыкновенной жизнью живет сейчас столица Румынии. Бухарест полон ожидания. Отовсюду приходят письма, телеграммы. Приезжают первые гости.

* * *

Две недели осталось до фестиваля. Подготовительный комитет уже сообщил, что на фестиваль прибудут делегаты из 102 стран. Вполне вероятно, что число стран-участниц окажется еще бóльшим. И нет сомнения, что он будет еще более полно, чем в предыдущие годы, представлять различные слои молодежи всех стран, еще более ярко отразит бодрость и силу молодежи, ее уверенность в торжестве дела мира.

А. ПЫЖИКОВ

Известные румынские молодые музыканты братья Штефан и Валентин Георгиу репетируют концерт, с которым намерены выступить на фестивале.

На строительстве Парка культуры и спорта в Бухаресте. На переднем плане: члены Международного подготовительного комитета IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

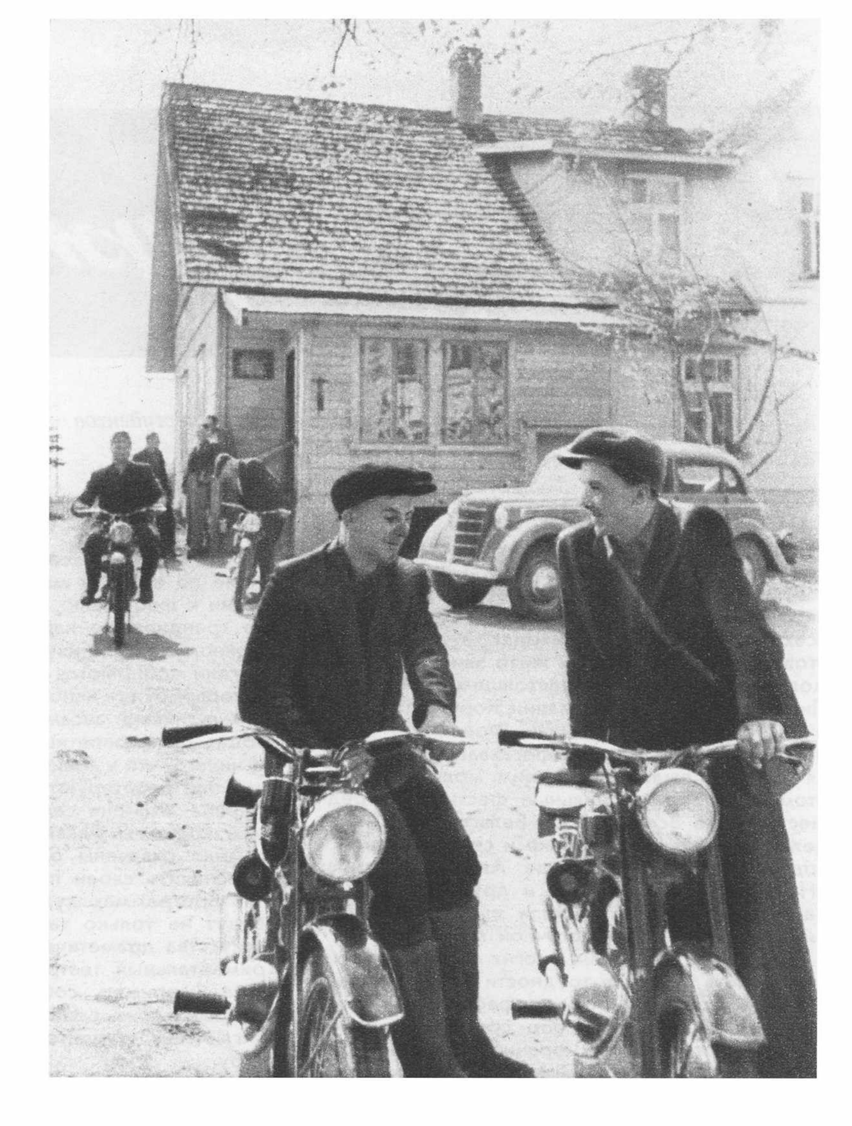

ВИДЗЕМСКАЯ НОВЬ

Н. ХРАБРОВА

Фото И. СЕМИНА.

Видземе — так исстари зовется в народе северная часть Латвии. Пологие холмы, пашни и луга, голубые озера, спрятавшиеся в зарослях черемухи. В недалеком прошлом это был край одиноких хуторов. Выложенные камнем вековые межи разграничивали наделы единоличников. Лучшие земли принадлежали помещикам.

Ныне бывшие помещичьи владения принадлежат народу. В Коценской семилетней школе, разместившейся в бывшем поместье барона фон Хартвиса, учатся дети колхозников артели имени Ленина.

Летним солнечным днем на песчаных дорожках парка можно встретить юных физкультурников. «Старт!» Загорелые ребята бегут наперегонки к золотой россыпи одуванчиков, цветущих на пришкольном лугу.

В здании рядом со школой разместилось правление колхоза имени Ленина — одного из передовых в Валмиерском районе. Только что здесь закончилось совещание бригадиров, и сейчас они торопятся на поля. Дорога предстоит дальняя, но у каждого бригадира есть мотоцикл, приобретенный артелью (на фото слева направо: бригадиры Альфонс Кузьмов и Артур Веверис).

Вместе с председателем колхоза коммунистом Густавом Апинисом отправляемся на «Москвиче» вслед за бригадиром Артуром Веверисом. На лесной просеке полумрак, как в тоннеле: высоко над нами ели сплетают свои могучие ветви. Пахнет лесной сыростью. Сначала издалека доносится шум тракторных моторов, потом показываются и сами тракторы с культиваторами на прицепах.

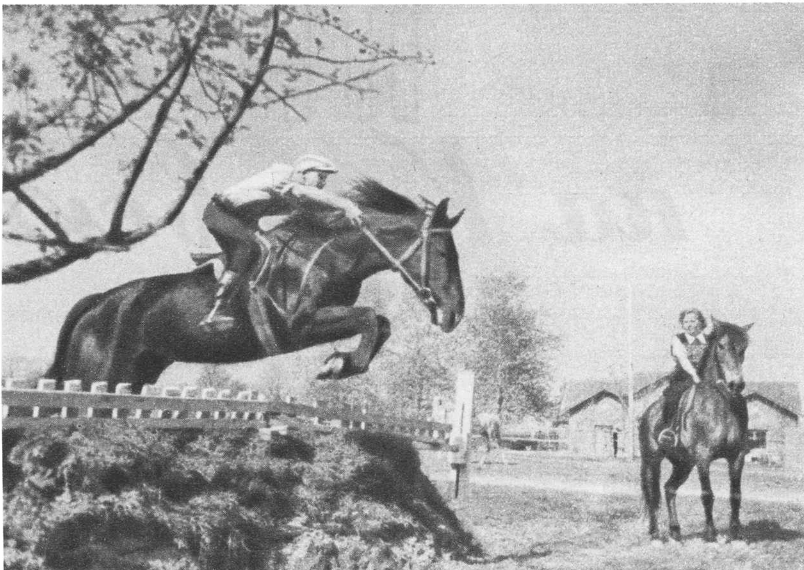
— Вот оно, Дутерское болото, — говорит Апинис. — Еще прошлой осенью здесь над ржавыми топями реяли тучи комаров. В нынешнем году ранней весной экскаватор прорыл магистральную канаву. И вот уже осушено 40 гектаров. Хорошая тут земля! Будущей весной вспашем еще 30 гектаров.

К Апинису подходят комсомольцы — бригадир Веверис и руководитель тракторной бригады Валмиерской машинно-мелиоративной станции Янис Озолс. Вместе они наблюдают за работой трактора (на фото слева направо: Г. Апинис, А. Веверис, Я. Озолс).

На опушке зеленой рощи нам встретилась заведующая животноводческой фермой Эльза Скраустыня, батрачка в прошлом, ныне лучшая в колхозе доярка,

награжденная орденом Трудового Красного Знамени, избранная земляками депутатом Верховного Совета Латвийской ССР.

Эльзу Карловну мы увидели снова близ коровника, после дойки (на фото в центре).

Коровник с тремя силосными башнями построен недавно. Подача корма и вывозка навоза здесь механизированы, установлены автопоилки, резервуар для хранения молочных бидонов наполнен проточной родниковой водой. Повсюду электрический свет.

В колхозе 180 дойных коров латышской бурой породы. Из года в год растут удои. Колхозная рекордистка Даугава дала в прошлом году 6 935 литров.

Колхоз снабжает племенным молодняком многие другие артели. Со всего Валмиерского района съезжаются сюда за семенным картофелем, семенами многолетних трав.

Доходы колхоза приближаются к полутора миллионам рублей в год. Семья Карлиса Улмиса, например, получила в 1952 году на трудодни больше 5 тысяч рублей, 3 тонны хлеба, 4 тонны картофеля, много овощей, сахара и других продуктов. Немало в артели семей с таким же примерно доходом.

Черты нового все ярче проступают в быту латышских колхозников. В артели хороший детский сад, клуб. Каждая колхозная семья выписывает газеты и журналы. Молодежь увлекается конным спортом. Наездники часто тренируются на Валмиерском манеже. В село еженедельно приезжает кинопередвижка с новыми фильмами.

Часто под праздники из Коцени в Валмиеру мчатся вереницы автомашин: колхозники едут на спектакль районного театра.

В одно из воскресений мы увидели колхозников этой артели в Валмиере, в парке на обрывистом берегу реки Гауи. Шел районный смотр художественной самодеятельности. До поздней ночи звучали мелодии народных песен. На эстраде исполнялись массовые танцы.

Так проводят свой досуг труженики колхозных сел Советской Латвии.

ПРОГУЛКА на Кировские острова

Мариэтта ШАГИНЯН

Фото Р. Мазелева.

1. Вода, зелень, воздух

У каждого города есть какие-нибудь свои преимущества: местоположение, климат, пути сообщения, отметка над уровнем моря, природный фон — снеговые вершины, морская даль, густые леса, широкая речная пойма... Но не каждый город может похвастаться тем, что эти его преимущества целиком использованы для жителей.

Одно из больших преимуществ Ленинграда — вода. И она была в свое время хорошо использована его первыми строителями, введена в классические архитектурные ансамбли. Она широко использована при советской власти, чтоб раскрыть не только зримую красоту города, но и сделать наслаждением самую жизнь в нем, наслаждением для дыхания, движения, отдыха. Вот вы вступили на ленинградские улицы в душный летний денек, когда градусник показывает 30° в тени. И замечаете, что вам уже не душно, словно приехали вы не в огромный промышленный центр, а на курорт. Северные, бледные краски неба с преобладанием тусклоголубых тонов; щедро положенные белила, словно выпущенные из тюбика рукой художника прямо на полотно; белые горки облачков, белые линии на горизонте, чуть разбавленные тем свинцовым оттенком, который мы нежно именуем «сизым» на голубиных крыльях. Небо с его облачками отражается в каналах, по которым тихо скользят лодочки. Молчаливые мальчуганы с длиннейшими удочками неподвижно стоят над водой, опершись на гранитные парапеты. А ветерок говорит вам, нежно пробежав по щеке вашей, что это еще не вся вода, это лишь преддверие воды: там, за кружевным очерком дворцов, голубым холодным пламенем вспыхнет перед вами Нева с ее белыми речными трамвайчиками, а за Невою опять каналы, озера, пруды и бьющие в изрезанный берег уже солоноватые, уже шумящие глухим прибоем морские волны...

Вода использована здесь при советской власти для широчайшего озеленения города, для превращения больших его пространств в сплошные цветники. И так как изобилие воды делает здешнюю почву всегда чуть-чуть влажной, зелень садов и парков Ленинграда имеет тот яркозеленый, особый оттенок, какой сочетается у вас в воображении с очень ранней молодостью: «молодо-зелено».

Идите вдоль набережной, наслаждаясь бессмертной красотой Невы, вплоть до Летнего сада и поверните в тенистую его аллею. Это тот Летний сад, над кудрявыми главами которого пронеслись великие, трудные годы: он зарастал, забурьянивал, содрогался под фашистскими бомбами, стоял на запоре за решеткой; его мраморные статуи были зарыты в землю, его дорожки были безлюдны. И если вы долго не были в Ленинграде или, за недосугом, не заглядывали сюда в короткие сроки приездов, вам предстоит без устали восхищаться и поражаться: всё, всё, как раньше, всё цело, сохранено, приумножено, открыто для народного пользования. Классические линии скульптур и крупные надписи у их подножия с рассказом, что каждая обозначает. Мифы древности, светлые и жуткие, обезоруженные, высветленные ясным разумом нашей эпохи. Детишки бегают мимо них по аллеям Летнего сада, зная и страшного бога Сатурна, и пышноволосую богиню Флору, и кудрявую головку Весны, но предпочитая им всем дедушку Крылова,— один из лучших в мире памятников, окруженный барельефами главных персонажей из басен.

Но вот вы дошли почти до конца сада, где белеет стройный

По четвергам в парке проводятся бесплатные симфонические концерты Ленинградской филармонии.

мраморный Антиной. Где же конец? Направо вместо огромной пустынной площади Марсова поля встает такая симфония зелени всех оттенков, осененная жемчужными струями фонтана, что вы долго-долго стоите неподвижно, не в силах оторвать от нее глаз. А сосед шепчет вам на ухо: «Вы поглядите на Марсово в конце июля, в августе, когда вся пестрота распускается,— ведь это сплошной цветочный газон на десятки гектаров!»

Но превращение справа — не единственное, и впереди ждет вас новость. Летний сад переходит в большой Михайловский сад. Правда, он был всегда. Но со стороны канала Грибоедова в этот сад не было входа, а сам он был порядком запущен и не очень любим ленинградцами. Сейчас великолепная его решетка разомкнулась, открыв доступ к зеленому массиву прямо с канала. Сад вычищен, выхолен, превращен в парк. Меж липовыми его аллеями благоухает на полянках свежее сено. Старый, обветшалый павильон Росси, стоявший в углу сада, как доживающий свой век музейный памятник, ожил: в нем открыта детская читальня. И думаешь: что за счастливцы ленинградские дети — так незаметно, на каждом шагу, в каждом углу родного города подстерегает их строгая красота линий, выдержанная гармония стиля, совершенство пропорций! Растут, и вкус их воспитывается, формируется, складывается как бы сам собой от обилия согласованных, постоянных художественных воздействий. Но и это еще не все!

Большое зеленое пространство трех сливающихся друг с другом садов в самом сердце города; вода каналов и река создают тот высший, необходимейший комфорт для существования человека, который химики выражают в формуле, а медики в двух словах: «хороший воздух». Хороший воздух — это чистота дыхания, обилие озона, отсутствие пыли и бактерий, это глубокие «вдох» и «выдох» физкультурника, дающие здоровье и радость.

Казалось бы, город — курорт. Но в этом городе чистого, свежего дыхания, в самом городе, на одной из его окраин, раскинулся еще и настоящий курорт — с санаториями, домами отдыха и густыми зелеными садами.

2. Кировские острова

Каменный остров, а с ним вместе соседние — Елагин и Крестовский — сделались теперь своеобразным ленинградским курортом.

Чтоб оценить это в полной мере, надо вспомнить, чем были острова до революции. Городские бездельники, желавшие покутить, мчались на собственных «выездах» на острова. Мимо лачуг, населенных рабочим людом, мимо покосившихся заборов и глухих переулков — в безлюдную тишь, где модный ресторан принимал бездельника в укромный «отдельный кабинет»; на пресловутую Стрелку, откуда в бинокли смотрели на далекую линию горизонта; на дачи — редкие богатые дачи, укрывавшиеся в тиши и зелени Елагина... Все это было доступно единицам. Помню, в конце прошлого века в компании студентов я как-то отправилась в зимний воскресный день на острова. Мы долго ехали на конке, везомой двумя лошадьми. Потом шли пешком, сквозь снег, по засыпанной снегом дороге, дошли до пустынной Стрелки и даже спустились на лед залива, чтоб поглядеть на короткий зимний закат. Но было пронизывающе холодно, пустынно, безлюдно. Четыре часа понадобилось, чтоб добраться до Стрелки, и столько же, чтоб «унести ноги» оттуда.

И большая вода, и зелень, и воздух, и пространство — все это было у старого Питера, и все это лежало втуне, лежало неиспользованное, недоступное для народа.

Сейчас, чтоб добраться сюда, нужно меньше часа. Со всех сторон города по земле и воде бегут на острова десятки трамваев, речных и сухопутных, мчатся велосипедисты, мотоциклисты, спортивные лодки. Солидно шуршат шинами по асфальту автобусы: это едут курортники с путевками, одни в желудочно-кишечный санаторий, другие в кардиологический, третьи в однодневный дом отдыха; приедут, проведут размеренный, насыщенный отдыхом и удовольствием длинный день среди цветов и деревьев — и как бы урок покоя и размеренного режима получат на смену городской спешки... Десятки тысяч, а иногда и сотни тысяч людей едут сюда на спортивные праздники, на народные гулянья, чтоб провести выходной,— и какое богатство предлагают им Кировские острова!

Стадион — самый большой в нашем Союзе,— рассчитанный на сто тысяч человек. Огромный парк культуры и отдыха. Водная станция — со всеми наслаждениями жизни на веслах: путешествия по десяткам соединенных в одну артерию прудов и каналов, мимо сказочно зеленых берегов, под музыку, как в панораме «Спящей красавицы»... Музыке в этом месте отдыха и лечения отдано почетное место, и это требует особого разговора.

3. Отступление — о музыке

Одна из самых старых лечебных традиций в мире — хорошая симфоническая музыка на курорте. В узаконенные часы, до наступления сумерек, в парках курортов всего мира звучат симфонические оркестры. Вокруг открытой «раковины» гуляют курортники, и музыка щедро доносится и до тех, кто сидит на скамьях, и до тех, кто забрел в дальнюю аллею парка, и до тех, кто двигается со стаканом в руках к бювету, чтоб выпить очередную порцию минеральной воды. Казалось бы, эта старая традиция — обязательная музыка в пять часов дня — родилась только как летнее развлечение в давние времена, когда еще не было радио и кино, а молодежь говорила: «Пойдемте в парк на музыку», как сейчас говорят: «Идем в кино».

А между тем хорошая симфоническая музыка на курортах, ежедневная, бесплатная, в часы, когда еще не зашло солнце и каждому полезно пребывание на воздухе, музыка, овевающая вас вместе с воздухом, с запахом цветов, с бликами солнца сквозь листья парка,— это не только развлечение, но и могучий лечебный фактор, гармонически действующий на нервную систему, укрепляющий и успокаивающий ее. Сотни врачей и психологов приходили к этому выводу, подчеркивали благотворное действие музыки.

С сожалением надо сказать, что этот проверенный, испытанный лечебный фактор начал понемногу исчезать из нашей курортной жизни, заменяясь обычными вечерними (а верней, и ночными, так как кончаются они около полуночи) платными концертами в закрытых помещениях. Приходится иной раз слышать: «К чему содержать целый оркестр, когда есть радио и в каждом санатории чуть ли не ежевечерне кино?» О том, может ли радио заменить симфонические концерты в парке, стыдно и говорить в наше время, когда то же радио, постоянно и убедительно, в лекциях и беседах учит советского человека любить и понимать серьезную музыку, воспитывает культуру музыкального слуха, раскрывает звуковую магию великих мастеров симфонизма, приглашая его идти и слушать — идти и слушать не на мертвой радиоволне, а непосредственно на концертах чистый, неискаженный звук музыкального инструмента...

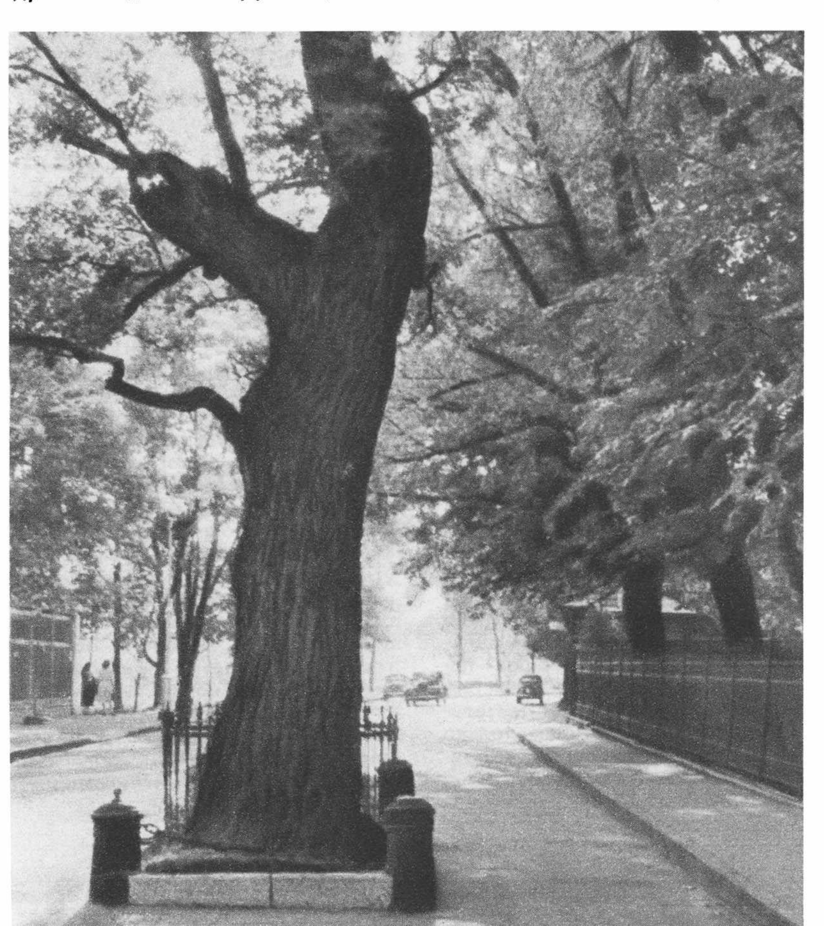
Но Ленинград — центр большой музыкальной культуры — не изменил музыке. Он славился летними концертами в Павловске, на которые съезжался когда-то «весь Петербург». Сейчас он славится концертами на Кировских островах. Ленинградская филармония проводит здесь большую благородную работу популяризации и пропаганды музыки. В специальном музыкальном лектории проводятся концерты-беседы: «Как научиться слушать симфоническую музыку». Не сразу дается эта наука. Еще есть у нас такие любители музыки, от которых можно услышать: «Скучища была — один оркестр б е з н и ч е г о». Фраза, которой суждено исчезнуть из нашего лексикона. «Без ничего» — значит без пения или без танца, то есть без более доступных форм выражения музыки. Но в лектории начинает раскрываться перед слушателем душа каждого инструмента, составляющего оркестр; объясняется его особый голос, прелесть и значение его тембра, роль, какая дается ему обычно в сложной партитуре симфонии. И слушатель начинает учиться «читать» музыку, он уже различает беседу инструментов в оркестре, может следовать ухом за каждым отдельным голосом,— и какое это редкостное, возвышенное, очищающее душу наслаждение! Музыка стала массовой — в подлинном значении слова — на Кировских островах. Четыре раза в неделю здесь даются бесплатные концерты для тысяч и тысяч слушателей. Но здесь вообще считают тысячами. Несколько тысяч ленинградцев собирается в парке на «Поляне песен». Это не для слушателей. Это для участников. Собравшись, они поют вместе, и грандиозный хор, где поющие наслаждаются пением и слушают сами себя, создает в его чистом виде тот «праздник песни», где не должно быть разделения на исполнителей и слушателей, а каждый участник — одновременно и слушатель.

4. Проводы белых ночей

Ленинградские белые ночи, когда заря с зарей сходится! Тысячи раз было описано их очарование. Но вот затухают жемчужно-серебристые тона в небе, перестает их отражать большая вода Ленинграда, к серебру подмешивается вакса обычной ночи: белая уходит, она кончается. И в Парке культуры и отдыха на Кировских островах устраивается массовый праздник конца июня — проводы белых ночей. По древнему русскому обычаю, положено душе «крепиться» и «развеивать грусть по ветру»,— проводы на Руси всегда были веселые, с песней, шутками, танцами: проводы масленицы, проводы лета. Весело провожают ленинградцы и последние белые ночи.

Вот она опустилась на землю в серебре своего тумана, матовая, тускло светящаяся, последняя бе-

Дуб, посаженный Петром I.
Фото Л. Зиверта.

В санатории «Мать и дитя». Матери шьют распашонки.

лая ночь. Тысячи ленинградцев на Кировских островах, но так много здесь большого лесного пространства, всяческих аттракционов, тенистых аллей, что обычной скученности от множества гуляющих тут совершенно не чувствуешь. В театре на воде (это тоже одна из особенностей здешнего парка) идет балет «Лебединое озеро» в прекрасном исполнении ленинградского балета. Вода входит слагаемым в зрелище, плеск ее словно баюкает музыку. А вот купол Планетария. Здесь происходит беседа «В мире звезд». Белая ночь спрятала звезды, но здесь, на искусственном небе, они загораются для сотен любознательных глаз. Дальше идет другая беседа, и ее слушают с напряженным вниманием: «Почему бывают белые ночи?» Поэзия подковывается тут наукой. К чести ленинградского отделения Общества по распространению политических и научных знаний, надо сказать, что темы для лекций здесь выбираются интересные, неожиданные, неистощимые по разнообразию; поучение почти всегда связано с показом, с использованием всех неисчерпаемых богатств Ленинграда, этого города-музея, живущего острой современностью.

Дальше, на танцевальных площадках парка, кружится молодежь — это «балы молодежи», как они называются в программах. На эстрадах — выбирай любую — тоже интересно: в одном месте вечер старинного водевиля; в другом — концерт классической музыки на тему «Весенние мотивы»; в третьем — большой вечер юмора и сатиры, сюда приехали в гости артисты Московской эстрады.

Все это множество удовольствий на деловом языке дирекции парка называется сухим словом «мероприятия». Они очередные, они «обходят» эстрады и театры. Но в парке есть и постоянные учреждения в постоянных павильонах, куда каждый праздничный день идут толпы ленинградцев. Идет целая семья — отец, мать, двое детишек — в гости к тому, чье имя дано островам, к Сергею Мироновичу Кирову. Большой павильон, где расположена выставка, посвященная жизни и деятельности Кирова, вмещает только основные экспонаты. О них подробно рассказывает экскурсовод, и как только замечает он, что вас особенно заинтересовал какой-нибудь документ, непременно добавит: «В городском музее у нас это полнее, обязательно побывайте в городском музее!»

Много народу, большей частью молодежь, заходит и в другой постоянный павильон, павильон технической консультации. О нем одном, о его посетителях, о его экспонатах, постоянно обновляющихся, можно целый рассказ написать.

В этом павильоне — филиал постоянной промышленной выставки Ленинграда. Здесь периодически показывается все новое, чем могут похвалиться ленинградские заводы: новые станки, машины, технологические процессы. Сейчас здесь демонстрируются (в действии): большая оплеточная машина, сложно, в несколько металлических нитей оплетающая резиновый кабель; установка для электрической полировки цветных металлов; станок-автомат, сам откусывающий часть стальной трубки и делающий из нее винт, и т. д. Но больше всего ленинградцев в том углу, где отведено место вовсе не Ленинграду, а Средневолжскому станкостроительному заводу, что в Куйбышеве. Знакомое имя бросается в глаза с плаката: В. А. Колесов. Это имя часто упоминается в газетах, а я, признаться, до сих пор не знала, в чем новаторство В. А. Колесова. Протискиваюсь вперед. Консультация так консультация! Хочу в точности узнать о В. А. Колесове. И консультант дает мне ясную, понятную справку, понятную и потому еще, что она дается у самой машины. В. А. Колесов — автор метода силового резания металла; он увеличил подачу резца в пять — десять раз, и соответственно этому стружка из-под резца выходит большего сечения... До сих пор скоростники побеждали время временем: они намного ускоряли обороты, и стружка, тонкая, красная, раскаленная, вилась из-под резца, как огненная струйка. А Колесов побеждает время пространством: он ускоряет работу, сразу захватывая резцом столько стального мяса, сколько стачивается скоростниками лишь за много оборотов. Так образно раскрылась передо мною новая творческая ступенька в поступательном движении нашей техники. Разумеется, для силового резания потребовалась и соответствующая переделка самого станка...

Течет белая ночь, глубоко забирает резец нашей жизни за душу, за весь аппарат нашего восприятия, насыщенный множеством впечатлений. Но одно — самое прекрасное — все же еще остается для рассказа. О нем, правда, нужно не ночью и не в сумерки, а рассказать уже на следующий белый ленинградский денек.

5. Университет материнства

Тут же, на Кировских островах, где все устроено на здоровую потребу человека, есть один необычный санаторий. Называется он «Мать и дитя». Едешь к нему парковой дорогой, на которой вдруг перед самой машиной вырастает огромный сказочный дуб — словно пушкинский «дуб зеленый». Но опоясывает его не «златая цепь», а солидная ограда, как бы узаконивающая его вторжение на дорожный асфальт. Дуб посажен здесь рукою Петра. Столетия сберегли его, и даже строители, проводившие тут дорогу, уважили старика. Дуб встречает вас, как в преддверии сказочно необычного.

Когда-то в двух нарядных виллах жили барон и баронесса Таубе. Две виллы превратились в два корпуса нового санатория. В одном из них отдыхают «мамы» — так их зовут здесь и врачи, и сестры, и сиделки; и сами они, знакомясь с вами, привычно называют себя «мама такого-то малыша».

Дело в том, что в этом санатории отдыхают матери вместе со своими новорожденными. Сюда принимаются дети в возрасте от двух недель до трех месяцев. Другой корпус отдан для отдыха тем, кому еще только предстоит стать мамами, то есть беременным на последних месяцах. Каковы же смысл и цель этого особого профиля санатория?

Заглянем к мамам. Здесь они по профсоюзным путевкам со всех концов нашей Родины. Есть приехавшая даже с Курильских островов. Жена акробата цирка, учительница, чернорабочая, научный работник, студентка Института советской торговли — все виды труда, все профессии... Каждая — с новорожденным, кое-кто с двояшками. Была тут и работница с «Красного треугольника», имевшая тройню — трех превосходных мальчишек, до того похожих друг на друга, что только мать могла угадать, «кто — кто». Продуманный правильный режим, оздоровительные процедуры, воздух, зелень, питание — все это, как в других санаториях. Но вот необычное: беседы о рациональном кормлении и воспитании своего ребенка; лекции о правах советской женщины, о советском законодательстве, касающемся брака, семьи, женщины; семинары по обучению кройке и шитью детского белья, по изготовлению детской пищи. Оригинально поставлены лекции на литературные темы: для слушательниц делается библиографический обзор одной какой-нибудь новой книги, рассказывается ее содержание, раскрывается тема. Так была проведена недавно беседа о романе «Семья Рубанюк». Нелегко забудутся заложенные здесь прочные навыки физического и духовного режима. Культура быта — великая вещь, и драгоценны ее семена, заброшенные в душу человеческую, когда она жадно раскрыта для восприятия.

Из комнат мамаш входим в детскую, предварительно надев марлевую сетку на рот в добавление к больничным халатам. Младенцы — один краше другого, глубоко серьезные, какими бывают новорожденные, чистенькие, выхоленные, упитанные — лежат по своим кроваткам, лежат и кричат «уа-уа», потому что пришло время для их кормления. И в этом первом рефлексе на определенный час пищевого режима, в свободном, неспеленутом лежании без постоянного тисканья в материнских объятиях, в ровной, прохладной температуре детской тоже чувствуются зачатки здоровой культуры тела, здорового, нормального характера. Скоро заполнится мамами комната для кормления. Предварительно каждая достанет из своего ящичка белый халат, каждая, щипцами захватив дестиллированный тампончик из дезинфекционного раствора, вытрет им свою грудь. И мамы рассядутся по удобным стульям со скамеечками для ног, возьмут каждая своего младенца, будущего советского гражданина... И халаты, стулья, скамеечки, антисептика — все это тоже запомнится для будущего, все это найдет свой отголосок в домашнем быту.

Великая вещь — советская культура, тихо, не видно, в самых разных областях нашей жизни делающая свое большое, непрерывное дело перевоспитания человечества! И слава незаметным труженикам, миллионам советских людей, несущим эту культуру в массы своей самозабвенной работой!

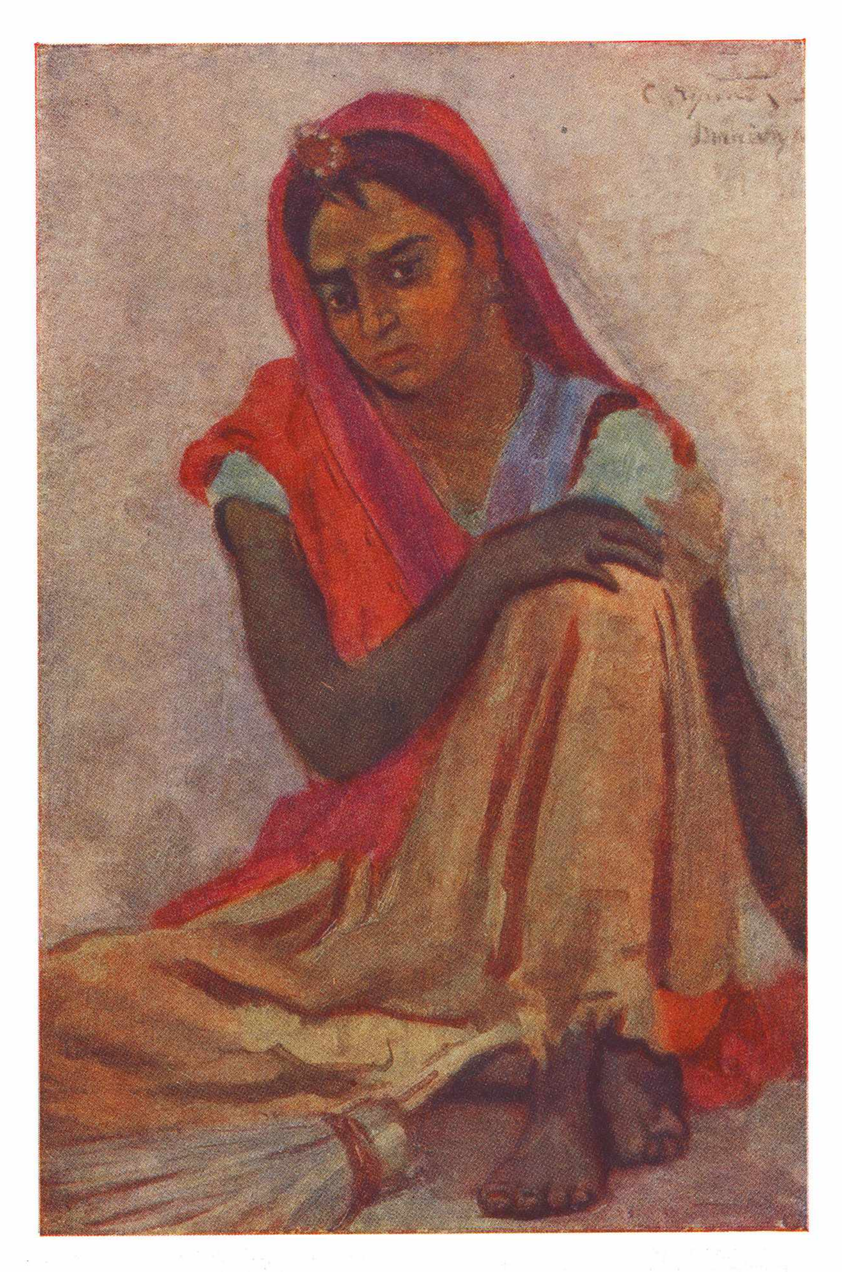
Таковы Кировские острова, очерченные бегло и далеко не полно. Мы рассказали о них читателю не только потому, что отдых на Кировских островах приятен и поучителен, но и потому, что он может стать типовым. Потребности советского человека растут, и растут не механически, не сами собой: они пробуждаются, воспитываются, расширяются с общим ростом нашего общества, с помощью бесчисленных, больших и малых, работников советской культуры. В этом смысле опыт Кировских островов интересен как замечательный пример для всех городов нашего Союза. И санаторий «Мать и дитя» мог бы стать типовым для десятков и сотен таких же учреждений во многих областях и республиках нашего великого Союза.

Из индийских этюдов

Подлинной симпатией к народу Индии полны живописные произведения художника С. Чуйкова, побывавшего в начале 1952 года в этой стране древней и самобытной культуры, стране резких общественных контрастов.

В серии индийских этюдов Чуйкова, которая экспонировалась на Всесоюзной художественной выставке 1952 года, предстает множество образов, живых, разнообразных по характеру, обаятельных в своей непосредственности. Здесь нет надуманной экзотики, нет изображения напыщенной роскоши привилегированных классов.

И природа знойной Индии и своеобразная архитектура страны нашли отражение в этих работах. Но больше всего занимает художника народ с его думами, чувствами и делами.

С. А. Чуйков. ПОДМЕТАЛЬЩИЦА ИЗ КАСТЫ «НЕПРИКАСАЕМЫХ».

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

С. А. Чуйков. ТИБЕТСКАЯ ДЕВУШКА-КУЛИ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

Талантливый живописец умело заставляет цвет служить глубокому раскрытию образа, обогащать характеристики. Портреты Чуйкова — подметальщицы из касты «неприкасаемых» и тибетской девушки-кули,— публикуемые здесь, несут в себе большую мысль.

В картине «Женщина из Мадраса» серебристо-фиолетовый, мягкий колорит как бы заставляет зрителя сосредоточить все свое внимание на облике этой молодой хрупкой женщины. Молча, только жестом протянутой исхудавшей руки и тоскливым взглядом, просит она милостыню, чтобы накормить своего ребенка. Лаконизм, четкость, предельная выразительность художественных средств делают это произведение глубоким и значительным.

Художник, обладающий острым и внимательным глазом, сумел увидеть и безошибочно отобрать наиболее характерные явления. Поэтому его индийские этюды стали взволнованным рассказом о правде жизни.

С. А. Чуйков. ЖЕНЩИНА ИЗ МАДРАСА.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

Они будут учиться во дворце науки

Выпускники средних школ, принятые в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Слева направо: М. Прокофьева, А. Липин, Л. Рябова, А. Клепикова, О. Колотов, Л. Петрушова, А. Филонова.

Фото В. Шустина.

В Актовом зале старого здания Московского государственного университета в эти дни особенно оживленно. Столики с табличками названий факультетов окружены юношами и девушками; в руках у них аттестаты зрелости.

Стать студентом Московского университета, слушать лекции крупнейших советских ученых — заветная мечта молодежи. В Актовом зале можно встретить людей со всех концов нашей Родины: с Сахалина и из Закарпатья, с Крайнего Севера и Кавказа, из Якутии и Киргизии.

В первые же дни приема в Московский университет поступило более пяти тысяч заявлений, из них свыше трех тысяч — на естественно-научные факультеты: физический, биолого-почвенный, географический и другие.

...Весело и людно на залитом ярким солнцем дворе университета. Вот по широким ступенькам крыльца сбегает группа студентов. На лицах счастливые улыбки. Они закончили школу с медалями и успешно прошли собеседование. Только что им сообщили: вы приняты в университет!

Сбылась мечта Олега Колотова из Георгиевска, Ставропольского края. Еще в пятом классе Олег увлекся физикой и стал заниматься в кружке. Страстный радиолюбитель, он в старших классах руководил школьным радиокружком. На собеседовании Олег рассказал об интересных результатах собственных физических опытов. Теперь О. Колотов — студент физического факультета МГУ.

На физический факультет поступил и А. Липин — бывший староста физического кружка одной из средних школ Краснодона.

Две подруги — Людмила Петрушова и Алла Филонова — решили обязательно стать геологами. Они приехали в столицу с солнечного побережья Крыма, из Ялты. Давно нашла свое призвание и москвичка Марина Прокофьева.

— Стать химиком я решила еще в восьмом классе,— говорит Марина.— Тогда у нас начали преподавать органическую химию, и этот предмет очень увлек меня. Больше всего интересуюсь я химией белковых веществ. Мне кажется, что в этой области особенно много неизведанного.

Вся страна принимала участие в строительстве величественного дворца науки на Ленинских горах. И вот скоро в прекрасном здании начнут учиться тысячи советских юношей и девушек.

М. МИКРЮКОВ

Молодые художники

Обаятельная, сильная, ловкая, стройная... На одну секунду замерла она, следя за стрелкой секундомера. Сейчас девушка взмахнет рукой, скомандует. И ее товарищи и подруги помчатся по беговой дорожке.

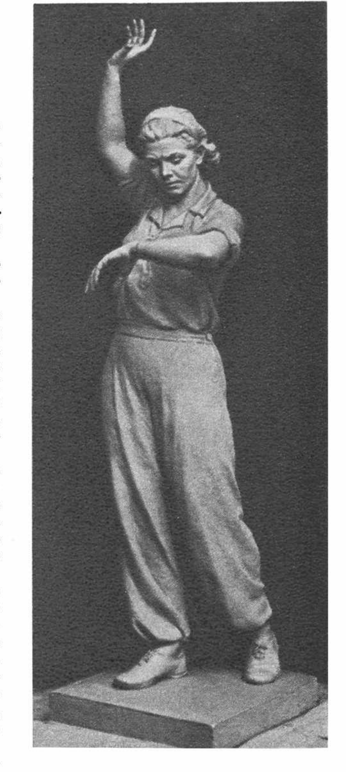
Эта скульптура — дипломная работа Ю. Яковлева — называется «Внимание!».

На защите дипломов в Московском государственном художественном институте имени В. И. Сурикова все четыре работы молодых скульпторов из мастерской известного скульптора Н. В. Томского признаны отличными.

В этом году институт выпускает сильный творческий коллектив художников-плакатистов. Мастерская плаката создана недавно; руководит ею народный художник РСФСР М. М. Черемных.

Присутствовавшие на защите дипломов одобрительно отзывались о серии плакатов Олега Савостюка «Радуюсь я — это мой труд вливается в труд моей республики», посвященных созидательному труду советских людей. Савостюк показал себя серьезным и интересным художником. Интересны плакаты Б. Успенского, сделанные по материалам XIX съезда КПСС, о перспективах развития сельского хозяйства в нашей стране. Большое число плакатов — дипломных работ молодых художников — отобрано для издания.

Были представлены дипломные работы в области книжной иллюстрации, сюжетной станковой графики. С успехом прошла также защита дипломов студентами театрально-декоративной мастерской профессора М. И. Курилко.

«Внимание!». Дипломная работа Ю. Яковлева.

А. ИВАНОВА

Подарок доставлен на дом

«Художественный совет» подбирает очередной подарок. Слева направо: работники стола заказов А. Артамонова, М. Алешина и И. Скрипкина.

Фото Б. Кузьмина.

«Москва, ул. Горького, «Гастроном» № 1. Стол заказов».

От пяти до пятисот телеграмм из самых отдаленных уголков Советского Союза ежедневно приносят почтальоны по этому адресу. Телеграммы присылают люди разных профессий — геологи, моряки, инженеры, шахтеры, врачи. Все они обращаются с одной и той же просьбой: в определенный день доставить по указанному адресу праздничный подарок.

Просьба одна и та же, а вот поводы самые разные...

Большая семья у Федосея Павловича Голоулина. В этом году Валентина, одна из его дочерей, с отличием окончила Московский технологический институт пищевой промышленности. В тот день, когда она защитила диплом, у Голоулиных был большой праздник.

Едва успели сесть за празднично накрытый стол, раздался звонок. Открывать побежала самая младшая — Тамара. Через несколько секунд она вернулась с незнакомой женщиной в белом халате, в руках у которой был большой сверток.

— Это к тебе, Валя,— сказала Тамара.

— Поздравляю вас с отличной защитой диплома, желаю успеха в работе,— обратилась женщина к Вале, одновременно передавая ей сверток и телеграмму.

Удивленная девушка распечатала телеграмму...

О том, что Валя кончает институт, знал ее дядя Сергей Павлович Голоулин, находящийся сейчас в Магадане. Он обратился в стол заказов с просьбой поздравить племянницу и передать ей подарок. Работники стола заказов узнали, когда Валя защищает диплом, и, как видите, во-время исполнили поручение Сергея Павловича...

Наташе Петровой долго придется ждать, покуда ее можно будет поздравить с успешным окончанием института. Но перейти во второй класс — тоже серьезное дело. Об этом событии, конечно, не забывает отец, работающий на Дальнем Востоке, как не забывает он о дне наташиного рождения, Первом Мая и других знаменательных датах. Значит, надо ждать знакомую Наташе голубую машину, на которой ей не раз привозили вкусные пирожные, конфеты, фрукты.

— Наташа Петрова — не единственная наша постоянная «подопечная»,— рассказывает заведующая столом заказов Марина Петровна Алешина.— Я могу назвать десятки лиц, регулярно пользующихся нашими услугами. Нам хорошо известны их адреса и даже вкусы.

Марина Петровна и другие работники стола заказов стараются не только во-время доставить подарки, но и красиво их оформить. Порой задача усложняется, так как в телеграммах не указывают, что именно хотелось бы преподнести. Пишут просто: «На ваше усмотрение».

Здесь-то и начинаются хлопоты. Узнают, кому предназначен подарок — взрослому или ребенку,— с каким это связано поводом — днем ли рождения, окончанием учебы, а может быть, и свадьбой. Когда все выяснено, «художественный совет» — так в шутку называют Марину Петровну и ее помощниц — приступает к подбору ассортимента. Можете быть уверены, подарок придется по вкусу!

Т. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Сухое молоко

На Павлодарском заводе сухого молока. Расфасовщица А. Т. Червонная (слева) и технорук В. П. Серова упаковывают молочный порошок в бочки.

Фото Я. Рюмкина.

— Надоел чай, да и консервы в зубах навязли. Побалуемся молочком.

Остановив собачью упряжку и разбив палатку, люди в меховой одежде зачерпывают котелком снег и растапливают его на костре. Вскипятив воду, они опускают в нее несколько ложек светложелтого порошка и, наслаждаясь отдыхом после долгого пути, пьют теплое молоко.

— Вкусно!

Подобные картины можно наблюдать и на побережье Чукотки, и в Якутии, и на Таймыре. Сухим молоком, упакованным в особые бочки и привезенным на Крайний Север, пользуются геологи и топографы, рыбаки и охотники, строители и изыскатели новых путей.

Один из заводов сухого молока расположен в Павлодаре, на берегу Иртыша. Из совхозов и колхозов, со степных пастбищ каждое утро к заводским воротам тянутся автоцистерны, машины, груженные бидонами с молоком.

По транспортерам бидоны поступают в приемное отделение. После анализа и взвешивания молоко фильтруется, по трубам подается в холодильник, затем подогревается до определенной температуры. Пастеризованное, то есть очищенное от бактерий, но сохранившее витамины молоко перекачивается насосами в вакуум-аппараты. Там разреженный воздух отсасывает влагу, и жидкость превращается в сгущенную, вязкую массу. Она поступает в сушильный агрегат — башню высотой в трехэтажный дом. Здесь диск, вращающийся со скоростью до 6 тысяч оборотов в минуту, размельчает массу в порошок, а горячий воздух просушивает его. Просеянный в ситах порошок упаковывается в фанерные бочки. В таком виде сухое молоко можно перевозить на любое расстояние, хранить долгие сроки.

Оборудованный совершенной аппаратурой Павлодарский завод снабжает сухим молоком далекие окраины нашей Родины.

С. МЕСЯЦЕВ

УСПЕХИ НАРОДНОГО КИТАЯ

Открытие выставки.

Вадим **КОЖЕВНИКОВ**

В Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, открылась выставка промышленности и сельского хозяйства Китайской Народной Республики.

Все содержание выставки служит ярким доказательством огромных созидательных успехов, одержанных китайским народом после того, как он сбросил с себя цепи иноземного и внутреннего угнетения.

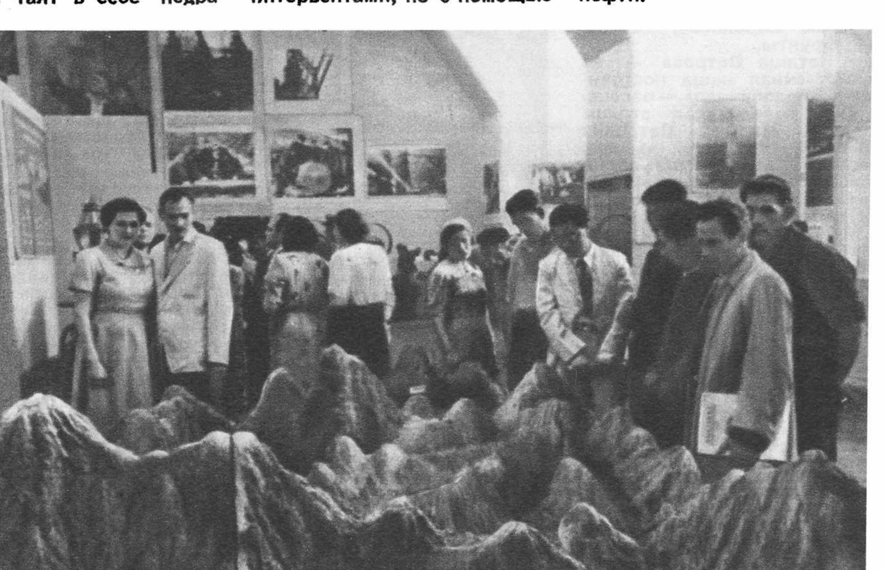
На стендах мы видим образцы ископаемых богатств, которые таят в себе недра китайской земли; уголь, нефть, медь, железо, свинец, цинк, сурьма, олово, ртуть, магний и другие ценные металлы и минералы. Все это еще недавно грабили иноземные капиталистические хищники и интервенты, стараясь одновременно скрыть от китайского народа расположение ценных залежей ископаемых.

Народное правительство Китая не только в кратчайшие сроки восстановило горную промышленность, разрушенную гоминдановцами и интервентами, но с помощью Советского Союза оснастило ее самой современной техникой. Китайские шахтеры и рудокопы, металлурги и нефтяники освоили передовой опыт советских новаторов и добились огромных успехов. За короткий период — с 1949 по 1952 год — производство чугуна возросло в 7,5 раза, стали — в 9,4 раза, добыча каменного угля увеличилась в 2 раза, сырой нефти — в 3,1 раза.

Китайские геологи при участии специалистов СССР осуществили широкие геологические поиски. Они открыли новые богатейшие залежи полезных ископаемых, в частности, большие запасы нефти.

Народный артист СССР Б. Чирков знакомится с китайским фрезеровщиком.

Макет горного участка Цинхай-Тибетской шоссейной дороги.

По картам, диаграммам посетители выставки могут судить о том, какими неисчерпаемыми сырьевыми ресурсами обладает черная металлургия освобожденного Китая. Вот они — изделия Аньшаньского комбината, гордости китайской металлургии. Он не только восстановлен в кратчайшие сроки и коренным образом реконструирован. По существу, создан новый комбинат. Будучи в Китае, я слышал, как рабочие с гордостью называли его китайской «Магниткой».

Привлекает внимание огромная электрифицированная карта сети железных дорог республики. Их протяженность увеличилась по сравнению с 1947 годом в несколько раз.

Действующие образцы станков и машин — яркая иллюстрация быстрого развития китайской машиностроительной промышленности. За одним из станков токарь Мукденского машиностроительного завода Ма Мин-хе демонстрирует свое мастерство скоростного резания металла. Текстильщицы Сунь Юй-жун и Чжуан Гэньин, работая на отечественных ткацких и прядильных машинах, показывают москвичам, как быстро и глубоко овладевают они новаторскими методами труда.

Советские люди внимательно, любовно и одобрительно осматривают новые китайские станки, машины, двигатели, электрогенераторы, электрооборудование, измерительные приборы, инструменты. Да, новая техника победоносно шествует по народному Китаю, и это рож-

В павильоне легкой промышленности.

дает радостные улыбки у всех, кто осматривает выставку.

Остановимся у макетов гидротехнических сооружений на реках Хуайхэ, Хуанхэ-Вэйхэ и Янцзы цзян. За три года строительства вынуто 2 360 миллионов кубометров земли, отремонтировано 42 тысячи километров дамб, создано 358 крупных оросительных систем. Разливы этих могучих рек приносили раньше китайским крестьянам неисчислимые бедствия. Гоминдановцы, полные звериной злобы к труженикам Китая, в свое время разрушали дамбы, бомбили с американских самолетов шлюзы, обрекая на гибель целые районы. По призыву коммунистической партии китайский народ пошел на великие стройки — на обуздание рек — и совершил чудеса.

Я видел на Хуайхэ мощное шлюзовое устройство, возведенное китайским народом. Я был на китайских заводах, изготовлявших оборудование для этих ирригационных сооружений. И в сердце моем на всю жизнь остались слова китайского землекопа Чжу Сюэ-фаня. Показывая рукой на стальные шлюзовые ворота, которым подчинялся бешеный бег реки, он сказал:

— Пусть враги мира увидят это. Может быть, тогда они поймут, что на свете нет силы, способной повернуть вспять наш народ, ощутивший свое могущество, могущество своей власти.

В павильоне, посвященном сельскому хозяйству Китая, нет экспонатов, рассказывающих о тяжелой жизни в старой китайской деревне. Я был в Ханькоу и видел там выставку, посвященную этому страшному прошлому. Я видел одежду китайского крестьянина — слипшиеся лохмотья, которые в течение 180 лет из поколения в поколение переходили без смены от человека к человеку. Я видел страшные орудия пыток, которыми помещики истязали крестьян, портрет крестьянки, которой помещица выколола глаза ножницами, деревянный чан, куда помещица бросила в кипяток свою горничную-девочку за ничтожный проступок. Я видел на этой выставке комки серой глины, куски торфа, которые ели крестьяне, умиравшие с голоду.

Победа китайской революции, осуществленная аграрная реформа, тесный союз рабочего класса с крестьянством навсегда покончили с этим ужасным прошлым. Ныне Китай из страны хронического голода стал страной успешно развивающегося сельского хозяйства.

Благодаря коллективным формам труда, механизации, внедрению передовой агротехники китайские крестьяне во много раз увеличили урожайность своих полей. За последние три года сбор зерновых культур увеличился почти в два с половиной раза. Раньше в Китай ввозили продовольствие. Теперь Китай продает рис Индии, Цейлону и другим странам Южной Азии.

В павильоне легкой промышленности убедительно показано главное: китайская легкая промышленность сумела за короткие сроки так развернуть производство предметов широкого потребления, что трудящиеся обеспечены сейчас самым необходимым.

Когда я смотрел здесь, на выставке, макет недавно построенного в Харбине льняного комбината, оснащенного новейшей техникой, одного из крупнейших предприятий республики, я невольно снова вспомнил выставку в Ханькоу и показанную на ней «одежду» китайского крестьянина. На одном из стендов образцы обуви, изготовляемой сейчас на китайских фабриках поточным методом, обуви, широко доступной трудящимся. Однажды в деревне Дачужансы один крестьянин сказал мне:

— Я прожил пятьдесят лет — и вот только три года, как мои ноги обуты в настоящие кожаные ботинки, до этого они знали лишь солому или деревянные дощечки.

Множество представленных на выставке изделий кустарной китайской промышленности вызывают восхищение своим тонким художественным выполнением и свидетельствуют о таланте народа, его высокой одаренности. Некоторые из этих изделий — подлинные произведения искусства.

Выставка завершается залом, посвященным теме китайско-советской дружбы. Все прекрасное в огромных трудовых достижениях китайского народа проникнуто духом этой нерушимой дружбы и союза. И выставка, куда устремляются сейчас десятки тысяч москвичей, свидетельствуя о замечательных успехах экономического и культурного строительства в Китайской Народной Республике, лишний раз подчеркивает значение дружбы двух великих народов для торжества дела мира.

Сунь Юй-жун — ткачиха из провинции Тяньцзинь — демонстрирует работу ткацкого станка.

Фото А. Гостева.

Пять знамен над Москвой-рекой

Тринадцатого июля, в день открытия международных товарищеских соревнований по гребле, над Москвой-рекой разыгрался ветер. Волнами вспенилась обычно гладкая поверхность реки. Начал накрапывать дождь. Но гранитные трибуны Центрального парка культуры и отдыха имени Горького были заполнены до отказа, и ровно в пять часов под знаменами своих стран выстроились гребцы Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии и СССР.

Товарищеские встречи советских гребцов с гребцами стран народной демократии стали у москвичей одними из самых популярных спортивных зрелищ. И в самом деле это — очень красивое зрелище. Легко и стремительно проносятся узкие скифы по Москве-реке, и ветер словно доносит до зрителей все напряжение борьбы — дыхание гребцов, всплески весел, команды рулевых...

Заездом женских скифов-одиночек на дистанцию 1 000 метров начались соревнования. С трибуны можно разглядеть, как у Зеленого театра берут старт четыре лодки, и вот уже советская спортсменка Н. Санина проносится через линию финиша. Сразу же после этого начались состязания байдарок-двоек. Здесь победу завоевали венгерские гребцы Д. Месарош и И. Месарош. Советские спортсмены А. Трошенков и И. Кузнецов заняли второе место.

Успешно выступали венгерские гребцы и в следующем заезде парных безрульных двоек. Первыми на финише были Я. Варро и Д. Хонти. Это был единственный заезд по классу академических судов, где спортсмены СССР уступили первенство. Во всех остальных соревнованиях они добились заслуженного успеха.

Большой интерес представлял заезд скифов-четверок с рулевым. На старте встретились семь лодок. Среди участников — чешская четверка (К. Мейта, И. Гавлис, Я. Индра, С. Луск) — чемпион олимпийских игр. Победу одержала советская команда в составе К. Путырского, Г. Блюльгарта, Г. Гущенко, Б. Федорова, рулевой — Б. Бречко. На самом финише второй скиф СССР (В. Бурачек, Е. Кузнецов, Ф. Сухов, Е. Сиротинский, рулевой — С. Носов) обошел скифы Венгрии и Чехословакии и занял второе место. На третьем месте спортсмены Венгрии, на четвертом — чехи.

Советская восьмерка с загребным В. Крюковым после победы проходит мимо трибун.

С нетерпением ждали зрители выступления мужских скифов-одиночек. На дистанции 2 000 метров олимпийский чемпион Юрий Тюкалов встретился с польским гребцом Теодором Коцеркой, занявшим на олимпиаде третье место. Тюкалов сразу же со старта вырвался вперед, и борьба за второе место разыгралась между Коцеркой и румынским гребцом А. Варешом. Вслед за Тюкаловым линию финиша пересек Коцерка.

Как и обычно, на гребных соревнованиях в центре внимания был заезд мужских скифов-восьмерок. Призер олимпийских игр советская команда состязалась с венгерской восьмеркой, лодкой Румынии, скифом Чехословакии и второй лодкой СССР.

Несмотря на плохую погоду, советская восьмерка с загребным В. Крюковым не только добилась победы, но и показала рекордное время для московской воды: 2 000 метров советский скиф прошел за 6 минут 3,6 секунды. Вслед за ним гонку закончил второй советский скиф, на третьем месте оказалась восьмерка Венгрии.

В. ВИКТОРОВ

Гребцы Румынии впервые принимают участие в международных соревнованиях в Москве. На параде после вручения вымпелов румынский гребец целует гребца СССР.

Фото А. Бочинина.

Всесоюзный день физкультурника

Хорошо дышится на стадионе после конца рабочего дня! Сброшено платье, плечи облегает легкая спортивная майка. Хочется поскорее выйти на старт, почувствовать под ногами гаревую дорожку, выбежать с копьем в руке на прохладную траву футбольного поля...

Физкультурники Первого подшипникового завода имени Л. М. Кагановича с большим увлечением занимаются самыми различными видами спорта. На заводе работают восемнадцать спортивных секций, имеется двадцать шесть футбольных команд. Рабочие играют в волейбол и баскетбол, участвуют в велосипедных и мотоциклетных гонках, плавают, устраивают соревнования по легкой атлетике.

Физкультурный коллектив этого передового московского предприятия насчитывает около трех тысяч человек. Новыми успехами встречают спортсмены Подшипникового завода Всесоюзный день физкультурника.

Этот день молодости, красоты и здоровья празднует вместе со своими спортсменами вся страна.

Огромное значение придают Коммунистическая партия, Советское правительство развитию физической культуры советского народа. Спорт в нашей стране — одно из важнейших средств воспитания всесторонне развитого человека. Отличительная черта физкультурного движения в СССР — его массовость и непрерывный рост мастерства...

Летний сезон в разгаре. В низовых коллективах заводов и колхозов, на школьных площадках и студенческих стадионах десятки миллионов советских людей черпают в спорте новые силы для творческого, созидательного труда. Из этой огромной массы физкультурников выдвигаются все новые и новые мастера — чемпионы страны, рекордсмены, люди, умножающие славу советского спорта.

Легкоатлеты Первого подшипникового завода имени Л. М. Кагановича на тренировке.

Фото Е. Умнова.

Спартакиада студентов

Студент Г. Пярнакиви ведет бег на дистанцию пять тысяч метров.

Фото А. Батанова (ТАСС).

Из Ленинграда и Киева, Молдавии и Узбекистана, Таллина и Свердловска и еще из многих городов и республик съехались в Москву спортсмены вузов, чтобы померяться силами, показать, чего они добились за истекший год. Около полутора тысяч человек — легкоатлетов, гимнастов, пловцов, баскетболистов, волейболистов, велосипедистов — собрала VII Всесоюзная летняя спартакиада Министерства культуры СССР и центрального совета добровольного спортивного общества «Наука».

...Пистолетный выстрел звучит над стадионом, и бегуны срываются с места. Чем ближе старт, тем упорней борьба. Вот под ногами мелькают уже крупные белые клетки финишной прямой, и бегун рвет ленточку. Губерт Пярнакиви прошел 5 тысяч метров за 15 минут и 5 секунд. Девятнадцатилетний студент Эстонской сельскохозяйственной академии устанавливает студенческий новый рекорд.

Гимнасты соревнуются в закрытом помещении — в просторном гимнастическом зале Московского технологического института пищевой промышленности. Одновременно происходит борьба на всех снарядах.

По сумме баллов мужской и женской команд первое место завоевали хозяева зала — студенты Института пищевой промышленности.

Двенадцать новых студенческих рекордов Министерства культуры СССР и общества «Наука» было установлено на спартакиаде. Сорок легкоатлетов выполнили нормы первого разряда.

Команда московских студентов выиграла первенство общества «Наука» по легкой атлетике. В группе вузов победили студенты Московского энергетического института имени Молотова.

Среди баскетболистов у мужчин сильнейшими оказались студенты Латвийского университета, у женщин — студентки Тартуского университета.

Волейболисты Москвы — и мужчины и женщины — закончили все свои встречи без поражений и завоевали первенство.

На спартакиаде студенты имели возможность померяться силами с лучшими мастерами страны по легкой атлетике, выступавшими вне конкурса.

Заслуженный мастер спорта Леонид Щербаков показал молодым спортсменам отточенную технику тройного прыжка. Он прыгнул на 16 метров 12 сантиметров, установив рекорд Европы.

О. МИХАЙЛОВ

Встречи в Стокгольме

Впечатления советских легкоатлетов о поездке в Швецию

Недавно в Москву вернулась делегация советских спортсменов, выступавших в соревнованиях, посвященных 700-летию Стокгольма.

Корреспондент «Огонька» беседовал с участниками этих соревнований.

— В Швеции, — говорит Н. Хныкина,— нас повсюду встречали тепло и дружески. Выступления советских спортсменов привлекли огромное количество зрителей и находились в центре внимания шведской печати. В первый же день нашего пребывания в Стокгольме мы познакомились с городом, а к вечеру направились на стадион, где должны были проходить соревнования.

Повсюду нас атаковали стокгольмские ребята. Они окружали нас, требуя автографов, автографов во что бы то ни стало! Ребята часами дежурили под окнами отеля, где мы остановились, и если окна были открыты, то в комнату летели блокноты и ручки. «Автографы!» — слышались голоса. Некоторые мальчики, получив автограф, приходили во второй и третий раз. Я должна заметить, что особенно ценились автографы А. Ануфриева, П. Денисенко и Н. Думбадзе.

Заслуженный мастер спорта Д. П. Марков, сопровождавший команду советских легкоатлетов в качестве тренера, говорит:

— Наши легкоатлеты, приняв участие в 10 видах спорта, заняли первые места. Большой успех выпал на долю бегунов А. Ануфриева, показавшего хорошее время в беге на 3 тысячи и 5 тысяч метров, и Г. Иванкина, которому в Стокгольме удалось установить новый всесоюзный рекорд в беге на 800 метров — 1 минута 50,1 секунды. Главным соперником Иванкина на этой дистанции был Р. Хегерман, один из лучших шведских бегунов. Его результат тоже был достаточно высоким — 1 минута 51,7 секунды.

Н. Пономарева метнула диск на 55 метров 68 сантиметров. Это второй результат в мире.

О встрече Лундберга — рекордсмена Европы по прыжкам с шестом — и Петра Денисенко стоит рассказать несколько подробнее, но, может быть, лучше меня об этом расскажет сам Денисенко.

— Выиграть встречу у Лундберга было нелегко,— говорит Петр Денисенко.— Прыжки мы начали с 4 метров. Высоту взял Лундберг, за ним я. Швед просит поставить планку на 4 метра 20 сантиметров и легко переходит ее. Беру эту высоту и я. Когда была установлена высота в 4 метра 30 сантиметров, мы остались вдвоем: все остальные участники соревнования теперь уже сидели среди зрителей.

4 метра 30 сантиметров взяты. Но Лундберг берет и 4 метра 35 сантиметров.

То ли от волнения, то ли от усталости я эту высоту взять с первой попытки не могу.

Вторая попытка. Стремительный разбег — и я перехожу через планку.

Лундберг просит 4 метра 40 сантиметров. Но взять высоту не может. Я же на третей попытке совершаю удачный прыжок, встреченный горячими аплодисментами.

В заключение беседы заслуженный мастер спорта Д. П. Марков сказал, что, хотя погода не всегда благоприятствовала соревнованиям, советские спортсмены удовлетворены своими результатами.

— Мы, — сказал он, — будем с чувством дружбы вспоминать теплые товарищеские встречи на стадионах Стокгольма и Гетеборга.

Спортивный праздник в станице Кущевской

Кубанская станица Кущевская расцвела шелком вымпелов и знамен, яркими майками физкультурников. По дорогам пылили десятки автомашин, двигались колонны велосипедистов и мотоциклистов, мчались всадники в казачьих черкесках. Весь этот поток устремлялся на площадь, к Дому физкультурника.

...Два года назад здесь был пустырь, покрытый зарослями чертополоха, воронками, руинами сожженных и взорванных зданий. Станица Кущевская стояла на пути отступления фашистских оккупантов.

Кущевцы решили своими силами заново построить библиотеку, кинотеатр, бани, Дом физкультурника и стадион. И вот Дом физкультурника и стадион готовы.

Трудно найти в станице человека, который бы не вложил частичку своего труда в это строительство. Рабочие кирпичного завода в свободное время изготовляли кирпич; каменщики и плотники возводили стены, строили изгороди; колхозники разбирали завалы, планировали площадь, подвозили строительные материалы, озеленяли территорию.

В построенном колхозниками Доме физкультурника отлично оборудованный гимнастический зал, просторная комната отдыха, души, раздевалки, вместительная комната для шахматистов.

В честь открытия Дома физкультурника на новом стадионе состоялся спортивный праздник, в котором приняли участие 1 700 физкультурников Кущевского района. Десять тысяч зрителей с интересом наблюдали выступления гимнастов, состязания легкоатлетов, а затем зеленым полем завладели футболисты. На стадионе состоялась полуфинальная встреча на кубок краевого совета общества «Искра» между командами станиц Кущевской и Кореновской.

Кущевские спортсмены проходят мимо нового Дома физкультурника.

Фото О. Кнорринга.

На широком плацу колхозники-кавалеристы состязались в джигитовке.

А. МАКСИМОВ

ЖИЗНЬ — ПОДВИГ

К 125-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского

В. ЖДАНОВ

В начале 1853 года молодой учитель Саратовской гимназии Николай Чернышевский сказал своей невесте:

— У меня такой образ мыслей, что я должен с минуты на минуту ждать, что вот явятся жандармы, отвезут меня в Петербург и посадят меня в крепость, бог знает, на сколько времени. Я делаю здесь такие вещи, которые пахнут каторгою — я такие вещи говорю в классе.

Она спросила, может ли Чернышевский впоследствии перемениться. Молодой учитель ответил:

— Я не могу отказаться от этого образа мыслей, потому что он лежит в моем характере, ожесточенном и недовольном ничем, что я вижу кругом себя... Это направление во мне все более и более только усиливается, делается резче, холоднее, все более и более входит в мою жизнь. Итак, я жду каждую минуту появления жандармов, как благочестивый христианин каждую минуту ждет трубы страшного суда. Кроме того у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем.

Она почти засмеялась — ей показалось это странно и невероятно...

— Это непременно будет,— продолжал он.— Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это... Вот готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно: когда это вспыхнет? Может быть, лет через десять, но я думаю, скорее... А чем кончится это? Каторгою или виселицею. Вот видите,— прибавил Чернышевский,— что я не могу соединить ничьей участи со своей.

Эти слова, записанные в саратовском дневнике Чернышевского, были давно и глубоко им продуманы. Еще на студенческой скамье, лет за пять до разговора с невестой, он пришел к мысли, что единственный путь спасения России заключается в насильственном свержении режима рабства и угнетения. Бурный рост крестьянского возмущения в стране, скованной цепями крепостного рабства, раскаты революционного грома, доносившиеся с Запада в 1848 году,— все это ускоряло идейное развитие Чернышевского, обостряло его пытливую мысль, стремившуюся проникнуть в существо исторических событий, осознать природу социальных противоречий, раздиравших русское общество.

Тогда же юный революционер записал в дневнике, что он «стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев...» Он подружился с членами кружка петрашевцев и с одним из них, Ханыковым, беседовал о возможности революции. А когда петрашевцев арестовали, он призывал к возмездию, утверждая, что царских приспешников следовало бы повесить за эту расправу с честной и мыслящей молодежью.

В декабре 1848 года Чернышевский занес в свой дневник знаменательное признание: он, не задумываясь, пожертвует жизнью, если это будет нужно, для торжества свободы, равенства, братства, для уничтожения нищеты и порока. Спустя год Николай Гаврилович писал: «Вот мой образ мысли о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее...» Охваченный этой мечтой, рвавшийся к активной деятельности, Чернышевский уже тогда помышлял о тайном печатном станке и обдумывал «воззвание к восстанию», в котором собирался разъяснить народу, что свободы можно добиться только силой.

Всюду, где бы он ни был, с кем бы ни встречался, двадцатилетний студент создавал вокруг себя революционную атмосферу. Как его предшественник Белинский, как его последователь Добролюбов, Чернышевский и всем окружающим неутомимо внушал «революционные понятия». Однажды в присутствии Чернышевского хозяйка дома, где он бывал, прочитав вслух рассказ о злоключениях семьи Людовика XVI, проронила слезу. Чернышевский сказал ей:

— Странная вы женщина, вчера вы плакали об овечках, съеденных волком, сегодня — о волке, поевшем этих овец.

Прочные убеждения, сложившиеся еще в юности, помогли Чернышевскому совершить весь многотрудный подвиг его жизни, с честью вынести испытания, выпавшие ему на долю.

Став профессиональным литератором и ученым, сотрудником «Современника», Чернышевский каждым своим шагом, каждым поступком служил делу революции, делу народа. Он оставался пламенным борцом, когда создавал и защищал (в качестве магистерской диссертации) свою революционную теорию искусства, которая произвела переворот в умах и явилась вершиной мировой эстетической мысли до марксизма. Диссертация вызвала ярость реакционеров, и один из них, профессор Плетнев, раздраженно сказал автору:

— Кажется, я на лекциях читал вам совсем не это!

Он оставался революционером, когда писал «Очерки гоголевского периода...», в которых подводил итоги развития русской литературы в эпоху Пушкина и Гоголя и показывал великое значение деятельности Белинского.

Он оставался революционером, когда выступал, как критик-патриот, когда вопреки врагам, упрекавшим его в сухости и непонимании искусства, давал проникновенный художественный анализ ранних произведений Льва Толстого, восхищался лирикой Некрасова и Огарева, правдивостью «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина, когда говорил о мировом значении русской литературы и предсказывал ей великое будущее.

Он был воинствующим философом-материалистом и революционным демократом, когда в своих бесчисленных статьях, трактатах, рецензиях решал сложные вопросы философии, экономики, истории, политики; последовательную критику идеализма, свой философский материализм Чернышевский связывал с жизнью, с революционной практикой, тем самым поднимаясь много выше большинства тогдашних европейских мыслителей и нередко приближаясь к суждениям Маркса и Энгельса. Основоположники марксизма высоко ценили Чернышевского и как ученого-экономиста, указывая, что именно он «мастерски выяснил» банкротство буржуазной экономической науки.

Чернышевский оставался революционером, когда гневно осуждал американских плантаторов и высказывал уверенность в победе Севера над рабовладельческим Югом, когда исторически точно раскрывал антинародный смысл крестьянской реформы 1861 года. В. И. Ленин писал: «Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы... понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер...»

Чернышевский являлся последовательным борцом против самодержавия и крепостничества и с конца 50-х годов, не ограничиваясь журнальной деятельностью, перешел к прямой подпольной работе. Вместе с Добролюбовым Николай Гаврилович начал собирать вокруг «Современника» кадры молодых революционеров, завязывать связи с единомышленниками; он вел пропаганду среди офицеров, среди поляков, живших в Петербурге, участвовал в создании революционной организации «Земля и воля», писал зажигательные прокламации, обращенные к крестьянству. Чернышевский стремился всеми силами ускорить ход событий и с еще бо́льшим нетерпением, чем прежде, ждал взрыва народного возмущения. В это время в стране складывалась революционная ситуация, и вокруг Чернышевского группировались, к нему тянулись все прогрессивные силы русского общества. Он умел даже в подцензурной печати воспитывать своими статьями настоящих революционеров и «влиять на все политические события его эпохи в революционном духе...» (Ленин).

Меньше девяти лет продолжалась эта бурная, невиданная по своему напряжению деятельность Чернышевского. В июле 1862 года за ним захлопнулись ворота Петропавловской крепости. Последовали два года заключения в мрачном Алексеевском равелине, допросы, угрозы, приговор царского суда («за злоумышление к ниспровержению существующего порядка»), лишение всех прав состояния, обряд гражданской казни на площади с выставлением у позорного столба, дорога в Сибирь на телеге под конвоем жандармов, семь лет каторги в Забайкалье, одиннадцать лет ссылки в глухом Вилюйске, затерянном в тайге, отрезанном от всего мира... Так беспощадно расправилось правительство с бесстрашным революционером-демократом, крупнейшим ученым и мыслителем.

Вся передовая Россия, лучшие люди за рубежом были глубоко возмущены жестокостью самодержавия. Герцен писал в «Колоколе»: «Да падет проклятьем это безмерное злодейство на правительство...» Негодуя, он восклицал: «Неужели никто из русских художников не нарисует картины, представляющей Чернышевского у позорного столба? Этот обличительный холст будет образ для будущих поколений и закрепит шельмованье тупых злодеев, привязывающих мысль человеческую к столбу преступников...»

Однако самодержавию не удалось выбить оружие из рук мужественного и непреклонного борца. Достойна вечного удивления та несгибаемая сила духа, та воля к жизни и к труду, которые были проявлены Чернышевским. В крепости, в одиночном заключении, он неутомимо изыскивал способы продолжать революционную пропаганду. В перерывах между допросами он писал роман «Что делать?», надеясь в художественном произведении, во многом иносказательно, передать русской молодежи те высокие и смелые мысли, которые цензура не дала бы ему выразить ни в какой другой форме. И надежды его оправдались: многие поколения передовых людей как в России, так и за рубежом нашли в этой книге программу своей жизни и борьбы; в образах героев романа, смелых и благородных «новых людей», полных сочувствия к угнетенным, ненависти к старому миру, преданности народному делу, революционная молодежь увидела вдохновляющий пример для подражания. Роман Чернышевского, согретый мечтою о будущей счастливой жизни в коммунистическом обществе, имел огромное значение для воспитания умов, для идейной подготовки революции. Эту книгу хорошо знал и любил В. И. Ленин.

Жизнь Чернышевского в Сибири, несмотря на все лишения, также была полна напряженного труда. Находясь под назойливой жандармской «опекой», он продолжал работать для будущего. Помимо многих научных сочинений, им были написаны повести, романы, пьесы. В конце 60-х годов на Александровском заводе он создал выдающийся роман «Пролог» — произведение зрелого таланта, содержащее широкую картину социально-политической борьбы в русском обществе в период проведения «реформы».

Около 20 лет провел Чернышевский в изгнании, с мужеством подлинного революционера отвергая попытки правительства склонить его к подаче прошения о помиловании.

Только в 1883 году Чернышевскому разрешили вернуться из Сибири и поселиться в Астрахани. Он был лишен возможности выступать в печати. Самое имя его долгое время было под запретом. Карл Маркс, выучивший русский язык, чтобы прочесть его сочинения в подлиннике, говорил, что насильственное удаление Чернышевского от научно-публицистической деятельности — большая потеря не только для России, но и для ученого мира всей Европы.

Весь облик Чернышевского, пламенного патриота и борца, всегда устремленного к будущему, страстно ждавшего освобождения своей Родины от угнетателей, близок советским людям, живущим в эпоху, когда осуществились лучшие надежды наших великих предшественников.

РАСКРЕПОЩЕННОЕ СЛОВО

О Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского

Весною 1864 года по глухому бездорожью из одного конца России в другой жандармы везли Н. Г. Чернышевского в Сибирь, на каторгу. На одной из станций за Красноярском его спросили, чем он занимается. Чернышевский шутливо ответил:

— По писарской части маялся... По писарской, по писарской!..

Сейчас, когда Государственное издательство художественной литературы завершает издание первого поистине полного собрания сочинений великого мыслителя и революционера, этот шуточный ответ приобретает особый смысл. Поразителен титанический труд писателя, создавшего шестнадцать больших томов исторических и литературно-критических работ, философских, экономических, филологических, эстетических исследований, романов и драм, публицистических статей и прокламаций. Его товарищ по каторге революционер П. Николаев вспоминал:

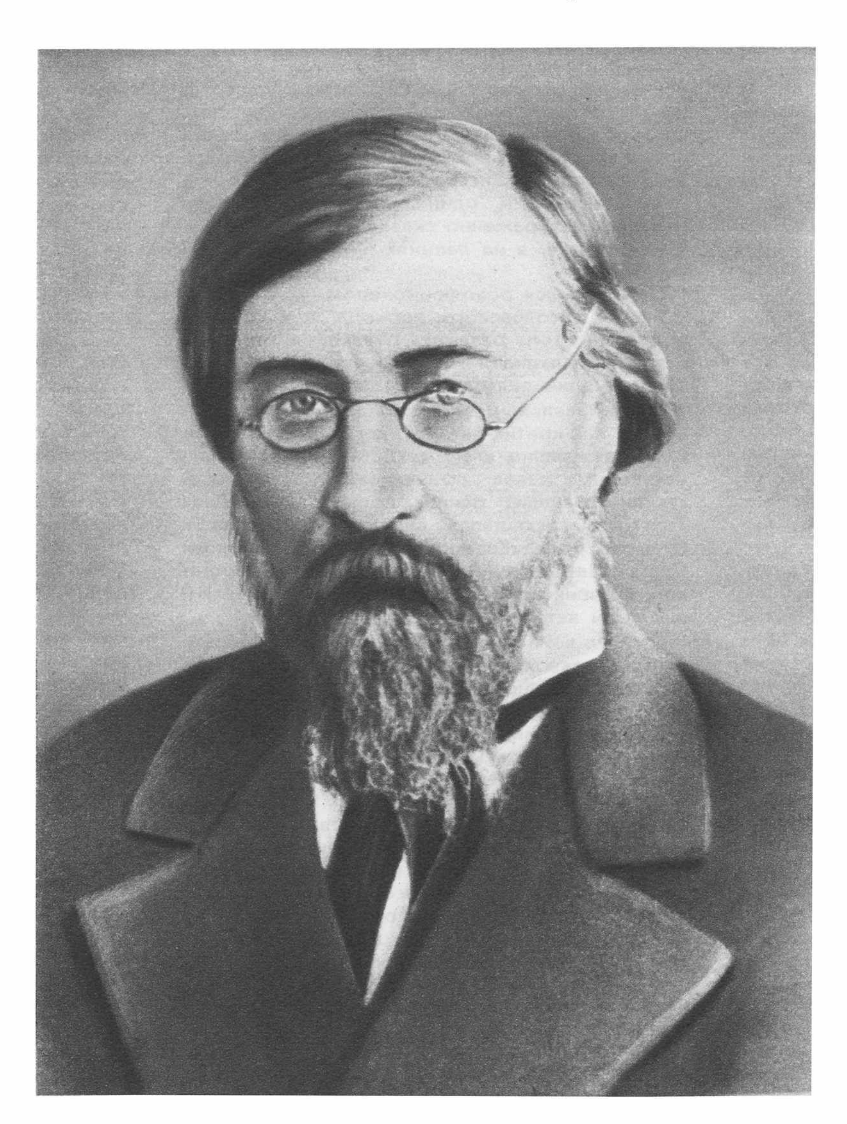
«Писать для Николая Гавриловича значило то же, что для рыбы плавать, для птицы летать, писать для него — значило жить».

После ареста Николая Гавриловича 7 июля 1862 года, и в особенности после вынесения позорного приговора, самодержавное правительство пыталось вычеркнуть имя Чернышевского из русской жизни, из русской истории. Строжайшее запрещение не только публиковать сочинения опального революционера, но даже упоминать его имя в печати являлось своеобразным актом убийства великого писателя-демократа. Однако темным силам реакции не удалось вытравить его влияния. Статьи и сочинения Чернышевского вырезывались из «Современника», переписывались. Уже в 60-х годах представители русской революционной эмиграции искали возможности для издания за рубежом собрания сочинений Чернышевского. Известный революционер, друг Маркса Герман Лопатин стремился для этой цели получить из России полный список сочинений писателя. В 1868 году в Женеве начало выходить пятитомное собрание сочинений Чернышевского, замечательное тем, что в нем наряду с известными произведениями были впервые напечатаны многие неподписанные рецензии писателя.

Сколь страшен был Чернышевский реакционной России, можно судить уже по тому, что вплоть до революции 1905 года запрет, наложенный на его сочинения, сохранял свою силу. Из Сибири Чернышевский отправлял множество новых своих трудов, но при его жизни они так и не увидели света. Огромная, нечеловечески напряженная работа мыслителя в Сибири погибала втуне. Рукописи исчезали в жандармских застенках. И позже — в Астрахани — он оставался все в том же положении. А между тем Чернышевский неутомимо стремился к широкой пропаганде своих материалистических и социалистических идей. Он мечтает об издании своих сочинений и в марте 1884 года, заранее зная, что его письмо попадет в руки властей, просит Пыпина опубликовать в газете: «Мы слышали, что Н. Г. Чернышевский приготовляет к изданию собрание своих сочинений». Объявление в печати не появилось. И только в конце 1884 года было наконец дозволено Чернышевскому печататься, но при сохранении его авторства в строжайшем секрете.

В тяжелые годы разгула реакции сын Чернышевского, Михаил Николаевич, обратился с просьбой об издании сочинений отца. В 1889 году его просьба была отклонена. И только революция 1905 года «освободила» сочинения русского мыслителя и писателя. В 1906 году М. Н. Чернышевский выпустил первое собрание сочинений своего отца в 11 больших книгах (10-й том состоял из двух книг). Велика заслуга этого издания! В нем опубликованы не только уже известные произведения, но и многое, что до тех пор хранилось в семейном архиве.

Но и это издание было далеко от полноты и научной точности текстов. Хотя оно и являлось плодом многолетней, упорной работы, тем не менее в нем неизбежны были ошибки и пропуски. Изучение творчества Чернышевского еще не начиналось, рукописи его были не разобраны, тексты искажены цензурой. В издание 1906 года не вошли такие значительные произведения, как «Повести в повести», «Алферьев», «Рассказы о Крымской войне», и многие замечательные статьи. Не найдет здесь читатель писем и дневника Чернышевского. Многое из его наследия находилось за семью печатями в секретнейших архивах царской России.

Н. Г. Чернышевский.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла читателю нового Чернышевского. Ряд произведений, извлеченных из тайников третьего отделения, разысканных исследователями среди неподписанных статей в журналах шестидесятых годов, открывал новые и новые стороны в разнообразной деятельности Н. Г. Чернышевского.

Значительным событием в истории публикации Чернышевского являлось издание «Избранных сочинений» великого мыслителя, предпринятое в 1928 году Гослитиздатом. Незаконченное (вышло 4 из предполагавшихся 5 томов), оно, тем не менее, внесло много исправлений в тексты Чернышевского. Однако оно не могло заменить издание 1906 года, ибо заключало только небольшую часть литературного наследства писателя. Важное значение имел также ряд научно подготовленных однотомников Чернышевского (например, издание 1934 года).

Завершением этой большой, сложной работы советских литературных следопытов и изыскателей явилось научное издание Полного собрания сочинений Чернышевского, I том которого вышел в 1939 году, а последний, XVI, выходит только теперь. В это издание включены такие исключительной ценности материалы, как заново расшифрованные дневники, автобиографические материалы и письма Чернышевского. Наибольшую часть томов заполняют его выдающиеся работы, посвященные вопросам философии, эстетики, литературной критики, политической экономии, истории и другим областям науки. Среди них новый, наиболее точный текст «Эстетических отношений искусства к действительности», «Очерков гоголевского периода русской литературы», статей о Пушкине и Гоголе. Три больших тома посвящены художественным произведениям Чернышевского. Некоторые из них публикуются впервые. Так, читатели познакомятся с замечательным романом «Отблески сияния».

Но не только в этом значение нового издания. В Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского редакция стремилась к наиболее точному воспроизведению текстов. Всю жизнь Чернышевского мучила цензура. Цензурные путы стесняли его мысль, накладывали печать на его статьи. Крик ненависти вырывался у писателя, когда он вспоминал своих цензоров. «Ну их к чорту всех,— писал он Добролюбову 28 ноября 1860 года,— ...все до одного скоты». В новом собрании сочинений тексты проверены по подлинным рукописям и корректурным гранкам, восстановлены пропуски и исправлены искажения.

Новые, исправленные тексты делают более ясными и отчетливыми революционные идеи, пронизывающие работы Чернышевского. Так, варианты и черновые наброски помогают нам еще отчетливее уяснить его понимание революционной тенденциозности. Искусство для великого русского мыслителя — отображение жизни, «воспроизведение природы и жизни».

Враги Чернышевского обвиняли его в разрушении искусства. Однако он был далек от требования голой или дурной тенденциозности. Он великолепно знал, что искусство только тогда действенно, когда глубокое идейное содержание находит высокохудожественное воплощение. Об этом говорит следующее замечательное рассуждение, напечатанное в вариантах и не вошедшее в прижизненные издания диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности»: «Его (худож-

ника.— *М. П.*) голословным приговорам нет явного места в художественном произведении; а если б он и захотел их высказать, они не имели бы никакой цены, потому что были бы общими местами из общеизвестных фраз, уже давно всем знакомых».

В XVI томе нового издания мы находим ценнейшие публикации, еще более конкретно характеризующие позицию Чернышевского. В борьбе с убогими идеалистическими идейками «чистого искусства» Чернышевский настойчиво пропагандирует мысль о ведущей роли содержания в искусстве.

«Забота о форме,— пишет он в рецензии на «Правила русской словесности» А. Данского,— есть забота об ухищрениях и вычурностях, о румянах и корсетах. Беда была бы, впрочем, еще не очень велика, если бы ограничивалась одним только слогом: пусть он будет и дурен, это можно простить, если содержание произведения хорошо. Но какого содержания вы будете ждать от писателя, который не думает о содержании?.. Забота о слоге ведет к пустоте или ненатуральности содержания».

В том же томе впервые напечатан замечательный документ. 15 декабря 1862 года Н. Чернышевский писал о себе в третьем лице в Следственную комиссию:

«...Он начал писать беллетрический рассказ, содержание которого, конечно, совершенно невинно,— оно взято из семейной жизни и не имеет никакого отношения ни к каким политическим вопросам...»

Этот «невинный беллетрический рассказ» — всемирно известный роман Чернышевского «Что делать?», открывший новый этап в истории русского социального романа.

В настоящем издании роман публикуется по первопечатному тексту. Сличение с черновой рукописью показало, что в прижизненной печатной редакции исчезли многие наиболее политически острые места. Теперь они стали доступны читателям и исследователям (например, текст главы IV, раздел XVII, разговор Кирсанова с «просвещенным человеком»).

Удивительное в своем своеобразии художественное творчество Чернышевского любовно собрано в новом издании его сочинений.

Столь же ядовито и грубо, сколь необоснованно и преднамеренно, дворянско-либеральная критика отрицала у Чернышевского, так же, впрочем, как и у Некрасова и Салтыкова, право на звание художника. Время и история доказали, что в этом споре правы были революционные демократы. Они создали пленяющие и захватывающие силою мысли и художественной красотою произведения.

Еще в каземате Алексеевского равелина Чернышевский задумывает «энциклопедию знания и жизни» — энциклопедию революционно-демократического мировоззрения. «Что делать?», «Пролог», «Алферьев», «Повести в повести», «Отблески сияния» и другие произведения, напечатанные в XI—XIII томах,— это лишь небольшая дошедшая до нас часть цикла произведений, в которых должен был воплотиться этот грандиозный замысел.

В своей прозе Чернышевский везде пропагандирует идею крестьянской революции, идеи новой, революционно - демократической этики. Внимание читателя привлечет незаконченная книга «Отблески сияния». В центре романа — подлинно положительный герой. Владимир Васильевич — типичный представитель революционной России. Его научная и революционная деятельность, манера мыслить, высказывания о Дарвине, о Парижской Коммуне неопровержимо свидетельствуют о близости Владимира Васильевича к демократическому лагерю.

Сам Чернышевский писал: «Я не желаю помрачать никого, как романист... Романы пишутся мною не для славы,— будет она получена мною, или нет, это дело судьбы и решается историей, я ищу ее не романами... Я пишу романы, как тот мастеровой бьет камни на шоссе: для денег исполняет работу, требуемую общественной пользою. Я знаю, что искры поэзии брызжут при этой работе: кто работает с любовью, тот вносит поэзию во всякую работу, тем более в поэтическую».

История вынесла свое решение. В лице Чернышевского русская литература нашла большого и яркого художника, пролагавшего новые пути в русской литературе.

Герцен как-то сказал, что «письма больше, чем воспоминания: на них запеклась кровь событий...» Письма Чернышевского к родным, к Некрасову, Панаеву, Добролюбову и другим его современникам, собранные в XIV—XV томах, представляют исключительно важное дополнение к печатным высказываниям Николая Гавриловича. Это один из существенных источников для его политической биографии.

Как мало мы знаем о некоторых сторонах деятельности Чернышевского! Из воспоминаний известно, сколь привлекателен и чудесен был Чернышевский-педагог. И впрямь, сколько живого чувства, искренней любви к русской литературе и русскому языку, какое понимание детской души проявляются в его набросках «Грамматики», впервые введенных в собрание сочинений (XVI том)!

Любопытны впервые публикуемые заметки Чернышевского на полях популярной книги буржуазного социолога Бокля. Огромный размах исторических сведений, прочная материалистическая позиция, глубокое революционное понимание общественных процессов отличают заметки великого русского просветителя.

В XVI том издания входят также и другие, открытые в последние годы произведения Чернышевского. Читатель здесь найдет тринадцать обзоров «Журналистики», напечатанных без подписи в «Отечественных записках» за 1854—1855 годы. Они интересны прежде всего тем, что еще до окончательного перехода в «Современник» Чернышевский пытался влиять на направление журнала Некрасова. Такова его полемика против статьи Z, выступившего на страницах «Современника» с реакционной идейкой «чистого искусства». Сюда же входят: пять обозрений «Новостей литературы, искусств, науки и промышленности» («Отечественные записки», 1854), два обзора «Иностранных известий» («Современник», 1854), около 20 рецензий за 1853—1861 годы. Кроме того здесь удивительно тонкая пародия на библиографическую критику того времени, конспекты, наброски, заметки и письма мыслителя. В приложениях напечатаны семинарские и студенческие работы Чернышевского.

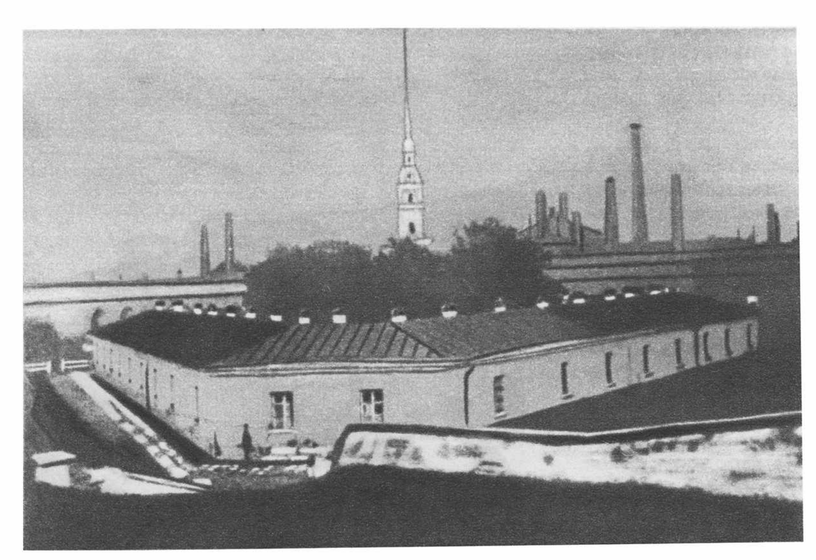
Все эти материалы дают возможность полнее и точнее представить развитие взглядов Чернышевского, его воззрений по отдельным важным вопросам науки и политики.

Издание Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского — большое событие в культурной жизни страны социализма. Полнота, научная достоверность текста, обширные текстологические и историко-литературные комментарии делают это издание незаменимым для всех изучающих развитие революционного движения в России и отечественной литературы. Однако издание не лишено ряда существенных текстологических и комментаторских промахов. В ряде случаев тексты неточны и неисправны (например, такой важный документ, как прокламация «Барским крестьянам...»). Комментарии, особенно в I томе, дают порой ошибочную оценку тем или другим фактам.

Чернышевский писал: «Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и вожделеннее этого?»

Вечное, непреходящее значение сочинений Чернышевского именно в том, что он содействовал славе своего Отечества и благу человечества, что он героически и неутомимо вел борьбу за освобождение своего народа и его будущее.

М. ПОЛЯКОВ

Алексеевский равелин Петропавловской крепости, в который был заключен Н. Г. Чернышевский после ареста.

ИЗ ПЕСЕНОК САAМИ

I

Так приятно грело солнце,
Веселились молча тени,
Так охотно ели ягель
Красноногие олени!

Мы смеялись, три девчонки,
Наши щеки ярче меди,
Нам от радости казалось,
Мы громадны, как медведи!

А в прозрачном, белом небе
Плыли звезды алы-алы!
Сверху летчику — я знаю —
Мы казались малы-малы...

II

Что за песню я слыхала!
Напоешь ее едва ли:
Ведь по радио такую
Только раз передавали!

Что за песню я слыхала!
Улетела — не привяжешь...
Жаль, что музыку словами
Никогда не перескажешь...

Что за песню я слыхала!
Почему тогда казалось,
Будто где-то краснолистка [1]
Распускалась, распускалась!..

Что за песню я слыхала,
По каким найду приметам!
В ленинградской передаче
Рано утром прошлым летом!..

III

Русский летчик, смелый летчик
Полюбил мою подругу...
На часок спустился с неба,
И пошли гулять по лугу...

— Хорошо,— вздохнула,— в небе:
Самолет и чист и светел,
Завести бы там хозяйство!..

— Невозможно,— он ответил.—
Можно в море бросить якорь,
На земле остаться в поле...
Нет на небе остановки.
Не завидуй нашей доле!

— Нелегко,— вздохнула,— страшно
Ждать небесного мужчину:
Не пойдешь искать напрасно
Ни на взгорье, ни в долину,
На земле следа не сыщешь!..—
Так в слезах она вскричала.—
Не нуждался бы в бензине —
Мчался б вечно без причала!

— Ничего, — смеясь, ответил, —
Полюбить была б охота,
А земля — летящий шарик —
Разве хуже самолета!..

Перевела А. АДАЛИС.

* Саами в СССР живут на Кольском полуострове.
[1] Тундровый тюльпан.

Молодая актриса Л. М. Толмачева рассказала своим юным друзьям о том, как она работала над образом Веры Павловны в спектакле «Новые люди».

СОВРЕМЕННИК ГРЯДУЩЕГО

Галина ШЕРГОВА

Фото Е. Соколова.

Переулки бежали вниз, к Волге, нахлобучив охапки зеленых липовых крон на низкие крыши. На реке хлопотали, отплевывая воду, грузовые пароходы, шныряли катеры, медленно, точно боясь утратить достоинство, разворачивались пассажирские. Волга жила, дышала, искрилась, открытая с этого маленького мезонинного балкончика.

Балкончик был деревянный, крашенный серо-голубой краской, такой домашний. Даже странно было говорить о нем словами справочника: «Балкон мезонина в Доме-музее Н. Г. Чернышевского в Саратове»...

В эти дни, когда Саратов готовился отметить 125-летие со дня рождения своего замечательного сына, имя Чернышевского встречалось повсюду. Город ждал открытия памятника писателю. Дворец пионеров создавал выставку детского творчества, посвященную знаменитому земляку. К объединенному заседанию Ученого совета Саратовского университета и пединститута готовили доклады о деятельности Чернышевского. Саратовские художники и скульпторы воплощали образ великого демократа. Областное издательство выпускало книги о нем.

А здесь, с этого балкончика, где когда-то стоял Николай Гаврилович, нам открылась Волга, виденная им, его глазами,— бескрайняя, меняющая цвета. И откуда-то, не из памяти, а из самых глубин сердца, всплыли его слова: «Все она и она перед глазами,— и не любуешься, а полюбишь».

В такой миг нельзя не ощутить его живого дыхания, не почувствовать, что он для нас перестал быть историей, литературой, символом. Хочется воссоздать для себя этот величавый образ, собрать по живым крупицам мятущуюся, устремленную в будущность жизнь.

* * *

По каменистым байкальским берегам грохочет повозка. Спрятав лицо в шаль, плачет в ней женщина. В обратный путь едет она. Полгода пути — от Саратова в Сибирь, в ссылку к мужу, и обратно. А свидание Ольги Сократовны с Чернышевским длилось всего четыре дня. Сын, сидящий в повозке, сжимает в руке коробочку с павлином на крышке — подарок отца.

Эта коробочка стала первым экспонатом музея.

Жизнь человека развертывается перед глазами — жизнь, сотканная из мрачных дней и светлых порывов.

Вот на картине убогая комнатушка духовной семинарии. Ветер грохочет в щербатых окнах. Ежатся на скамьях семинаристы. На первой парте юноша Чернышевский перед раскрытой книгой. Ему нет дела до холодного ветра — он обращен к знаниям. Оно сохранилось, это здание бывшей семинарии. И ничто не напоминает ученикам 25-й школы, которые учатся в ней, о тех временах — ни обновленные стены, ни ясная наука, пришедшая на смену схоластике. Только имя Чернышевского живо здесь. В школе есть «класс Чернышевского». Почетное право заниматься в нем предоставляется лучшему классу.

Проходишь по комнатам музея, листаются годы. «Синяя комната»... Здесь собиралась семья Чернышевских за чтением «Отечественных записок»... Подготовка в Петербургский университет... Встречи с ссыльным — историком Костомаровым... Петербург, работа в «Современнике»... Арест, Петропавловская крепость... Гражданская казнь... Ссылка в Сибирь, Якутия...

...Экскурсию ремесленников ведет по музею Нина Михайловна Чернышевская — внучка писателя. Воспитатели предупредили ее, что «внимания ребят хватит на 20 минут». А они уже второй час не могут оторваться от лекции, и, выходя из Дома-музея, один из них спрашивает: «А этот электросчетчик тоже Чернышевского?»

Товарищи смеются. Для них, разумеется, наивен такой вопрос, для них, выступающих с чтением произведений о Чернышевском в своем Дворце культуры, размещенном в доме бывшего дворянского собрания, где когда-то бывал Николай Гаврилович. А ведь это их одногодков — их дедов и прадедов, заводских паренков — обучал грамоте герой романа Чернышевского «Что делать?» Лопухов. Но сегодняшним рабочим-подросткам странно видеть в Саратовском театре юного зрителя эту сцену: рабочий не умеет читать!

А за окнами музея полыхает лето, и там — за чертой города — тянутся другие дороги. Гудят паровозы, опускаются на аэродром самолеты, и навстречу им сразу уходят другие, будто боясь оставить пустым огромное небо. Аэродром, вокзалы, пристани зовут молодых саратовцев в далекие путешествия... Едут на практику студенты-механики, отправляются в область студенты-филологи читать лекции о Чернышевском. И, сидя у причала, девушка листает на коленях конспект своей лекции. Что расскажет она людям? Как даст им увидеть во весь рост борца за судьбу женщины, таким, каким видит его она сама?

Еще недавно, потрясенная, сидела эта девушка в темном зале Саратовского театра юного зрителя, где на сцене, в спектакле «Новые люди», оживали герои романа «Что делать?» Девушке и ее подругам был дорог образ Веры Павловны Розальской, которая решила «выйти из подвала» к свету и счастью, к любви и науке. Любого зрителя — студента и школьника — волновала судьба героини Чернышевского.

Девушки понимали, что Вера Павловна «может быть счастлива только тогда, когда она трудится», понимали потому, что видели перед собой воплощенную мечту писателя.

Девочки знали преемницу Веры Павловны, той Веры Павловны, которая решила посвятить себя изучению анатомии,— доктора наук, саратовского биолога А. А. Чигуряеву. Хотя даже дерзким мечтам Веры Павловны была недоступна судьба женщины, вышедшей из батрацкой мордовской избы, освещенной трескучей лучиной, на светлую кафедру Саратовского университета.

Может быть, сам Чернышевский, герои которого мечтали помочь человечеству избавиться от болезней, не представлял того, что кажется обычным даже сегодняшним школьникам. Разве думал он, когда в 1848 году во время холеры в Саратове умирало ежесуточно 600 человек, лишенных медицинской помощи, что придет время — и в его городе будет более полутора тысяч лечебных учреждений?

Сколько несгорающих слов Чернышевского приняли, как завещание, поколения!

Студенческие толпы выходят из дверей Саратовского университета, носящего имя Чернышевского. И кажется, о них думал он, когда говорил: «Молодое поколение есть полный наследник того богатства, которое создано предыдущими поколениями...»

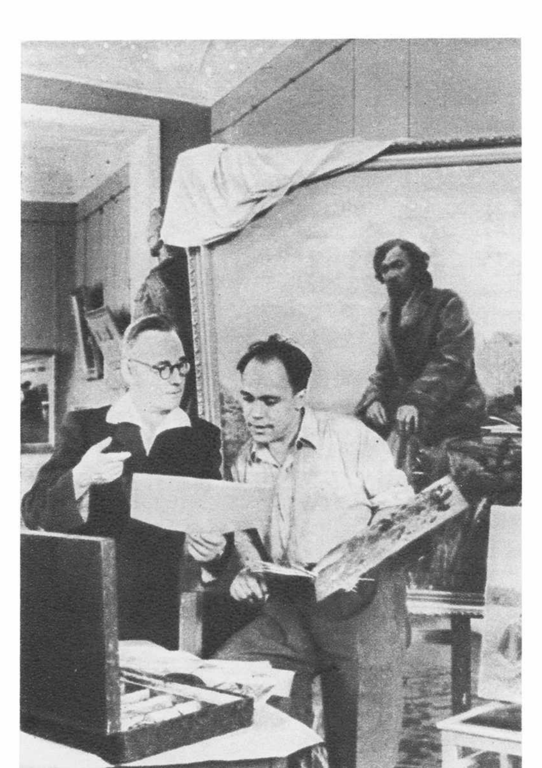
Такой вот хотел Чернышевский видеть юность, вычерчивая образы своих героев — «молодых штурманов будущей бури».

И вот она шагает, юность наших дней. Идут из лабораторий, с лекций, с защиты дипломов, посвященных Чернышевскому, с теоретической конференции, где шла речь о путях перехода от социализма к коммунизму. Они уверенно говорили там об исторических свершениях, обоснованных наукой социализма, социализма, к которому шел на ощупь, через все преграды, Чернышевский, озаряя путь светом своей мечты, светом души, зажженным для людей.

И люди отдают ему дань благодарности и преклонения.

Продолжение на 17-й стр.

Работа над образом Чернышевского сблизила драматурга В. А. Смирнова-Ульяновского (слева) и художника В. А. Куприянова.

Саратов — родина Чернышевского

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

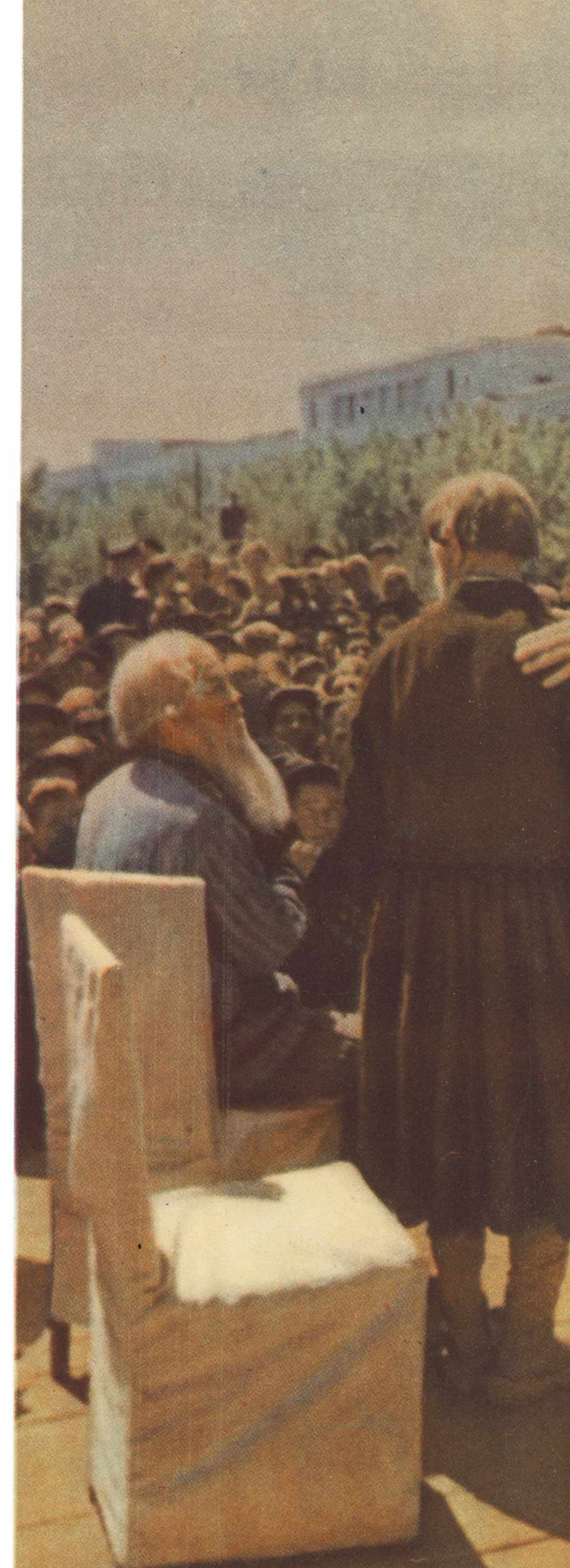

Здание бывшей Саратовской семинарии, где учился Н. Г. Чернышевский. Сейчас здесь мужская школа его имени.

Саратов. Дом, где родился и провел свою юность Николай Гаврилович Чернышевский. Ныне дом превращен в музей (снимок справа).

Николай Гаврилович очень любил Волгу. В своей автобиографии он писал: «Все она и она перед глазами,— и не любуешься, а полюбишь».

НА СНИМКАХ ВВЕРХУ:

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (слева).

К рабочим Саратовского государственного подшипникового завода приехали артисты Государственного драматического театра имени Карла Маркса. Во время обеденного перерыва они показали отрывок из пьесы В. А. Смирнова-Ульяновского «Великий демократ». На снимке в центре: сцена в редакции журнала «Современник» — встреча Н. Г. Чернышевского с крестьянами. Справа налево: Чернышевский — заслуженный артист Узбекской ССР Г. И. Сальников, Влас — артист В. С. Спелов, дед Андрон — заслуженный артист РСФСР А. А. Колобаев.

На снимке справа: внучка Николая Гавриловича Нина Михайловна Чернышевская и его праправнучка Таня. Нина Михайловна — директор Государственного дома-музея Н. Г. Чернышевского, кандидат филологических наук, автор книг «Чернышевский в Саратове» и «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского».

Саратов. Площадь Революции.

Саратов. Памятник на могиле Николая Гавриловича Чернышевского.

...В комнате висел запах иода и еще чего-то больничного. Погруженные в госпитальную белизну кроватей, лежали раненые воины. В трудный военный год в госпитале слушали бойцы рассказ Н. М. Чернышевской о Николае Гавриловиче. И когда кончила она, раздался хрипловатый голос из угла палаты:

— А ведь я памятник на его могиле строил...

В этом рабочем и его друзьях жила преданность памяти Чернышевского. Дед ли его, саратовский крестьянин, передал ее по наследству? Ведь ему, этому деду, посылал Чернышевский пламенные слова воззвания «Барским крестьянам...». Ведь ради него писал Чернышевский Герцену: «К топору зовите Русь».

Вспоминая о Чернышевском, трудятся сегодня земляки великого демократа. Саратовский художник В. А. Куприянов работает над портретом писателя и картиной «Отказ от помилования». Литератор Е. И. Покусаев написал монографию о жизни и деятельности Чернышевского. Докторскую диссертацию, посвященную социально-экономическим воззрениям Чернышевского, закончил доцент П. К. Топилин. Новую замечательную экспозицию развернул Дом-музей.

Все они, его земляки, искали путей, по которым можно подойти к живому Чернышевскому, увидеть, ощутить его. Искал эти пути и Саратовский театр имени К. Маркса, задумавший постановку пьесы местного драматурга В. А. Смирнова-Ульяновского «Великий демократ». Были изучены все произведения Чернышевского, вся мемуарная литература, вспоминались все устные свидетельства — его секретаря, родственников.

Из гневных строк воззваний вставал он — непримиримый, страстный, зовущий. И рядом смотрел он же, другой, из нежных слов невестки, Е. М. Чернышевской: «Его ласка, доброта и отзывчивость не забудутся никогда»; из простых слов бывшей горничной Чернышевских: «Это человек, каких больше нет на свете». Как же режиссеру и актеру было связать воедино все его необъятные качества? Придумать образ? Фантазировать? Но тут в мыслях возникали слова самого Чернышевского: «Действительность не только живее, но и совершеннее фантазии. Образы фантазии — только бледная и почти всегда неудачная переделка действительности». И театр шел к жизни, ворошил ее глубины и там искал залог успеха: в живых человеческих страстях, словах, жестах, мыслях.

Спектакль воссоздал прекрасный образ, он заставил зрителей сердцем понять слова, рожденные в сердце Чернышевского: «Наша... жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью...»

Очень выразительна телеграмма от школьников исполнителям: «Играйте так, чтобы жизнь сама кипела на подмостках сцены». То, за что боролся Чернышевский, стало критерием современного искусства. Его мысли помогают драматическим актерам, они царят в Саратовском театре оперы и балета, носящем имя Чернышевского.

И точно живой стоит он сейчас, протягивая руки к нашему времени, говоря: «...Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него...»

* * *

«...Ты хочешь видеть, как будут жить люди... Смотри!..» Эти слова вновь слышат с подмостков театров, над ними задумываются читатели книг Чернышевского. «Здание,— звучит его голос,— громадное, громадное здание... Оно стоит среди нив и лугов, садов и рощ. Нивы — это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто же видел такие колосья? Кто же видел такие зерна?..» Может быть, открылись ему поля, на которых зреет пшеница, выведенная саратовскими учеными? Может быть, Чернышевский увидел сквозь толщу времени удивительные колосья, созданные селекционерами Шехурдиным, Краснюком и их товарищами?

«Группы, работающие на нивах, почти все поют; но какой работой они заняты? — слышатся слова.— Ах, это они убирают хлеб. Как быстро идет у них работа! — Но еще бы не итти ей быстро, и еще бы не петь им! Почти все делают за них машины...» Что это? Ведь это сегодняшний день встал перед глазами Чернышевского, день, когда на его родной земле механизирован труд хлеборобов. «...Неужели это наша земля? — спрашивал он.— И... все так будут жить?.. Для всех вечная весна и лето, вечная радость».

Он увидел нашу весну сквозь жестокую якутскую вьюгу ссылки. И там он писал о машине, которая поможет пшенице колоситься на пустоши, машине, которая придет на помощь человеку.

Уже в последний год жизни Чернышевский побывал в Саратове на сельскохозяйственной выставке 1889 года. Он остановился перед изобретением вольского крестьянина Ф. А. Блинова — гусеничным трактором. Выдающееся изобретение царские чиновники не признали. Но вот потомки Блинова приняли из рук крестьянина-изобретателя его детище, они нашли ему применение. Они продолжали искания самородка-земляка. Саратовский конструктор Я. Ф. Худяков и комбайнер П. Д. Борщев создали машины, позволяющие людям работать с песней.

Предсмертная статья Чернышевского называлась «Мысли о будущем Саратова». Сохранилось только начало этой статьи. Писателя волновало важное для 80-х годов явление — обмеление Волги,— и он посвятил страстные слова влиянию этого фактора на экономику Саратова. В нынешнем году весна затопила прибрежные деревья, река была еще полноводнее, чем в прошлые годы. Подъем воды достиг того уровня, какой станет обычным для Волги после окончания строительства Сталинградской плотины.

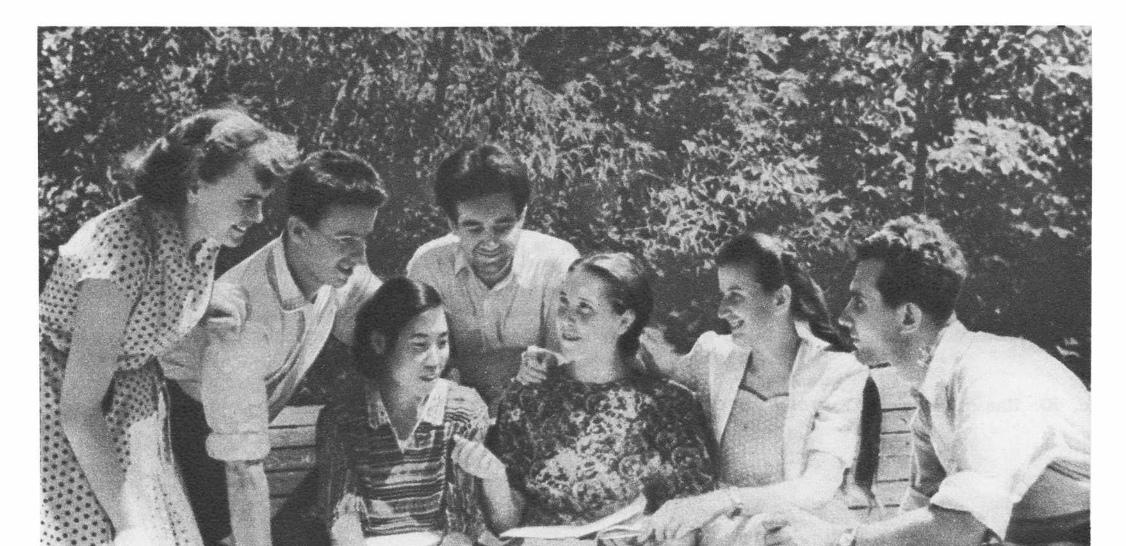
Смотришь на Волгу — и рождается страстное желание: если б Чернышевский мог видеть сегодня свою любимую реку, которой больше не грозит обмеление, видел трубы заводов, если б перед ним зримо открылась экономика преображенного города на преображенной Волге!

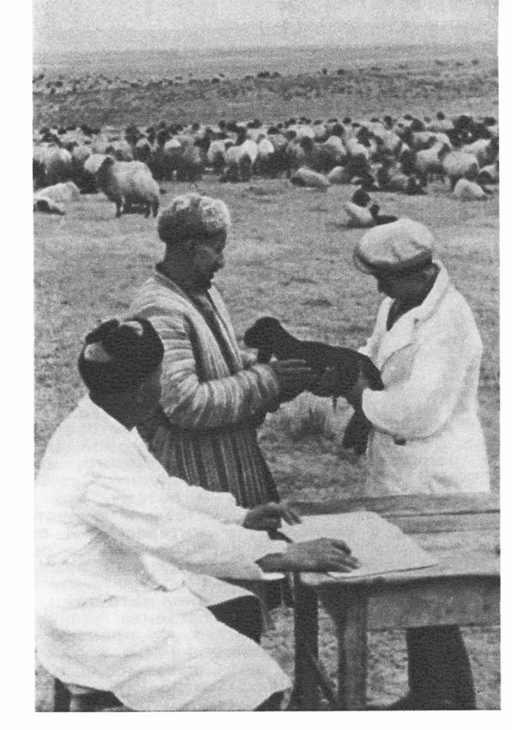
* * *

Он стоит сегодня рядом с нами — патриот, наш современник. Дерзания его, мечты его ныне стали действительностью. И мы говорим ему:

— Жизнь твоя принадлежит сегодняшнему дню... Он светел и прекрасен.

Валя Долгова, студентка 4-го курса филологического факультета, отправляется в поездку по области читать лекции о Чернышевском. Перед отъездом она разговаривает со своими друзьями — юношами и девушками из стран народной демократии. Они учатся в нашей стране, где воплотились мечтания Чернышевского.

Чабан М. Джадыев показывает отборочной комиссии ягненка из своей отары.
Фото А. Гостева.

Чистокровные «араби»

Рано просыпается колхозный поселок. Призывный голос пастуха, мычание коров сливаются с громким щелканьем гнездящихся на деревьях аистов. Тарахтят моторы автомашин, отправляющихся на пастбища с продуктами, газетами, запасными батареями к радиоприемникам.

Неоглядная расстилается перед глазами степь. Голубым куполом опрокинулось над нею небо, и кажется, вот-вот прикоснешься рукой к прозрачной его синеве.

Спидометр машины отсчитывает не первый десяток километров, а кругом видны все те же волнистые линии зеленеющих пастбищ. Ни конца им нет, ни края! Лишь изредка промелькнет вдали сероватое пятно отары, откуда наперерез путникам мчатся мохнатые псы — верные помощники чабана. Вот наконец и полевой стан 3-й бригады сельскохозяйственной артели имени Третьего Интернационала — самого крупного каракулеводческого колхоза Кашка-Дарьинской области.

Остановившись у большой парусиновой палатки, Хамза Ходжакулов — председатель колхоза — показывает широким жестом вокруг.

— Это всё наши, колхозные земли,— говорит он.— Тридцать тысяч гектаров...

Белый шатер — полевой стан бригады. И мачта антенны у входа, и газеты на столе, и сверкающая никелем инструментов аптечка, и белоснежные халаты ветеринарного фельдшера и зоотехника — все эти приметы нового стали неотъемлемыми чертами быта колхозных животноводов.

С возвышенности, на которой стоит палатка, открывается чудесная панорама. Словно темные грозовые тучи, медленно движутся по степи отары. Пока овцы неторопливо щиплют жесткую степную траву, ягнята, припав на колени и подталкивая набухшее вымя, жадно сосут молоко. На черных шелковистых ушках молодняка светлые металлические бляшки. Они показывают, что ягненок прошел бонитировку — отбор на племя.

В другое время года пути отар пересекаются редко: у каждого чабана свой район пастбищ. Но в дни, когда рождается молодняк, все отары держатся возле бригадного стана. Здесь каждый день бывает Мирхон Арсланов — ветеринарный фельдшер, сюда часто заезжает районный ветеринарный врач. В случае нужды чабану не надо далеко идти за помощью.

Этот колхоз славится своими чистокровными «араби» — черными каракульскими овцами. Пятнадцать тысяч шкурок — угольно-черных, блестящих, с тонким узором завитков — сдает он государству. Из двух с половиной миллионов рублей колхозного дохода каракулеводство дало в минувшем году полтора миллиона.

Сорок семь тысяч каракульских чистопородных овец пасется сейчас на землях артели. С нынешнего года колхоз становится племенным рассадником чистопородного скота для соседних районов. Не семьсот — восемьсот голов, как прежде, а гораздо больше будет он продавать на племя.

Думают животноводы и о новой отрасли хозяйства. В Кашка-Дарье предполагают строить водохранилище. А придет вода в Бешкент, можно будет и хлопок сеять...

Большие планы у кашка-дарьинских каракулеводов.

Н. СОЛОВЬЕВА

РУКОПИСЬ, КОТОРУЮ СЧИТАЛИ ПРОПАВШЕЙ

Повесть Софьи Ковалевской о Н. Г. Чернышевском

Через год после смерти Н. Г. Чернышевского Софья Ковалевская в письме к польской революционерке М. В. Мендельсон-Залесской от 7 октября 1890 года писала: «...Теперь я заканчиваю еще одну новеллу, которая, надеюсь, заинтересует тебя. Путеводной нитью ее является история Чернышевского, но я изменила фамилии для большей свободы в подробностях, а также и потому, что мне хотелось написать ее так, чтобы и филистеры читали ее с волнением и интересом. Я окончу ее через несколько дней и если ты пожелаешь перевести ее на французский язык, то пришлю тебе рукопись».

Знаменитая русская женщина-математик, выступая как писательница, оставила значительное литературное наследство. Ее произведения в большой мере автобиографичны, а так как она была человеком наблюдательным, то все написанное ею дает ценный материал для характеристики эпохи. Именно поэтому рукопись о Чернышевском так интересовала первых советских биографов Ковалевской-литератора — С. Я. Штрайха и члена-корреспондента Академии наук СССР математика П. Я. Кочину. На протяжении многих лет настойчиво разыскивая материалы, касающиеся жизни и деятельности Софьи Ковалевской, они вынуждены были с сожалением признать, что эта ее работа утрачена.

Не так давно, разбирая бумаги архива Ковалевской, хранящиеся в Московском отделении архива Академии наук СССР, я ознакомилась с рукописью, значащейся в описи под заголовком «5 фунтов винограда». Эта рукопись, состоящая из 32 страниц большого формата, хотя и не является автографом Ковалевской, оказалась той самой новеллой о Чернышевском, которую так долго разыскивали, а обнаруженный затем собственноручно написанный Ковалевской с многочисленными исправлениями черновик новеллы на 16 страницах послужил бесспорным доказательством подлинности этого произведения. К сожалению, найденная рукопись обрывается на полуслове; конец ее утерян или находится среди каких-нибудь других, еще не разобранных архивных материалов.

Тем не менее даже как отрывок рукопись представляет собой несомненную ценность. Теперь можно положительно утверждать, что Софья Васильевна с особым сочувствием относилась к революционным демократам и особенно к Н. Г. Чернышевскому. Теперь становится понятным, почему она рекомендовала для перевода на шведский язык стихи Добролюбова и помогала переводчику в его работе над стихотворением «Милый друг, я умираю».

Софья Ковалевская была знакома с семьей Н. Г. Чернышевского и старшему сыну его, Александру, горячо советовала заняться математикой, которой увлекался и отец. Находясь в дружеских отношениях с двоюродным братом Николая Гавриловича А. Н. Пыпиным и сестрой Пыпина, Ковалевская могла быть в курсе дел, касавшихся Чернышевского.

С большим увлечением, с нескрываемой любовью описывает Ковалевская в своей новелле Чернышевского, его обаятельный облик, благородство, глубокий ум и великое литературное искусство.

Зная семью Чернышевских, Софья Васильевна смогла оставить нам портрет его жены Ольги Сократовны (в рукописи — Маруся), о которой было много разнородных суждений. С первых же страниц читатель чувствует ту нежность, которую автор испытывает к женщине, скрашивавшей трудную жизнь Чернышевского. Необходимо, однако, заметить, что подробности биографии героев новеллы не во всем совпадают с действительными их биографиями.

Ковалевская говорит с восторгом о журнале «Современник»: «Успех журнала, действительно, колоссальный, неслыханный, превосходящий всякие даже самые смелые ожидания...»

В рукописи — беглые наброски характеров тех людей, которые составляли ядро «Современника». Под своими фамилиями выведены Слепцов, Некрасов, под вымышленной — Чернышевский (Михаил Гаврилович Чернов) и др.

Совершенно сознательно Софья Ковалевская передвинула многие события и заставила своих героев говорить о них на обеде по случаю выхода нового номера «Современника».

В стремлении быть полезной своему народу Софья Ковалевская не довольствовалась одним научным трудом. Повесть о Чернышевском была для нее настоятельной душевной потребностью сказать людям все, что знала она о великом сыне русского народа.

Ниже печатаются три отрывка из рукописи С. В. Ковалевской.

Л. ВОРОНЦОВА

I

В это время приехал к ним в город человек один молодой, сын покойного батюшки их соборного. Говорили про него, что чудак он большой. Кончив курс в семинарии, не захотел итти в священники, хоть и место ему хорошее архиерей сулил, а пошел в университет. Долго в городе у них ничего о нем не слыхали, так как с отцом своим он поссорился; но вот умер старый батюшка, и сын вернулся наследство, какое после него осталось, получить. Поселился он на первых порах у мещанки одной, сняв у ней мезонинчик маленький в ее саду. В городе губернском всякое новое приезжее лицо на себя внимание обращает. К тому же батюшка покойный у всех почетом большим пользовался, потому и к сыну его все готовы были с лаской отнестись. Стали все ждать, что он старым знакомым отца поклонится, с визитом обойдет. Но не тут-то было, ни к кому он и носу не кажет. От этого пуще стало всех любопытство по отношению к нему разбирать. Барышни молодые соберутся иногда вечерком толпой целой и, взявшись все подручки, как будто ненароком раз 5 или 6 пройдутся по улице мимо его мезонина и всякий раз, проходя мимо его окон, громко начинают между собой разговаривать и пересмеиваться, а иногда так даже прямо на его счет шуточки разные отпускают. А он все ничего, и виду не показывая, что замечает, к окошку не подходит, на шутки не отвечает. Стали ту мещанку, у которой он квартиру снимал, про него расспрашивать. Так она говорит, что барин он добрый, ласковый, но цельный божеский день в книгах сидит и не только барышень городских приличных конфузится, но и с горничной даже простой слова лишнего не скажет. «Совсем не как барин молодой, а, прости господи, как схимник какой-то живет». Озлились, наконец, городские барышни на новоприезжего. Прозвали его дикарем и медведем и выдумали, что вид-то у него страшный и глаза сумасшедшие. «Ах, душенька, как я уже сегодня перепугалась! С медведем на улице повстречалась. Я даже в лавку ближнюю от него шарахнулась. У-у, какой он противный!» — уверяли теперь друг друга городские барышни.

Наступили святки. В это время, как известно, девушкам в купеческом быту предоставляется гораздо больше свободы, чем обыкновенно. В каждом городе ведется это обыкновение: нарядятся девушки вечером все, какая как умеет, в костюм какой попало — расхаживают целой гурьбой по улицам, несмотря на мороз, песни во все горло распевают, в гости друг к другу заходят, веселятся, как умеют. Однажды вечером разбуянились, развозились уже больно девушки, не знают, что бы и придумать им такого бы особенного. Случилось тоже, что подошли они в это самое время к мезонину, где жил учитель. Видят — у него в доме свет есть, и рисуется на окне тень его большая и согнутая. Одна из них вдруг и выдумала: «Что ж это, барышни,— говорит,— есть у нас сегодня и черкесы, и турки, и цыган много, а медведя-то у нас нет. Не годится ряженым быть без медведя. Надо нам медведя в свою компанию пригласить!»

И ее поняли, что она на учителя намекает, расхохотались все и стали друг дружку подговаривать: «Вот бы ты, Саша, или ты, Груня, пошла, позвала бы его к нам». И все девушки смеются, и каждая отказывается. А Маруся вдруг выскочила и говорит: «Я пойду». И стали над ней смеяться, что храбрости у ней недостанет, не посмеет к учителю в дом войти. А ее их насмешки пуще подзадаривают. «Вот увидите,— говорит,— что не струшу, пойду». Подошли девушки всей гурьбой к его дому, видят: в одном месте плетень у сада погнулся, перепрыгнуть легко можно. Недолго думая, Маруся взяла да и перескочила. Очутившись одна в чужом саду, в темноте, струсила она маленько, но возвращаться не хочет: боится, осмеют ее подруги. Нечего делать, пошла она храбро вперед, подошла к дому, взялась за ручку входной двери — видит: дверь на замок не заперта, должно быть, хозяйка квартирная забыла ее запереть или оставила, чтобы лучше ей было входить, когда понадобится. Собралась Маруся с духом, вошла в сени и прошла прямо в комнату учителя. Учитель сидит за столом, головой совсем близко к бумаге пригнулся и строчит что-то, да так усердно строчит, что и не заметил, как дверь скрипнула, не оглянулся даже на Марусю. Постояла Маруся, посмотрела на него и вдруг робость ее совсем прошла и смешно ей и жалко его вдруг стало. Лицо у него еще молодое совсем, только худое очень, нахмуренное и бледное, близорукий он, видно, так носом к бумаге и пригнулся и губами забавно шевелит, видно, повторяя написанное, большой клок волос навис у него на лоб, прямо в глаза ему лезет, а он и этого не замечает, так усердно строчит. Подошла к нему Маруся на цыпочках, стала сзади и вдруг провела рукой по его лбу, откинула нависший клок волос назад и говорит задорно: «Что это, как вам не стыдно, у добрых лю-

Н. Г. Чернышевский за работой.
Рис. Ю. Казмичова.

дей праздник сегодня, все гуляют, веселятся, а вы все за вашими книгами сидите! Поедемте-ка лучше с нами, девушками, в санках покатаемся!» Вздрогнул учитель, взглянул на Марусю, а она в этот вечер цыганкой была одета; из-под красного платка на голове черная коса выбилась, на груди ее монисто и золотые монеты переливаются, а в глазах ее золотые искорки так и бегают, так и прыгают. Посмотрел на нее учитель сначала, как растерянный, будто ничего не понимая, потом у него вдруг тоже в глазах искорки забегали, и такое у него во взоре зажглось, что хоть храбра была Маруся, а веки ее невольно к земле опустились, и яркий румянец так и залил ее щеки. «Что ж это,— спрашивает учитель,— вы меня звать с собой на ваши святочные игры пришли, так ли?»

— Так,— говорит Маруся, голос у ней дрожит, и к глазам слезы подступают, готова бы она теперь была со стыда сквозь землю провалиться. А учитель вдруг засмеялся, добрым таким, радостным смехом. «Ну, спасибо вам,— говорит,— что про такого бирюка, как я, вспомнили. И в самом деле, что в праздник-то за работой сидеть. Коли хотите меня иметь в вашей компании, так я с удовольствием!»

Встал он из-за стола, откинул бумаги и книги в сторону и заторопился. Не успела Маруся опомниться, а у него уж и шапка меховая и шуба надеты и готов он с ней к остальным девушкам итти. Ну, и веселый же выдался вечер! Еще несколько молодых людей из городских к нашей компании присоединились, взяли они несколько санок, за город поехали кататься! Ночь была чудная, морозная, лунная. Потом в гости к одной из барышень, у которой родители подобрей были, заехали; до поздней ночи у нее просидели. Господи, смеху-то, веселья сколько было! И гадали-то они, и песни пели, и в игры разные играли. А он — учитель-то — совсем своим человеком стал, учености, либо важности в нем и помину не осталось. Все девушки только смотрят на него и дивятся. Сказки им стал рассказывать, да такие все необыкновенные; иная сказка страшная, так что ужас берет, а другая сказка — потешная такая, что все только за бока держатся, помирая от смеха; а у него самого лицо серьезное остается, ни жилка на нем не дрогнет, и другим еще смешней от этого станет. Откуда только у него все это бралось в этот вечер!

С этого дня стал Михаил Гаврилович часто заходить к Марусе в дом. Как станет, бывало, смеркаться, уроки в гимназии кончатся, смотришь — уже учитель к ним стучится в сени.

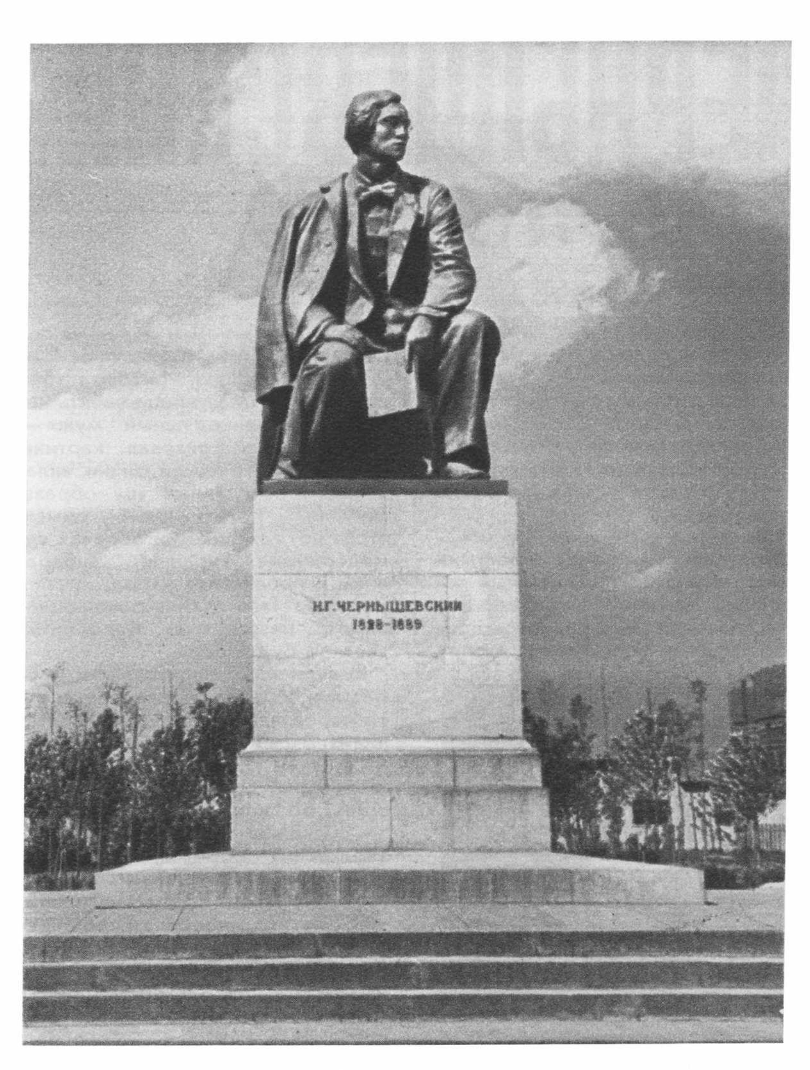
II

Кабинет Михаила Гавриловича был просторный, но убран с крайней простотой. Голый пол, голые стены, огромный письменный стол, заваленный бумагами, несколько полок с книгами, кожаный диван, служивший подчас и кроватью, несколько старых кожаных кресел и деревянных стульев — вот и все его убранство. Места на диване и на стульях все были уже заняты, и многим из гостей приходилось стоять, прислонившись спиной к стене или к книжным полкам. Один чудак уселся просто на пол, скрестя под себя ноги — по-турецки. Все курили; в углу уже белелась порядочная кучка окурков, и табачный дым так синими клубами и ходил по воздуху. Сам хозяин сидел на диване, заложив ногу за ногу, и по своей всегдашней привычке одну руку опустив в карман брюк, а другою постоянно отбрасывая кверху непокорный клок волос, который тотчас же опять свешивался на лоб. Михаил Гаврилович очень любил, чтобы возле него собиралось много народу, особенно молодежи. Эти убежденные прения, эти горячие, шумные споры, где каждый старался перекричать друг друга, доставляли ему большое наслаждение, но сам он говорил немного, больше прислушивался к тому, как шумят другие. Причем по его тонким с красивым изгибом губам постоянно бродила маленькая добрая усмешка. Иногда, когда что-нибудь его особенно занимало, он смеялся как бы про себя своим тихим, сочувственным смехом, и от этого смеха у всех весело и радостно на душе делалось. На вид Михаилу Гавриловичу было теперь лет 35. Росту он был среднего, скорее высокого, сложения худого. От постоянной книжной работы плечи у него были сутуловатые, несмотря на те гимнастические упражнения с тяжелыми гирями, которым он по принципу предавался с полчаса ежедневно, иногда настойчиво до надоедливости рекомендуя их и всем своим приятелям. Его худое лицо с бескровными губами, с многими складками около углов рта, с зеленовато-желтыми подтеками на висках могло бы на первый, но только на самый первый взгляд, показаться лицом обыкновенного чиновника канцелярии или учителя классических языков. Это сходство, впрочем, существовало лишь в обыкновенное время, когда очки с золотым ободком скрывали его глаза. Когда же Михаил Гаврилович вступал с кем-нибудь в разговор, он всегда машинальным жестом сымал очки и разговаривал, глядя прямо в лицо собеседника, и тогда его близорукие серые глаза светились каким-то внутренним глубоким огнем, производили всегда удивительное впечатление. Вообще в те редкие случаи, когда Михаил Гаврилович вступал в разговор, он тотчас овладевал всей беседой и подчинял себе всех слушателей. Красноречие у него было какое-то особенное, совсем не цветистое: он никогда не искал фраз, слов, и доводы являлись сразу и становились в ряды, как хорошо дисциплинированные солдаты, причем у слушателей обыкновенно являлось приятное самообольщение, что мысль Михаила Гавриловича стала им ясна сама собой, прежде чем он успел ее развить. Несмотря на обычную сдержанность Чернова, молодежь его обожала, и личное его влияние равнялось почти влиянию его журнальных статей.

III

Разговор в кабинете был очень оживленный, и, как и следовало ожидать, предмет беседы составлял новорожденный, в честь которого собрались сегодня: новая книжка журнала. Все присутствовавшие уже успели просмотреть ее и все были согласны, что этот номер по составу своему был даже удачнее всех прежних. И литературный отдел был очень хорош: первая глава повести Слепцова казалась выхваченной прямо из современной жизни, касалась самых животрепещущих интересов. И обещала очень многое впереди. Новая поэма Некрасова так и забирала вас за живое... Даже переводная часть и та была интересна: теперь печатался новый роман Шпильгагена «От мрака к свету» — сильная вещь, которая и в душе русского читателя способна зашевелить живые струны. Не в литературном отделе, однако, теперь главная сила: литература — все же только конфетка; существенный же интерес теперь весь сосредоточен на внутреннем обозрении.

И вот тут-то Чернов превзошел себя. Его статья «Логика истории» [1] — это такая прелесть, такая гениальная вещь, равной которой давно не появлялось у нас в России. Да, она расшевелит умы, заставит людей подумать и помыслить. И как это он умел все сказать: коснуться самых жгучих современных вопросов, высказать все, что лежит на сердце у теперешней молодежи, развить все их стремления, все их надежды и ожидания, доказать не только их законность, но и неизбежность их существования; и все это так, что цензура ни к чему и придраться не может. Вся статья, повидимому, не что иное, как панегирика правительственным мерам: она вся пересыпана восхвалением царя. Чернов все время имеет вид, как будто он говорит не свои слова, а только развивает царскую мысль, только поясняет смысл и значение недавнего переворота — эмансипации крестьян — и показывает последствия, долженствующие проистечь из него неизбежно, неотвратимо, в силу неопровержимой исторической логики. После всякого существенного, внезапного переворота в судьбе народа status quo немыслимо. Должно произойти одно из двух: либо силы, вызвавшие переворот, продолжают действовать и тогда одна реформа неизбежно влечет за собой другую, либо наступает ретроградное движение, реакция. Но эта последняя может быть вызвана лишь противной партией, а не тем правительством, которое само произвело переворот этот и должно неизбежно стремиться и к развитию всех последствий. Уничтожить, затормозить можно только путем новой революции. Не сам царь обратится сам против себя, уничтожит одной рукой то, что соорудил другой. И вот на основании этих логических доводов Чернов развивал картину будущей России: полная автономия Польши и Финляндии, земля в руках народа и русский народ, свободно высказывающий свою волю и беседующий с царем при посредстве земских соборов. Вот что увидит Россия в день своего тысячелетия, которое она через два года собирается праздновать. Иные самые сильные места из статьи Чернова повторялись теперь и комментировались молодыми людьми в его присутствии; между тем как он сам сидел молча, покручивая папиросу, и только тихо и радостно ухмылялся. «Посмотрим-ка теперь, что правительство на это ответит», говорили все с восторгом. Но разговоры о его статье были прерваны приходом новых гостей — это была целая кучка студентов и студенток, тоже принадлежавших к кружку «Современника».

Памятник Н. Г. Чернышевскому в Ленинграде.

[1] Название статьи — вымышленное — **Л. В.**

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ и театр

Под громкий смех зрителей разоблачена и опозорена барыня-самодурка, мошенница, ограбившая отца и убившая мать молодой девушки, высмеян болтун-либерал, ее управляющий. Торжествуют освободившиеся от тирании хозяйки Надя и ее освободитель Клементьев.

Несколько странным мог показаться этот спектакль: простыня вместо занавеса, примитивные декорации, мужчины, исполняющие женские роли. Тем не менее зрители бурно аплодируют автору

Сцена из спектакля «Новые люди» по роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в постановке Московского Государственного театра имени Ленинского комсомола. Вера Павловна — артистка В. Козловская, Лопухов — артист А. Бобров.

Фото А. Горнштейна.

пьесы, актерам, режиссеру. И зрители и актеры необычно поставленного спектакля — ссыльные студенты Московского, Петербургского, Харьковского университетов, участники польского восстания 1863 года. Автором и режиссером был Н. Г. Чернышевский. Дело происходило в конце 60-х годов прошлого века в двух верстах от Нерчинска, в Александровском заводе.

Не случайно Чернышевский обратился к драматургии. Он считал театр важнейшим средством воспитания, а драматургов и актеров — служителями нравственности и образования. Продолжая беззаветную борьбу Белинского за идейность искусства, Чернышевский обосновал замечательную мысль о том, что искусство должно не только воспроизводить жизнь, но и объяснять ее и выносить приговор ее явлениям.

Когда театр, говорил Чернышевский, служит трибуной для лучших людей общества, то его нельзя сравнить по степени влияния ни с каким видом искусства. Множество людей в театре воспринимает с такою силою происходящее на сцене, как будто видят и слышат самоё жизнь.

— Пишите для сцены! — призывал Чернышевский передовых мастеров русской литературы.

Из написанных Чернышевским пьес сохранились три. И все они отличаются высокой идейностью, глубоким знанием и здравым пониманием жизни. В этих пьесах — «Другим нельзя» («Драма без развязки»), «Мастерица варить кашу» и «Великодушный муж» — Чернышевский рисовал картины современной русской жизни, вкладывал в созданные им образы глубокий политический смысл, страстно, сатирически обличая самодержавие, тиранию, либерализм и прославляя народ, лучших его представителей — революционеров, беззаветных борцов за светлое будущее.

Вылепленные Чернышевским образы либералов, выслуживающихся перед власть имущими, болтающих о свободе и неспособных ни к каким решительным действиям и даже боявшихся этих действий, по идейно-художественному значению стоят на уровне сатирических образов, созданных Некрасовым, Салтыковым-Щедриным и Чеховым. Чего стоит, например, фигура либерала Городищева из пьесы «Мастерица варить кашу», который стремится всех примирить, все противоречия сгладить, укрепить тиранию помещицы-самодурки и обстряпать свои темные делишки за счет бедной родственницы помещицы! Политический смысл этого произведения очевиден: в образе бедной девушки олицетворяется народ, а в образе угнетающей ее помещицы-тиранки — самодержавная власть. Не случайно первые зрители этого спектакля — ссыльные демократы — так определяли идейное звучание финала пьесы: Городищев обещает все уладить. «...Может быть и в самом деле этому ловкачу удастся уладить дело монархии и бедный народ будет обманут так, как он был обманут в 30-м, 48-м и 70-х годах».

Не было ранее в мировой эстетике более глубокого понимания важности органического слияния идейности и художественности, чем в высказываниях русских революционных демократов. В своих статьях Чернышевский выступает страстным поборником высокого мастерства как необходимого условия воздействия театра на человека. Чернышевский дает глубокий анализ специфики сценического представления как вида искусства: с одной стороны, высшая степень обобщения — исключительная концентрация действия и характеров, с другой стороны, соединение всех сил, которыми в отдельности владеют другие искусства (скульптура, архитектура, живопись, музыка, поэзия).

Идея, пронизывающая истинно художественное произведение, для своего полного воплощения в театре требует большой жизненности изображения и особенно изображения характеров — «чтобы всякое лицо было живым человеком и, главное, действовало так, как должно действовать по своей натуре, а не так, как заблагорассудится автору».

Эти принципы воплощены в творчестве Чернышевского, обладавшего ярким и своеобразным художественным мышлением. В «Драме без развязки» воссозданы характеры новых людей, раскрыта тема раскрепощенной любви, поднятая еще в романе «Что делать?».

Не случаен успех инсценировки этого романа в ряде наших театров. Главный секрет этого успеха — интересные, живые, полные значения и силы характеры Лопухова, Кирсанова, Веры Павловны, Рахметова, жизненность и многогранность конфликтов произведения, сила творческой фантазии Чернышевского.

В высказываниях о театре Чернышевский много места уделяет языку драматургии. Критикуя одну из пьес Кукольника, Николай Гаврилович обращает внимание на то, что «действия в пьесе очень мало, разговоры неимоверно растянуты; ни одно лицо не говорит натуральным языком, все выражаются странною смесью надутого книжного языка с простонародным».

Центральный театр Советской Армии. Сцена из спектакля «Мастерица варить кашу». Слева направо: Надя — артистка Е. Глебова, Клементьев — артист А. Петров, Карелина — заслуженная артистка РСФСР Л. Добржанская, Городищев — заслуженный артист РСФСР А. Ходурский.

Фото А. Гладштейна.

Правда жизни в драматургии, в творчестве актера — залог полноценности театрального произведения. «Лучше Мартынова я не видывал артистов», — говорил Чернышевский, неоднократно отмечая в «Современнике», что творчество этого актера-демократа доведено до высочайшей правды.

Большое значение Чернышевский придавал театральной критике. Он осуждал рецензии, из которых нельзя понять, хорошо или плохо то или иное произведение, статьи о театре, которые уклончивы, мелочны, лишены ясных убеждений.

Все созданное Чернышевским в области театра — яркий образец четкого, образного выражения идей передового, революционно-демократического лагеря, одна из замечательных страниц борьбы за реализм и идейность в русском искусстве.

В. СКАТЕРЩИКОВ

Спектакль «Новые люди» в постановке Саратовского театра юного зрителя имени Ленинского комсомола.

Фото С. Алексеева.

Интервью «Огонька»

БИОХИМИЯ СЛУЖИТ НАРОДУ

Академик А. И. ОПАРИН,
директор Института биохимии имени А. Н. Баха Академии наук СССР

Академик А. И. Опарин в лаборатории Института биохимии Академии наук СССР. Справа — лаборантка Л. П. Ларионова.

Фото Б. Кузьмина.

Мы не задумываемся над тем, от чего зависит прекрасный «букет» виноградного вина, аромат чая или свежеиспеченного хлеба. Между тем, в основе вкусовых качеств продуктов лежат очень сложные процессы изменений и превращений, которым подвергаются листья чайного куста, виноградный сок, зерна пшеницы. Изучением этих процессов занимается, в частности, советская биологическая химия, основоположником которой был наш крупнейший ученый, академик Алексей Николаевич Бах.

Длительным экспериментальным путем исследователи установили, что важнейшие превращения, которые происходят в растительном сырье при его промышленной переработке, зависят от особых веществ — ферментов. Они влияют на скорость химических процессов и на качество полученных продуктов. При помоле зерна, томлении и сушке табака, выдавливании сока из виноградной лозы, при обработке чайного листа живые клетки растений механически разрушаются, но заключенные в них ферменты сохраняют свою активность. В результате действия ферментов тесто, чайный и табачный листья, пивоваренное сусло превращаются в готовый продукт, приобретают тот самый приятный цвет, аромат и вкус, о которых мы говорили, а сами процессы эти носят название ферментации.

Великие русские ученые придавали большое значение вкусной, аппетитной еде. Иван Петрович Павлов говорил, что нормальная и полезная еда — это еда с аппетитом. Климент Аркадьевич Тимирязев написал однажды: «Давно замечено, что мы не обращаем внимания на самые замечательные факты только потому, что они слишком обыкновенны. Многим ли действительно приходила в голову мысль, что ломоть хорошо испеченного пшеничного хлеба... составляет одно из величайших изобретений человеческого ума...»

Как подчеркнул в своей речи на XIX съезде партии А. И. Микоян, наша задача сейчас заключается не только в том, чтобы вырабатывать пищевые продукты в больших количествах. Они должны иметь и высокие качества, развивать вкус и разжигать аппетит.

Пищевая промышленность СССР стремится полностью удовлетворить возрастающие потребности населения. В свою очередь ученые способствуют дальнейшему ускорению и удешевлению производства хлеба, чая, сахара и других продуктов. Благодаря содружеству с наукой хлебозаводы, фабрики чая, винные заводы и другие предприятия пищевой промышленности оснащаются новейшей современной технологией. Институт биохимии, в частности, тесно связан со Всесоюзным институтом хлебопекарной промышленности и крупнейшими хлебозаводами. Исследованиями, направленными на рационализацию хлебопечения, занимается в нашем Институте специальная лаборатория.

Многие предложения ученых уже внедрены в производство. Как известно, приятный, кисло-сладкий вкус и своеобразный аромат придает хлебу красный ржаной солод. Сейчас на одном из московских хлебозаводов испытывается новый предложенный учеными биохимический метод получения этого ценного «улучшителя» хлеба в более короткие сроки.

Научно обосновано, что хлебопекарные качества зерна повышаются при смешивании различных сортов пшеницы и при ее кондиционировании (увлажнении и прогреве). Под влиянием влаги и тепла в зародыше увеличивается активность ферментов. При смешивании, например, твердой стекловидной пшеницы с мягкой мучнистой хлеб получается лучшим, чем из каждого сорта отдельно. Правильность этих выводов подтверждена на практике работой таких крупнейших мельниц, как комбинаты имени Цюрупы в Москве и имени Кирова в Ленинграде.

В зарубежной чайной промышленности технологические процессы до сих пор регулируются «на глазок». Так, например, определение конца завяливания чайного листа производится на ощупь. Готовность чая при скручивании определяется по внешнему виду листочков, конец ферментации — по окраске массы и ее аромату. Наконец, степень сухости чая также оценивается на ощупь, по гибкости чаинок, их цвету и т. д. В СССР в нынешнем году завершается внедрение биохимического контроля за производством чая на всех чайных фабриках Грузии, Азербайджана, Краснодарского края.

Биохимический контроль основывается на глубоком и всестороннем изучении процессов фабричного изготовления чая. Во время первой операции — завяливания — чайный лист вянет, становится мягким. Одновременно в нем происходят и химические изменения, в частности, увеличивается количество окислительного фермента.

Искусственно завяленный лист в специальных машинах мнется, скручивается. Потом начинается важнейшая стадия чайного производства — ферментация. Дубильные вещества, содержащиеся в листьях, под действием ферментов окисляются, образуется эфирное масло, которое и придает чаю чудесный аромат. Зеленый лист становится медно-красно-коричневым. Потом его сушат, сортируют и упаковывают в ящики.

Таким образом, на всех стадиях производства чая происходят сложные биохимические процессы. Исследования показали, что строгое наблюдение, контроль за этими процессами обеспечат требуемое качество чая и намного увеличат выпуск его самых высоких сортов.

Во время ферментации приобретаются также и основные свойства табака — аромат, вкус, крепость. Прежде этот процесс протекал в зависимости от внешних условий не менее года. Работники института установили определенный режим температуры и относительной влажности воздуха, при котором высококачественный табак получается в течение десяти дней.

Большое внимание мы уделяем биохимии виноделия. Вкус вина, как это показали исследования, также связан с определенными ферментативными процессами. В Институте разработаны новые способы получения виноградных вин, при этом во много раз сократятся сроки их выдержки. Созданы научные основы технологии вин типа «херес», позволяющие в несколько раз увеличить выпуск этих высококачественных напитков. Интересные опыты проводятся на Горьковском и Ленинградском заводах шампанских вин. Оказывается, шампанское получается более игристым, если в ходе его изготовления добавляются ферментативные препараты из дрожжей. Заводские опыты уже дали положительные результаты.

Работы биохимиков позволили выявить новые сырьевые ресурсы для витаминной промышленности и предложить принципы их переработки. Так, например, установлено, что отходы чайного производства содержат в большом количестве так называемый витамин «Р», используемый для укрепления стенок капиллярных кровеносных сосудов. Нам удалось получить кристаллический препарат витамина «B_{12}», благотворно действующий при лечении злокачественного малокровия. Предложена также конструкция аппарата, предназначенного для получения высокоактивных концентратов витамина «А».

В наш Институт часто приходят гости — биологи, физиологи, специалисты чайных фабрик, работники винодельческой и хлебопекарной промышленности, медики, учащаяся молодежь, представители из разных городов и республик. И первое, что интересует всех,— как Институт связан с практикой, как он помогает развитию пищевой промышленности. Эти вопросы мы услышали и от наших зарубежных друзей — посланцев великого Китая. Мы сразу нашли с ними общий язык в вопросах биохимии и в определении ее задач, так как и по-русски и по-китайски они звучат одинаково — служить народу!

Происшествие в Рейкьявике

Рассказ

Халлдор Кильян ЛАКСНЕСС,
лауреат Международной премии мира

Рисунки Бор. Ефимова.

ХАЛЛДОР КИЛЬЯН ЛАКСНЕСС

Год назад в Швеции один видный прогрессивный литератор сказал мне, что, не зная произведений Лакснесса, нельзя говорить о том, что знаешь современную скандинавскую литературу. Позднее я получил возможность убедиться в том, насколько он был прав. Исландский романист Халлдор Кильян Лакснесс является одним из крупнейших писателей современной Скандинавии. Его романы «Салка Валка», «Независимые люди», «Светлоокая дева», «Колокол Исландии», роман «Атомная станция», рассказывающий об оккупации американцами исландских аэродромов, и, наконец, недавно опубликованный роман, в котором, повествуя о событиях XII века, автор со свойственной ему страстностью осуждает войну, — пользуются большим успехом не только на родине писателя, но и во всех северных странах.

Недавно мне посчастливилось познакомиться с Халлдором Лакснессом у него дома, в Исландии. Человек большого таланта, передовой, искренний, горячо любящий свой славный свободолюбивый народ, озабоченный его будущим, страстно борющийся за его свободу и счастье, Лакснесс является видным поборником великого дела мира и дружбы народов. За это дело он сражается не только силой художественного слова, но пером публициста и горячим словом оратора. Он является одним из виднейших в Скандинавии борцов за мир, и его плодотворная деятельность отмечена недавно Всемирным Советом Мира Международной премией мира.

Большой друг Советского Союза, Х. К. Лакснесс был одним из инициаторов создания общества культурной связи «Исландия — СССР» и является бессменным его председателем.

Ниже мы печатаем перевод рассказа Х. К. Лакснесса «Происшествие в Рейкьявике». В этом рассказе автор со свойственным ему тонким юмором и сатирической остротой повествует о том, как когда-то свободолюбивый исландский народ отнесся к появлению эскадры итальянской фашистской авиации во главе с маршалом Бальбо. Повествуя о прошлом, рассказ этот говорит о сегодняшнем дне, когда все передовое и честное, что есть в исландском народе, поднимается на борьбу с американской оккупацией исландских островов.

Б. ПОЛЕВОЙ

В мире есть страна без армии,— это Исландия. Не удивительно, что простодушный островной народ долго не знал блеска военных мундиров и плохо разбирался в чинах и отличиях, которые обозначены на подобных одеяниях.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы мундир был вещью совсем уж диковинной в Исландии. Тут надо отдать должное Армии Спасения — она первая завела на острове трубы и прочие духовые инструменты и дала также возможность местным жителям свести знакомство с тем, что обычно именуется униформой. Вскоре исландским полицейским было предписано облачиться в униформу, похожую на мундиры Армии Спасения. Потом настала очередь почтальонов — их одели в нечто, напоминающее походное обмундирование кубинских или каких-то других повстанцев. И уже совсем в недавнее время, когда в Исландии завелись отели, их видавшие виды владельцы учредили еще одну должность — «пикколо»[1]. Этому громкому итальянскому титулу была придана надлежащая оболочка в виде пышной ливреи.

По правде сказать, все это великолепие, возникшее у дверей отелей, не вызывало особого восхищения у исландцев. Это были люди суровой породы, больше привыкшие, подобно чайкам или китам, испытывать превратности судьбы среди опасных скал и отмелей, где ловится сельдь.

Вот в Италии — там все обстояло совсем иначе. Там — это было лет двадцать назад — вас и за человека не считали, если на вас не было мундира. И чем хитрее был скроен мундир, чем больше его цвет походил на павлиний, чем гуще он был утыкан золотыми побрякушками, кистями, позументами и аксельбантами, тем большее уважение полагалось оказывать его обладателю. Злые языки говорили в те времена, что национальному богатству Италии грозило полное истощение из-за пристрастия ее властителей к маскарадным костюмам и парадам и еще к военным походам в далекие места, преимущественно в пустыни. Какой-нибудь наивный иностранец, вздумавший в те годы прогуляться по Виа Венето или Виа Национале в Риме, решал было про себя, что тут каждый второй встречный — «пикколо» из шикарного отеля. Разумеется, это было не так. Все эти люди в мундирах были фашисты Муссолини, любители войн в пустынях. И путешественнику оставалось только изумляться: как человек, на плечах у которого более чем странное, опереточное одеяние, может сохранять столь торжественную и гордую осанку!..

Но вернемся в Исландию: этого требует наш рассказ. Вернемся к благодушным островитянам, которые упорно не желали уразуметь высшее значение мундиров, ливрей и тех чинов и званий, которые за ними скрываются. Возможно, что это объяснялось и еще одной причиной: исландцы привыкли иметь дело с китами и прочей крупной рыбой весьма скромной раскраски, а из всей живой твари, которая водится в северных морях, самой пестрой по виду была все та же почтенная сельдь...

* * *

История наша начинается как раз в то лето, когда на отмелях близ Наутхолсвика ловилось особенно много дельфинов. Случилось так, что именно в это время в отель «Гейзер» был нанят посыльный. Его звали Стефан Джонсон. Это о нем одна из девчонок-судомоек сложила задиристую песенку:

Там внизу, на берегу, Стебби
треплет пеньку.
Как ни треплет, а не треплется
пенька.
Бедный Стебби,— все не
треплется пенька!..

Если не считать ливреи и громкого заморского звания «пикколо», Стебби был обыкновенным парнишкой; этой весной ему исполнилось четырнадцать. Для своего возраста он был довольно плотного сложения, нормально упитан,— словом, парень, каких вы найдете много, проезжая по Исландии. По натуре он был чужд всякого рода церемониям, со всеми был на равной ноге и всегда старался вам услужить, ожидая, что и вы при случае ответите ему тем же.

Но тут мы опять должны сказать кое-что об итальянских фашистах. У себя на родине — так, по крайней мере, им казалось — их очень уважали и даже поклонялись им, и были они все такие молодцы на подбор, что, право же, им не оставалось ничего другого, как обучать приличному поведению голых негров в пустынях Африки с помощью аппаратов, выпускающих отравляющие газы, и мир, конечно, с восхищением следил за их славными делами. Но однажды, перед тем как отправиться в гости к черным, им очень захотелось показать свои несравненные мундиры тем, кого они считали чем-то вроде белых африканцев. Пусть и эти полюбуются, какие они видные мужчины и как им к лицу повелевать всяким туземцем, обитающим в жарких и холодных пустынях.

В один прекрасный день они привели в боевую готовность свои самолеты и вылетели большой стаей, держа курс на разные страны, где можно было приземлиться и показать во всем блеске свои мундиры. Исландия оказалась в числе стран, на долю которых выпала эта честь.

Целый итальянский воздушный флот приземлился однажды в Ватнагардаре, и в каждом самолете было по меньшей мере два новых, с иголочки, мундира. Гости прибыли в ту пору, когда ночи были светлые, а на лугах цвели маргаритки. Перед тем, как появиться на берегу, мундиры по-

[1] По-итальянски — малыш; в переносном смысле — мальчик-швейцар при гостинице или ресторане, посыльный.

слали в Рим по радио донесение, что в честь их прибытия столица Исландии была вся в огнях иллюминации и наводнена цветами. Один исландский писатель, живущий в Дании, но испытывающий неодолимое пристрастие к великим державам, написал даже в подтверждение означенных донесений целую книгу на датском языке. Свидетельствуя о примерном поведении исландцев по отношению к воздушным представителям великой державы, этот писатель приводил такие факты: как только жители острова услышали гул самолетов над головой, их охватил такой приступ восторга, что они тут же, на улицах, набрасывались друг на друга и целовались, обливаясь слезами радости.

Но славословие — одно дело, а факты — совсем другое.

Никаких иллюминаций, восторгов и поцелуев не было. Просто на другой день после прилета гостей вы не могли шагу ступить по Ист-стрит, главной улице Рейкьявика, чтобы не наткнуться на людей, похожих не то на почтальонов, не то на швейцаров. Мундиры стояли на тротуарах целыми толпами и громко беседовали, усердно при этом жестикулируя. А суровые местные жители, с трудом пробираясь к своим лавкам или конторам, сердито ворчали:

— Какого черта торчат тут повсюду эти петушиные гребешки!

Вот, собственно, что было на самом деле.

Офицеров воздушной армады расселили по всем гостиницам, какие были в городе. И как раз в этот день Стебби впервые занял свой пост в дверях отеля «Гейзер», гордый титулом «пикколо» и новой элегантной ливреей. Офицеры толпой входили в дверь отеля, и Стебби с удовлетворением отмечал про себя, что каждый из них одет примерно так же, как он сам. Стебби глядел на мелькавшие мимо него мундиры даже с некоторым снисхождением. Лейтенант, капитан, майор — так величали офицеры друг друга. У него, Стебби, тоже был итальянский титул, нисколько не хуже и даже позамысловатее, чем у них.

Все эти «тененте, капитано, маджиоре» произвели в отеле немалый переполох. Они так громко кричали, разговаривая друг с другом, словно были все туги на ухо, а руки и ноги у них при этом находились в неустанном и лихорадочном движении. Потом прислуживавшие им официанты сделали новое открытие: гости вопреки правилам приличия обсасывали за едой усы, сплевывали сквозь зубы косточки от фруктов и так яростно ели с ножа, словно собирались вырезать себе язык. Когда им приносили сигары, они не знали, какой конец полагается откусывать, и откусывали как раз не тот. Официанты решили, что гости смахивают на бродяг, которых собрали в водосточных канавах и приодели по случаю праздника на один день.

Офицеры обедали за длинным столом, стоявшим в середине зала, и шум, который они производили, заглушал разговоры других постояльцев. Входили они в столовую строем попарно и занимали места согласно строго установленному ранжиру: пестрота и золотое сверкание мундиров все возрастали от одного конца стола к другому. Последним входил в комнату человек по имени Питтигрилли. У него были угольно-черные глаза, и держался он так прямо, что казалось, вот-вот опрокинется навзничь. На мундире не хватало разве что фольги — тогда он вполне мог бы сойти за хорошую рождественскую елку. Как только он появлялся в дверях, все мундиры вставали, щелкали каблуками и стояли, как манекены, пока он, поразмыслив, не приказывал им опуститься опять на стулья. Стебби глядел во все глаза и находил всю эту церемонию весьма нелепой.

Официанты сразу учуяли в Питтигрилли того, кто угощает всех остальных. И они начали, по местному обычаю, наливать суп в тарелки, начиная с противоположного конца стола, с тем чтобы хозяину налить в последнюю очередь. Так же поступили они и со вторым блюдом, накладывая в первую очередь порции офицерам, сидевшим на самых дальних от Питтигрилли местах. Такой порядок вызвал невероятное смятение среди сидевших за столом мундиров. Когда же официанты повторили ту же процедуру со сладким, Питтигрилли поднялся на ноги, и с ним вместе встало еще несколько его приближенных. Питтигрилли потребовал метрдотеля и стал орать на него на итальянском — должно быть, очень изысканном — языке со скоростью четырехсот слов в минуту, сопровождая речь целой серией молниеносных жестов.

— Благодарю вас, сэр,— сказал ничего не понявший метрдотель и поклонился.

Тогда был вызван директор, и пулеметное словоизвержение возобновилось с новой силой. Кончилось тем, что гости уселись на места и принялись за еду.

На следующий день официанты попрежнему стали разливать суп с дальнего конца стола. Питтигрилли вскочил, как ошпаренный, и тут же отдал приказ своим людям покинуть столовую. Остолбенев от удивления, официанты глядели, как гости построились и зашагали из зала, не оглядываясь на дымящиеся тарелки с супом.

Вечером в отель явился итальянский консул собственной персоной. Он вызвал метрдотеля и потребовал, чтобы суп подавали в первую очередь не кому иному, как Питтигрилли, в противном случае будет сделано соответствующее представление министерству иностранных дел.

— Благодарю вас, сэр,— сказал в замешательстве метрдотель и поклонился.

Он обещал тут же поговорить с официантами. Но те заявили, что раз Питтигрилли платит, то таков уж обычай в гостиницах и не им его менять: кто платит, тому наполняют тарелку в последнюю очередь.

— Муссолини, вот кто платит! — сердито сказал консул.

— Благодарю вас, сэр,— сказал, кланяясь, метрдотель,— но с того времени, как приехали ваши, мы не можем залучить в ресторан ни одного англичанина. Англичане, сэр, с трудом переносят, когда люди обсасывают усы за столом...

— Это меня не касается,— сказал консул.— Кто оскорбляет Питтигрилли, тот оскорбляет Муссолини!

— Благодарю вас, сэр,— прошептал метрдотель и отвесил особенно глубокий поклон.

На этом дипломатический разговор кончился.

* * *

На завтра Стебби кончал работу в полдень. Погода была чудесная, и солнце горячими лучами заливало подъезд гостиницы и мостовую. Стебби стоял в дверях и все никак не мог себя заставить снять ливрею: солнце так весело горело на золотых пуговицах, на широких лампасах во всю длину ноги и особенно на лихо надетой набекрень золоченой фуражке, похожей на только что вычищенную кастрюлю.

Правду сказать, Стебби было очень приятно стоять здесь с видом начальства, высоко подняв нос да еще имея громкий итальянский титул! А тут же проходили мимо пареньки его возраста в затрапезной одежде, в коротких штанишках,— никакого вида! Да и девчонки тоже то и дело пробегали по улице.

Двое англичан вышли из дверей гостиницы и приостановились, закуривая. Они дружески поздоровались со Стебби и дали ему сигарету.

Нет, право, не хочется уходить отсюда, переодеваться и сразу превращаться в обыкновенного человека. А потом у Стебби есть сигарета, и ничего больше не требуется, чтобы предстать перед людьми во всем величии. Вот только достать бы спичку! Пусть-ка попробует кто-нибудь запеть сейчас эту чепуху о Стебби, который треплет пеньку. Нет, он еще постоит тут на тротуаре, на солнышке, хозяин жизни, хозяин своей ливреи, да еще обладатель сигареты!

По тротуару шел, направляясь в гостиницу, какой-то человек. Он широко шагал, выпрямившись, как палка. На нем был мундир, очень похожий на ливрею Стебби. Между пальцев он держал, как и Стебби, сигарету, а в другой руке у него была золоченая палка. Стебби узнал Питтигрилли. Должно быть, итальянец размышлял в эту минуту о красоте своего собственного мундира,— во всяком случае, он не обратил ни малейшего внимания на то, как великолепно выглядит на солнышке ливрея Стебби.

— Хэлло, Питтигрилли! — сказал Стебби, подражая манере американских купцов, и дружески похлопал фашистского генерала по плечу. Потому что оба были одеты в одинаковую форму, и Стебби ясно чувствовал, что оба они люди значительные и оба украшают собой этот тротуар, улицу и всю вселенную.

— Спичку! — сказал Стебби весело, показывая на торчавшую у итальянца во рту сигарету.

Никогда еще за свою короткую жизнь Стефан Джонсон не видел, чтобы человек пришел в такую страшную ярость, как этот итальянский «пикколо». Вдруг,

неожиданно, да еще после такого дружеского приветствия и в такой замечательный солнечный день!

В одно мгновение физиономия итальянского фашиста стала сизой. На ней отразилась сложная смесь чувств: изумление, гнев, страх, словно убийца неожиданно занес над ним нож. Он не произнес ни звука, он просто вырвал у Стебби изо рта сигарету, яростно швырнул ее наземь, потом поднял свою раззолоченную палку и принялся обрабатывать ею челюсти парня.

Так пришел конец мечтательному настроению Стебби. Некоторые считают исландцев народом, претерпевшим больше обид и гнета, чем досталось на долю многих других народов. Столетиями, вплоть до наших дней они встречали угнетение терпеливо, в духе примирения, не делая ни малейшей попытки взбунтоваться. Говорят, мало есть народов, столь далеких от идеи революции.

Но сколь это ни невероятно, бывали случаи, когда сдержанный и терпеливый островной народ забывал о своей привычке к всепрощению, о своей уступчивости и примирительном отношении к угнетателям и поступал так, как поступают все. Со Стебби произошло это редкое, но благотворное преображение, которое переживал временами его народ.

Не успел Питтигрилли несколько раз проехаться палкой по челюстям Стефана Джонсона, как тот прыгнул на генерала и вцепился ему в живот. Питтигрилли остолбенел от неожиданной атаки: в Италии посыльные из гостиниц не имели обыкновения набрасываться на высокопоставленных лиц. Потом генерал опомнился, и между ним и мальчиком дело завязалось всерьез, причем ареной борьбы стала уже мостовая. Собралась толпа: каждому было любопытно посмотреть, чем кончится этот неожиданный матч. Долго ли, коротко ли шла схватка, но Стефан Джонсон одержал в ней полную победу над «героем пустынь».

— Мамма миа! [1] — хныкал генерал, лежа в пыли на самой середине улицы.

Стебби сидел на нем верхом и

прочно удерживал противника в поверженном состоянии.

Собравшиеся исландцы убедились, что «петушиный гребешок» попал в безвыходное положение. Некоторые по доброте душевной решили ему помочь — генерала подняли, поставили на ноги, стряхнули с него пыль. Другие оттащили в сторону посыльного и посоветовали ему убираться. Надо сказать, что исландцы в случае драки всегда становятся на сторону лежачего. Должно быть, они поступают так потому, что всю жизнь сами находились в положении побежденных.

Очутившись на ногах и убедившись, что «пикколо» ему больше не грозит, «герой пустынь» немедленно обрел прежнюю выправку и самоуверенность. Он стал в дверях гостиницы и начал говорить. Он говорил так звучно и красноречиво, так картинно простирал руки, так внушительно двигал бровями, головой, ногами, что в соседних домах стали открываться окна. Толпа росла: всем хотелось насладиться интересным спектаклем. Многие даже подумали, что это сам Муссолини пожаловал в Исландию. Только два англичанина послушали минуту — другую, заложив руки в карманы, потом быстро прошли в гостиницу по черной лестнице.

Стефан Джонсон между тем тоже покинул поле сражения. Ни один человек не понимал ни слова из того, что говорил итальянский оратор. Некоторые предлагали ему холодную воду, спичку, вообще люди старались успокоить и приободрить разволновавшегося фашистского генерала.

Вечером итальянский консул снова приехал в отель. Вид у него был еще строже, чем в прошлый раз. Шутка ли, Муссолини подвергся оскорблению в Исландии, «ла глориа делла патриа» [2] была брошена в пыль здесь, на этой одинокой, затерявшейся в океане скале, которую священное оружие итальянского фашизма может пустить на дно океана в течение коротких минут! Самый презренный, самый низкий, по понятиям итальянских мундиров, человек — «пикколо»! — осмелился нанести оскорбление «ла грандиссима, этерниссима патриа делла глориа!» [3]. Обо всем этом будет не только сделано представление министерству иностранных дел, но Италия не отступится, покуда не будет дано удовлетворение, даже если бы это стоило короны королю Дании.

— Благодарю вас, сэр,— сказал метрдотель и поклонился с обычной приветливой улыбкой.

Но несколько англичан тут же спешно выехали из гостиницы со всем своим багажом.

Начались переговоры.

Итальянский генеральный штаб, правду сказать, не настаивал в категорической форме на том, чтобы король Дании покинул трон. Зато с тем большей решительностью было предъявлено требование, чтобы от имени правительства были публично принесены Муссолини извинения за происшедшее. Один из посредников заметил, что Муссолини, пожалуй, может сделать слишком далекие выводы из этого извинения. Тогда Питтигрилли потребовал, чтобы хозяин гостиницы принес извинения лично ему. Долго искали хозяина, но он, оказалось, уехал куда-то вглубь острова стрелять бекасов, да и вообще он не хотел путаться в это дело: посыльный Стефан Джонсон был нанят не им, а метрдотелем, пусть тот и расхлебывает всю эту кашу!

В конце концов Питтигрилли пошел на уступку: он сказал, что удовлетворится немедленным увольнением Стефана Джонсона.

— Благодарю вас, сэр,— сказал метрдотель и поклонился.

Стебби был уже в это время у себя дома, и кроме того у него был выходной день. Он не подозревал, что произошло что-то серьезное. Просто иностранец съездил его по скуле, а он не остался в долгу и уложил иностранца на обе лопатки. Правда, этот долговязый был в форме, но ведь и он, Стебби, был в форме! «Пикколо» и в голову не приходило, что другой «пикколо» может иметь к нему претензии за то, что Стебби свалил его с ног. Стебби самого тоже не раз сбивали с ног в драке, и он не обижался. Когда двое дерутся, всегда ведь бывает, что один лежит внизу, а другой сидит на нем сверху. Так оно и должно быть, это справедливо. Нет, ничего особенного не произошло! И к вечеру вся эта история испарилась из памяти Стебби.

На следующий день утро было еще приятнее, чем предыдущее. Воздушный флот Питтигрилли снялся и улетел. Мундиры улетели. Больше их в Исландии не видали. Стефан Джонсон с утра приступил к исполнению своих обязанностей, он надел ливрею, укрепил на голове шапку-кастрюлю. Все шло своим чередом в отеле, но ведь ничего особого, собственно, и не случилось! Если бы кто-нибудь сказал Стебби, что накануне фашистский итальянский воздушный флот потерпел поражение в Рейкьявике, он ничего бы не понял.

Одно только Стебби знал твердо: ему нет прохода от этой Гунно, веселой маленькой чертовки из посудной. Она попрежнему и не думает оказывать уважение молодому джентльмену, у которого как-никак золотые пуговицы и фуражка, сияющая, как золотая кастрюля. Куда там! Девчонка не упускает случая подразнить его, назвать «Стеббипенька» и пропеть эту нелепую песенку, как только Стебби пройдет мимо кухни...

[1] Мать моя!

[2] Слава отечества.

[3] Величайшая, извечная родина славы (ит.).

Пейзажи Н. М. Ромадина

К 50-летию со дня рождения художника

1920 год. На живописных берегах Волги, под Самарой, разместилась лесная школа-коммуна. Среди воспитанников был Николай Михайлович Ромадин — ныне видный советский пейзажист. Он пришел в школу, уже обладая суровым жизненным опытом. С детских лет будущий художник должен был помогать отцу содержать большую семью. Кем только не побывал: газетчиком, переплетчиком, пекарем! И всегда находил время для занятий любимой живописью.

Прошло десять лет. Молодой художник, окончивший Художественно-технический институт, приступает к работе над большими картинами, принесшими ему успех: «Дзержинский в Орловском централе», «Интервенция», «Прифронтовой ревком».

С 1937 года преобладающее место в творчестве Ромадина занимает пейзаж. Не сразу художник пришел к пейзажу. Вначале он наряду с тематическими картинами, жанром, портретом пишет небольшие, полные мягкого, лирического чувства этюды с натуры, следуя в них лучшим традициям русского реалистического пейзажа.

Ромадин испытал на себе глубокое и плодотворное влияние знаменитого русского художника М. В. Нестерова, который оценил его тонкое понимание и поэтическую передачу красот родной русской природы. «Работал я взапуски, — рассказывает Ромадин, — и каждый раз приносил и привозил кучу этюдов и каждый из них разбирал Михаил Васильевич и объяснял».

В годы Великой Отечественной войны художник создал серию пейзажей «Волга — русская река», которая была отмечена Сталинской премией. Эти пейзажи — песня о вечной красоте русской природы — были написаны в живописных окрестностях городка Васильсурска на Волге. В тринадцати небольших по размерам полотнах запечатлены различные моменты в жизни природы: последний луч солнца озаряет красным полымем верхушки сосен, а снизу уже тянет прохладой; дорога уходит в бескрайние просторы полей; спелым колосом гнется рожь к земле; полная луна заливает светом приволжские поля и холмы...

Пытливый художник, влюбленный в родную природу, Ромадин ежегодно совершает поездки по стране. Кроме Волги и Подмосковья, своих излюбленных мест, художник побывал в Средней Азии, в горах Тянь-Шаня, Кара-Кумах, на Белом и Черном морях, на Кавказе, в Киргизии, Карело-Финской ССР, во Владимирской области, на Волхове и многих других местах.

Публикуемые в этом номере работы художника написаны им в различных уголках нашей Родины: на Керженце («Затопленный лес»), у озера в Карело-Финской ССР («Ноябрь в Карелии»), под Москвой, в Старой Рузе («Март») и на Волге («Знойный день»).

К числу лучших произведений Ромадина относится пейзаж «Затопленный лес». Тихая и мелкая речка, разлившись в половодье, затопила прибрежные леса. Как зачарованные, смотрятся в воду стройные и могучие сосны.

В пейзаже «Март», написанном в нежных и легких перламутровых тонах, художник подметил и передал приметы наступающей весны: еще холодно, но снег уже потемнел, стал рыхлым, солнце светит ярче и веселее.

Суровая и величавая природа прекрасного края озер и лесов запечатлена Ромадиным в пейзаже «Ноябрь в Карелии». Светлого, лирического раздумья исполнено это полотно.

Пейзаж «Знойный день» — проникновенный рассказ о великой русской реке. Жаркое полуденное солнце зноем опаляет волжские берега, раздольную водную гладь, сверкает в зыби, поднятой набежавшим ветром.

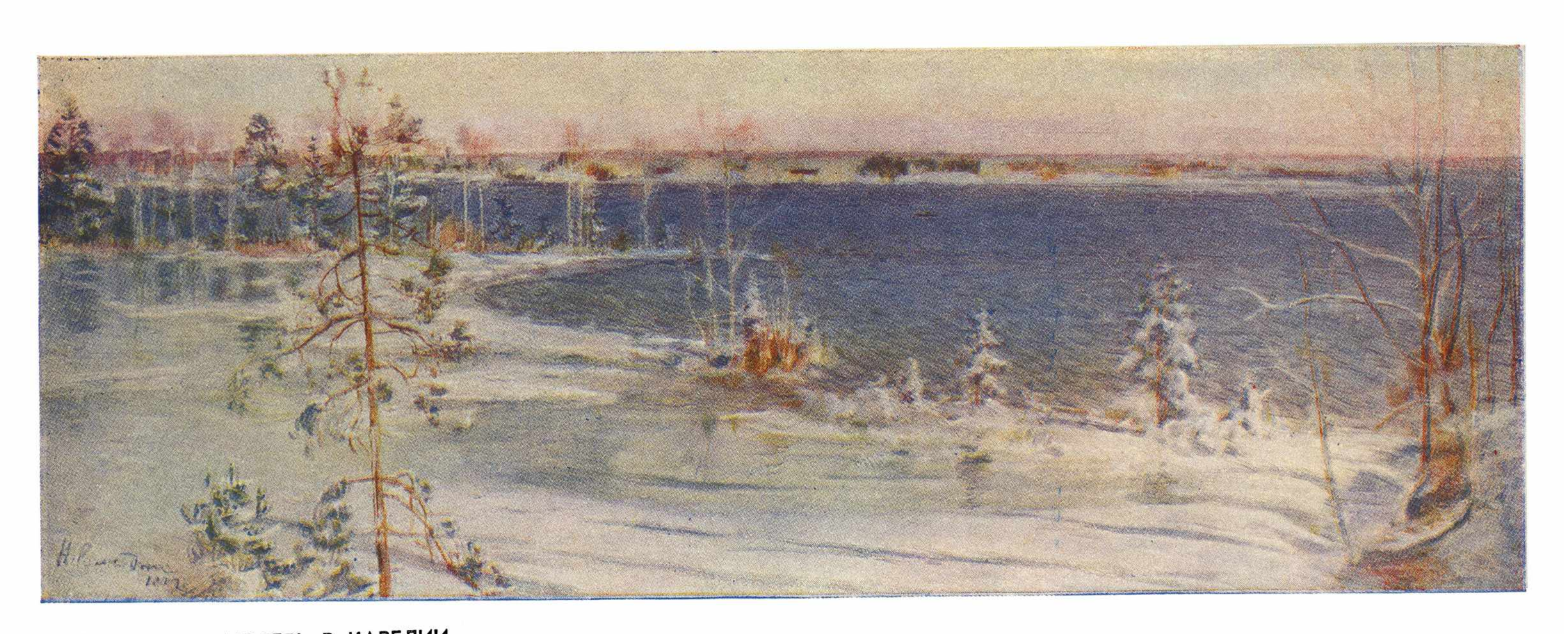
Ромадин — превосходный колорист, с большим вкусом и тактом находящий тончайшие световые соотношения.

А. АБРАМОВА

Н. М. Ромадин. ЗАТОПЛЕННЫЙ ЛЕС.

Н. М. Ромадин. МАРТ.

Н. М. Ромадин. НОЯБРЬ В КАРЕЛИИ.

Н. М. Ромадин. ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ.

Сподвижник Ломоносова

В. В. ДАНИЛЕВСКИЙ,
действительный член Академии наук УССР

Г. В. Рихман (1711—1753).

Шла гроза с севера. «Гром был нарочито силен, дождя ни капли». Так писал Ломоносов про тот день, когда «в первом часу пополудни поднялась громовая туча от норда».

Все ожесточеннее молнии рассекали суровые тучи, надвигавшиеся на Петербург. Нарастали раскаты грома.

Русские ученые стояли у «громовых машин». «С великой нетерпеливостью ожидали грому» и М. В. Ломоносов и его друг Г. В. Рихман. С приходом долгожданной грозы настал для мужественных людей науки час новых наблюдений...

В наши дни громоотвод, справедливее молниеотвод, направляет разряд в землю. Средств громозащиты теперь много, и они надежны.

Тогда было иное. Молниеотводов и в помине не было до Ломоносова и Рихмана. Впервые установив электрическую природу гроз, они ввели молниеотвод в свой дом. Не для защиты от гроз, а для их изучения.

Каждый из них установил над своим домом «електрическую стрелу» — приемник. От нее шла проволока к «железному аршину с нитью» — электрометру, первому в мире электроизмерительному прибору.

«Внезапно, — пишет Ломоносов,— гром чрезвычайно грянул в самое то время, как я руку держал у железа и искры трещали. Все от меня прочь побежали. И жена просила, чтобы я прочь шол».

Ломоносов продолжал опыты, пока «електрическая сила почти перестала». Вдруг перепуганный, весь в слезах, вбежал к нему слуга Рихмана со словами: «Профессора громом зашибло».

Гроза прошла. Память о ней никогда не пройдет. В истории науки навсегда записано, что 26 июля (6 августа) 1753 года пал смертью героя во время научных наблюдений русский ученый Г. В. Рихман.

Гибель Рихмана вызвала многие отклики в России и далеко за ее рубежами. Сообщения по этому поводу вышли в Париже и Лондоне, Лейпциге и Франкфурте, Иене и Ганновере.

Россия — родина Рихмана и как человека и как ученого. Он родился 11(22) июля 1711 года в городе Пярну (Пернов), входящем ныне в состав Эстонской ССР. В Таллине, столице Эстонии, он начал свое обучение. В Петербурге, столице России, он стал ученым.

Называя, как было тогда принято, Лифляндией прибалтийские земли России, Георг Вильгельм Рихман писал о себе:

«Я... по природе лифляндец, учился... на собственном иждивении физическим и математическим наукам в том намерении, чтобы со временем своими трудами российскому государству пользу учинить».

И он выполнил выдающийся труд на пользу и во славу России.

Подхватив страстный призыв Ломоносова готовить для своей страны ученых, Рихман на протяжении всей работы в Академии наук с 1737 года занимался с будущими исследователями, читал лекции по многим дисциплинам. С гордостью он писал: «Отправляю я двоякую должность: при Академии — академика и при Университете — профессора со всяким прилежанием и с известною государственною пользою». Его слушателями были будущие академики С. К. Котельников, С. Я. Румовский и ставшие впоследствии профессорами Московского университета А. А. Барсов и Н. Н. Поповский.

За короткий срок Г. В. Рихман стал блестящим физиком-экспериментатором. Он превратил физическую «камору» Академии наук в физическую лабораторию, лучшую тогда во всем мире. Здесь он выполнил много важных исследований по разнообразным вопросам.

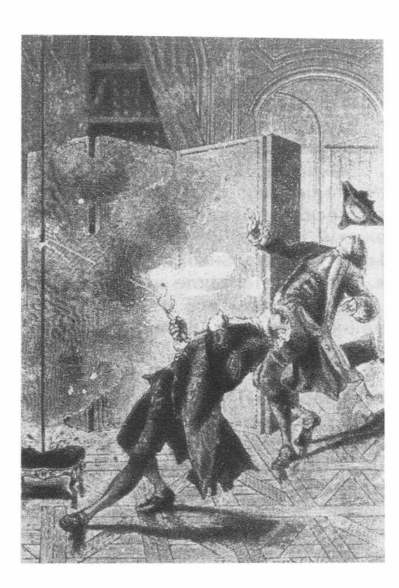
К 1740 году, как писал М. В. Ломоносов, еще «весьма мало было знания о електрической силе». На смену малым Ломоносов и Рихман ввели обширные и глубокие знания об электричестве. Они поднялись до такой высоты, что решили измерять «електрическую силу». В результате был создан первый в мире электроизмерительный прибор, впервые в истории описанный Рихманом и примененный им вместе с Ломоносовым в громовых машинах.

Изобретение и использование электрометра в работах Ломоносова и Рихмана положили начало новому периоду в истории изучения электричества. Во время опытов с этим прибором, ставшим родоначальником всей электроизмерительной аппаратуры, Рихман и отдал свою жизнь во имя науки.

Сподвижник Ломоносова совершил также много важных открытий, относящихся к изучению проводников и изоляторов, электроемкости отдельных тел. Придавая государственное значение грозозащите, он изыскивал конструкции молниеотводов, разрабатывал способы «отвращать» молнию от зданий.

Исключительно важен вклад в науку Г. В. Рихмана как теплофизика. Работы его в этой области были почти полностью забыты. Исследования, произведенные за последние годы молодым советским ученым, кандидатом технических наук А. М. Мурзиным, показали, что Г. В. Рихман выполнил чрезвычайно важные работы по калориметрии и охлаждению тел. Он автор знаменитой формулы для определения температуры смеси однородных жидкостей. Разработанный им способ смешения жидкостей — один из важнейших теперь приемов определения теплоемкости. Ему принадлежат также крупнейшие исследования по теории теплообмена. Именно им, а не И. Ньютоном было дано наиболее полное обоснование закона охлаждения тел. На основе работ Рихмана были в дальнейшем открыты новые, важнейшие тепловые величины — теплоемкость, единица количества тепла — калория, коэффициент внешней теплопроводности, теплота испарения...

Сын России, отдавший ей все свои силы, опыт и знания, Г. В. Рихман успешно потрудился во славу своей Родины. Его друг и товарищ по работе М. В. Ломоносов, сказав, что Г. В. Рихман умер «прекрасною смертью», справедливо добавил о мужественном русском ученом: «Память его никогда не умолкнет».

Гибель Г. В. Рихмана (снимок из фондов архива Академии наук СССР).

Музей профессора Н. И. Нефедова

Профессор Н. И. Нефедов и Гай Поляков в музее.

Фламинго парил над волжской поймой. Молодой охотник, точно завороженный полетом птицы, терпеливо дожидался, когда она приблизится к месту засады. «Ради редкой добычи,— думал он,— не жалко потратить лишнее время, стоит смириться с таким неудобством, как назойливые рои мошкары». Охотничье счастье не изменило Гаю Полякову: фламинго приблизился на расстояние выстрела.

Вечером на привале среди охотников, пришедших посмотреть на фламинго, зашел разговор о том, что делать с необычным трофеем.

— Отвезу Николаю Ивановичу Нефедову, — сказал Поляков.— Пригодится для его музея.

Подарок Гая Полякова действительно понравился профессору. В музее до сих пор не было редкостного обитателя дельты Волги — розового фламинго.

— Заходите через недельку — другую полюбоваться на чучело этого красавца,— приглашал Н. И. Нефедов Полякова.

Заведующий кафедрой зоологии Сталинградского педагогического института имени А. С. Серафимовича доктор биологических наук Н. И. Нефедов всегда рад встречам с такими посетителями, как Г. Поляков. Охотники — друзья ученого. Они помогают ему пополнять фонды зоологического музея института новыми экспонатами.

Дружба ученого и охотников завязалась шесть лет тому назад. Стараниями Н. И. Нефедова еще в предвоенные годы в педагогическом институте был организован небольшой зоологический музей. Во время войны ученый отправился на фронт. Вернувшись домой, в Сталинград, он не нашел на старом месте не только своего музея, но и здания института. Весь город еще лежал в руинах.

— Буду создавать музей заново,— решил ученый.

Вокруг профессора быстро образовался коллектив бескорыстных помощников — студентов, школьников, натуралистов, охотников. К нему узнали дорогу десятки незнакомых людей. С помощью любителей природы Н. И. Нефедову удалось собрать тысячи экспонатов.

Зоологический музей профессора Н. И. Нефедова связан почти со всеми заповедниками страны. В адрес института прибывают посылки с Северного Кавказа, из республик Средней Азии, из Крыма, с дальнего Севера.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Успех творческих исканий

Балет «Лебединое озеро» на сцене Государственного музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

← Одетта — О. Моисеева. Принц — А. Чичинадзе.
Фото Е. Умнова.

Рисунки В. Высоцкого.

Зритель, уже смотревший «Лебединое озеро», найдет много нового и неожиданного в спектакле театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Он увидит по-новому решенные сцены, отметит немало свежих и острых находок режиссуры и исполнителей, услышит неизвестную ему чудесную музыку Чайковского, которая раньше выбрасывалась из партитуры.

Балетмейстеры бывших императорских театров интересовались в постановке «Лебединого озера» прежде всего эффектностью танца, а не содержанием балета. Для усиления танцевальной стороны допускались не только многочисленные купюры, но и вставные номера — различные балетные вариации, к тому же принадлежащие другим авторам.

Последующие редакции выдающихся русских балетмейстеров — Мариуса Петипа и Льва Иванова в Петербурге, А. Горского в Москве — устранили многое привнесенное в балет руками постановщиков-ремесленников. Однако немало искажений оставалось в партитуре по сей день во всех постановках балета. Теперь — впервые в сценической истории «Лебединого озера» — его музыкальная драматургия восстановлена во всей ее прелести.

Театр проделал большую работу по изучению наследия П. И. Чайковского и сумел — с активной помощью композитора В. Я. Шебалина—воспроизвести авторскую редакцию балета. И вот в спектакле зазвучала до сих пор неизвестная нашему зрителю чудесная музыка: в первом акте это «песня Принца», а также вальс и полонез (шедшие до сих пор с сокращениями); в третьем акте восстановлены дуэт Одиллии и Принца и вариация Принца; в четвертом введены «скорбное шествие» — танец лебедей, покидающих Одетту, и музыка бури на озере — богатый выразительностью симфонический эпизод.

Новая музыкально-сценическая редакция радует органическим слиянием музыки и танца, ясностью и простотой развития сюжета. Следуя за Чайковским, постановщик В. Бурмейстер, дирижер В. Эдельман, художник А. Лушин и исполнители стремились психологически оправдать и осмыслить каждый эпизод, каждый музыкальный и танцевальный момент балета. В этом спектакле все сказочно и вместе с тем все реально, внутренне правдиво, логично и обоснованно.

Введением пролога (идущего под увертюру), которого не было в других постановках, театр рассказывает о том, как злой волшебник Ротбарт заколдовал девушек, превратив их в лебедей. Раздвигается занавес, и на сцене мы видим собирающую цветы Одетту (В. Бовт). Заметив цветок, растущий на скале, девушка взбирается на нее, и в эту минуту на вершине появляется злой волшебник (А. Клейн). Могучим взмахом огромных, наводящих ужас крыльев Ротбарт прикрывает девушку, и, когда через секунду по озеру проплывает белый лебедь, мы понимаем: девушка превращена в птицу; в крыльях Ротбарта, похожих на крылья гигантского коршуна, таилась волшебная злая сила.

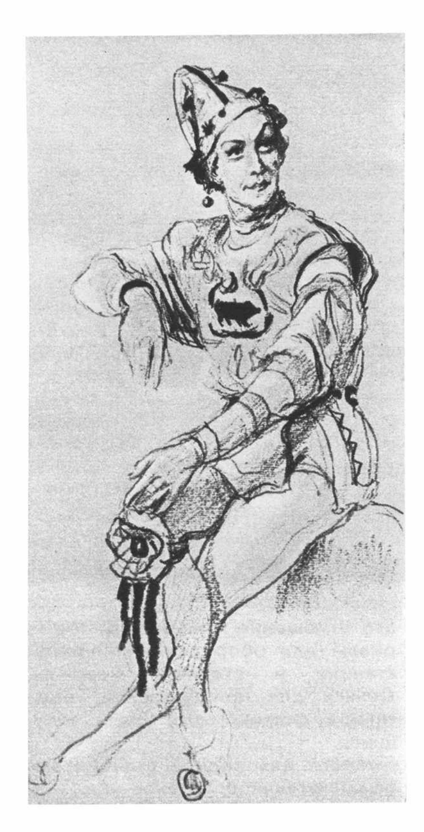
Первый акт изображает праздник, устроенный Принцем. И в этом обычном балетном празднестве со множеством танцев, с торжественным полонезом, с забавными прыжками Шута (А. Сорокин) постановщик нашел немало новых живых штрихов: сам Принц (А. Чичинадзе) веселится на опушке леса, убежав со своими друзьями из холодного пышного замка, который виднеется вдали; в кустах робко прячутся деревенские девушки, которым любопытно посмотреть на господский праздник. Их заметили, вытащили из засады. Сначала девушки смущены, испуганы, но мало-помалу общее веселье заражает и их. В разгар танцев появляется со своей свитой Владетельная принцесса (О. Берг), возмущенная поведением сына. Девушки при виде разгневанной госпожи разбегаются. В этой сцене возникает атмосфера старинного феодального замка.

А. Чичинадзе, танцующий Принца, пленяет юношеской порывистостью и чистотой.

В его склоненной перед матерью голове, во всей внешне почтительной позе чувствуется юношеское упрямство, нетерпение и протест.

Танцы второго действия, постав-

А. Сорокин — Шут.

ленные в свое время Львом Ивановым, бережно сохранены в постановке. Но и здесь режиссером введена новая деталь: улетели прекрасные лебеди; Принц, взволнованный зародившимся в нем чувством, замечает на земле перо, которое обронила королева-лебедь. Он бережно поднимает его.

С этим белым перышком Принц появляется в третьем акте на празднике в замке. Эта бесхитростная и наивная деталь придает всему происходящему на сцене особую теплоту и трогательность. Видно, что юноше дорого воспоминание о происшедшем с ним ночью. А потом, когда коварной Одилии удается обмануть принца, она коротким, хищным движением выхватывает белое перо из рук юноши и бросает его Ротбарту.

Раньше многочисленные танцы третьего акта следовали один за другим, образуя пестрый балетный дивертисмент. В. Бурмейстер дает иное, интересно задуманное драматургическое решение. Во время праздника в замке внезапно появляется переодетый Ротбарт со своей свитой. Его окружают кольцом тореро в огненно-алых плащах. Сам Ротбарт спрятал свои крылья под черным плащом, но когда он взмахивает им, кажется, видишь, как вырастают за его спиной большие, зловещие крылья. И, будто повинуясь повелительным взмахам невидимых волшебных крыльев Ротбарта, появляются вереницы людей, проносящихся в стремительных танцах: испанский танец сменяется неаполитанским, венгерский — мазуркой. Среди танцующих то и дело появляется дочь Ротбарта Одиллия и снова исчезает. Кажется, это она превращается в женщин разных стран, чтобы увлечь Принца. Перед юношей разворачивается сверкающий каскад танцев. Все танцующие словно стремятся ослепить, ошеломить, увлечь его. То и дело вспыхивают, как языки огня, плащи тореро, и весь этот танцевальный вихрь напоминает внезапно вспыхнувшее жадное и коварное пламя, которое, разгораясь все сильнее и сильнее, грозит сжечь замок и его обитателей.

И вот из рядов танцующих стремительно выходит Одиллия, принявшая образ девушки-лебедя. В. И. Немирович-Данченко, ставивший в 1920 году в Большом театре «Лебединое озеро», говорил, что в Одиллии «совершенно не должна быть жалость, любовь, лирика — это сплошной демонический характер. Должны быть только улыбка и страсть».

Одиллия (артистка В. Бовт) охвачена жаждой победы. Но Принц не сразу поддается ее чарам. Негодование и злоба зажигают мрачным огнем ее глаза. А когда увлеченный юноша протягивает наконец к ней руки, на ее губах змеится торжествующая улыбка. Все ее движения, напоминающие лебедя, приобретают теперь другой характер: это хищная птица, которая вьется и носится над своей жертвой, трепеща от желания терзать ее.

Приняв Одиллию за Одетту, Принц нарушает клятву верности, данную любимой. Одетте грозит гибель. Поняв свою ошибку, Принц бежит на берег озера. Поднимается буря, озеро выходит из берегов, и снова во мгле раскрываются и растут огромные, зловещие крылья волшебника...

Но Одетта сама спешит на помощь к возлюбленному. С высокой скалы она бросается к нему прямо в бушующие волны. И этот подвиг любви разрушает злые чары. Ротбарт гибнет, стихает буря. В лучах утреннего солнца появляется Принц с девушкой, которую он бережно держит на руках. Это ее мы видели в прологе: лебедь снова стала девушкой. Этот финал утверждает силу любви, красоту подвига. «Никакое колдовство не устоит против любви,— говорил Гейне.— Любовь ведь сама сильнейшее волшебство, и все другие должны смиряться пред нею».

Ансамбль балета заслуживает самой высокой оценки. Танцы свиты Ротбарта, танцы лебедей, безукоризненные по стройности, четкости и согласованности, наполнены внутренним содержанием. Кордебалет не только хорошо танцует, но и живет, действует на сцене.

А. Клейн — злой волшебник Ротбарт.

Любовное, бережное отношение к музыке Чайковского, смелость творческих замыслов, долгий и упорный труд привели театр имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко к большой и заслуженной победе.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН

М. Редина исполняет неаполитанский танец.

В. Бовт — Одиллия.

В селе Софьине

О. ШМЕЛЕВ

Фото А. Бочинина.

Из Раменского в село Софьино можно попасть разными путями. Один из них, не самый короткий, но самый приятный, ведет через деревню Заболотье. Пройдя деревню, нужно свернуть вправо и идти заливными лугами до самого берега Москвы-реки. Тропинка выводит прямо к перевозу...

Шагая по улицам села, вы обязательно обратите внимание на то, что земля исполосована змеистыми следами мотоциклетных и велосипедных шин. А по дороге к реке увидите стадион: две волейбольные площадки, футбольное поле, гимнастический городок.

На реке устроена водная станция: от мостков к деревянному щиту тянутся три пятидесятиметровые водяные дорожки, обозначенные рейками.

Если вы хотите посмотреть на местных пловцов, лучше всего придти на водную станцию в полдень: в страдную пору колхозники работают с утра до вечера с перерывом на обед с 12 до 2 часов дня. Тренировки происходят как раз в это время.

Футболисты и волейболисты тренируются после работы до захода солнца. Гребцы используют каждый свободный час. Для шахматистов темнота не страшна: в домах электричество.

Спорт в Софьине полюбили давно. Мальчишки бегали наперегонки, боролись, переплывали на спор Москву-реку — кто быстрее. Глядя на них, и люди посолидней, забыв о своем взрослом достоинстве, снимали пиджаки: а ну-ка, тряхнем стариной!

В июне прошлого года софьинских физкультурников знали только в районе, в августе их знала уже вся область, в сентябре — вся республика.

Софьино стоит на самом берегу реки, главная улица села в точности повторяет ее линию, и, может быть, именно поэтому самым любимым спортом у софьинцев всегда было плавание.

☆ ☆ ☆

Однажды теплым майским днем на берег реки, сплошь усеянный пестрыми холмиками одежды, пришел молодой человек в спортивном костюме. Он сел в стороне и долго наблюдал, как резвятся в воде юркие ребята. Когда последний, самый отъявленный водолюб, посиневший и покрывшийся холодными мурашками, вылез на берег и стал вытряхивать воду из ушей, человек в спортивном костюме подошел к нему.

— Давно плаваем? — спросил он.

— А как до речки ходить научились, так с тех пор и плаваем.

— Вот вы какие молодцы! — сказал незнакомец, обращаясь ко всем ребятам. — Тогда у меня есть к вам серьезный разговор.

Этот разговор состоялся в сельском клубе, где собралась софьинская молодежь.

Заведующий клубом Виктор Дмитриевич Калиновский представил колхозникам приехавшего — аспиранта Центрального научно-исследовательского института физической культуры Валентина Маслова. Потом сам Маслов объяснил, что он готовит диссертацию о тренировке пловцов и хочет организовать в Софьине плавательную секцию. Из районного центра его направили именно сюда. Занятия с колхозниками дадут ему материал для диссертации, а софьинская молодежь научится «плавать по-настоящему».

Это «по-настоящему» кое-кого обидело: подумаешь, мол, нашелся учитель, посмотрим еще, кто кого перегонит!

Но когда на следующий день Валентин Маслов на воде показал, как надо плавать, обида пропала: действительно стоило поучиться.

Сначала в секции плавания больше было ребят. Девушки записывались робко. Но постепенно их становилось все больше, и скоро секция пополнилась отрядом молодых пловчих.

Между прочим, председатель колхоза Василий Осипович Симонаев, узнав о приезде тренера и о создании секции плавания, не проявил особенного энтузиазма, но когда он увидел, как горячо взялись комсомольцы за это дело, его отношение изменилось. Материалы для оборудования водной станции и стадиона нашлись. Деньги для приобретения спортивной формы тоже были отпущены.

Место для водной станции выбрали отличное: ровное дно, покрытое чистым песком, глубина по грудь. Соорудили мостик и стенку, натянули рейки.

В июне 1952 года в Софьине состоялось торжественное открытие станции и были проведены районные соревнования на первенство добровольного спортивного общества «Колхозник».

В судейских протоколах в графе «Стиль» значилось «вольный». Пловцы преодолевали дистанцию способом «кто во что горазд». Так или иначе, победили софьинцы: у женщин первое место завоевала Ольга Тарыгина, у мужчин — Сергей Прозоров. Односельчане горячо поздравляли победителей. Только тренер Валентин Маслов не восхищался. Заметив обидчивое недоумение своих учеников, он сказал:

— Не велика победа, если ты, например, Ольга, сто метров проплыла за 2 минуты 21 секунду. Это все равно, что стометровку за полминуты пробежать, — пятилетний ребенок сумеет.

После этих соревнований начались настоящие тренировки. Тренировались каждый день в обеденный перерыв и по вечерам.

Вот пятеро пловчих, зайдя в воду по грудь, окунаются через одинаковые промежутки времени: вдох — выдох, вдох — выдох! Когда их головы скрываются, вода на поверхности бурлит: отрабатывается выдох в воду.

— Глаза не закрывайте, глаза! — кричит им с мостика Валентин Маслов.

— Щиплет, когда не закроешь! — отзываются девушки.

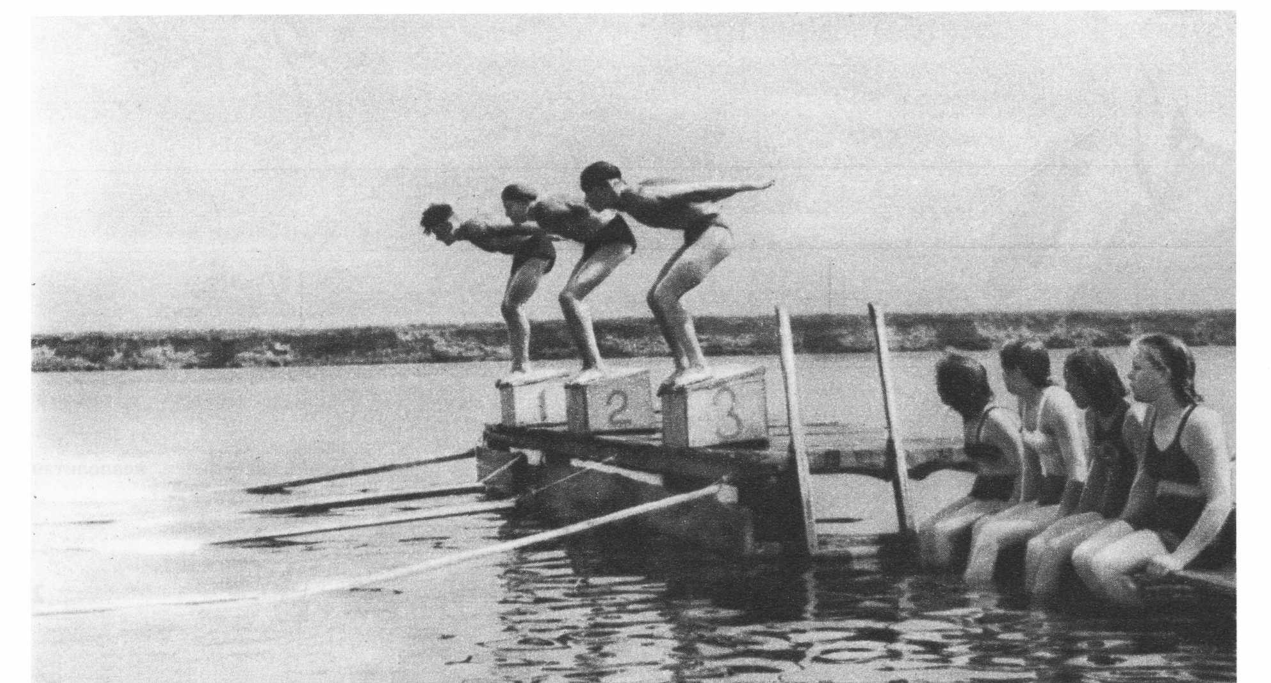
— Привыкать надо!

Другая группа учится правильно работать ногами: лежа на спине и держась за стенку мостика, ребята рубят ногами воду. Третья группа плавает на середине реки.

Все лето занимались пловцы, как в шутку говорил Маслов, «не покладая ни рук, ни ног».

И вот в августе десятеро лучших выступили на областных соревнованиях на первенство общества «Колхозник». Успех был полный. Первые места заняли софьинцы. За два месяца, прошедших со времени районных соревнований, все пловцы значительно улучшили свои результаты.

На старте (слева направо): Юрий Мазанов, Анатолий Качалин, Владимир Точилкин.

Особенно показательны были результаты Ольги Тарыгиной. Теперь она проплыла сто метров за 1 минуту 50 секунд.

— Хорошо, но все-таки еще... плохо, — сказал тогда Маслов.

В середине сентября колхозные спортсмены со всей Российской Федерации съехались в Краснодар. Команда пловцов Московской области целиком состояла из колхозников села Софьина. Была тут и Ольга Тарыгина.

Соревнования продолжались несколько дней. Но вот борьба окончена, и снова победа: из газет узнали софьинцы, что их односельчанка Ольга Тарыгина стала чемпионом республики среди колхозников. Сто метров она проплыла за 1 минуту 23,3 секунды. Для девушки, всего четыре месяца тому назад начавшей заниматься спортивным плаванием,— очень хороший результат, по классификационным нормам равный второму спортивному разряду.

* * *

Нет, совсем нелегко было спортсменке села Софьина завоевать республиканское первенство. Прежде чем попасть на соревнования в Краснодар, ей пришлось выдержать упорную борьбу со своими подругами Ниной Боруновой, Настей Прозоровой, Ниной Мишуриной, Лидой Сучилиной и многими другими, а потом победить соперников на областных соревнованиях. Ольга Тарыгина хорошо знает, что если хотя бы на неделю прекратить тренировку, ее обгонят другие.

Глядя на пловцов, стали регулярно заниматься футболисты и волейболисты. У них с тренировками еще не так хорошо, как в секции плавания. Капитан футбольной команды тракторист Николай Борунов — одновременно и тренер. Он опытнее других — вот и помогает товарищам. Футболисты и волейболисты частенько обращаются за советом к Валентину Маслову. Он давно стал в селе своим человеком, и если вы спросите, где его найти, любой — и стар и мал — покажет вам дом, в котором живет тренер, или отведет вас на водную станцию.

Прошло немногим больше года с того дня, как Валентин Маслов впервые появился в Софьине. Теперь он окончательно убедился, что сделал правильный выбор. Конечно, гораздо легче было бы пойти по проторенной дорожке: остаться в городе, подобрать себе тему полегче, а потом сидеть над книгами в тиши библиотеки да просматривать учебные кинограммы. Работать нелегко, но зато Маслов знает, что делает большое и нужное дело, нужное не только ему одному.

В Софьине занимаются спортом круглый год. Осенью и весной Валентин Маслов проводит кроссы. Когда выпадает снег, все — и пловцы, и футболисты, и волейболисты, и любители велоспорта — становятся на лыжи. Прошлой зимой лыжная команда софьинцев завоевала первенство района.

Валентин Маслов со своими ученицами. Слева направо: Настя Прозорова, Ольга Тарыгина, Нина Борунова, Валя Мишурина, Лида Сучилина и Нина Мишурина.

Острый момент у ворот.

На прогулку.

Игра идет «двое на двое». Коля Борунов и Юра Казанов сражаются в шахматы со сторожем колхозной пасеки Василием Сергеевичем Воробьевым. Дедушке Василию помогает Витя Грибников.

Во многих домах села можно увидеть на стене грамоты, полученные за спортивные достижения.

С каждым годом растет мастерство колхозных спортсменов. Этим летом софьинцы тренируются еще упорнее. Они готовятся к соревнованиям, и можно не сомневаться, что во встречах со спортсменами других колхозов они будут грозными соперниками.

Футбольную форму — бутсы, гетры, трусы и футболки — имеют в Софьине одиннадцать человек. Но футболистов гораздо больше. И не беда, если те, кто носится по полю в одних трусах и без гетр, своим «партизанским» видом произведут невыгодное впечатление на столичного болельщика. Кто знает, может быть, мальчишек, бегающих сегодня наперегонки по лугу, мы через несколько лет увидим на футбольном поле стадиона «Динамо», среди сильнейших бегунов на гаревой дорожке.

Софьинцы часто устраивают товарищеские встречи с волейболистами соседних сел.

НАРОДНЫЙ СПОРТ

На Кавказе, на Дону, на Кубани издавна славятся своим мастерством лихие джигиты. На дальнем Севере молодые охотники устраивают гонки на оленях. В Дагестане ни один народный праздник не обходится без состязаний по метанию камней, а в Эстонии и Латвии парусным спортом из поколения в поколение занимаются молодые рыбаки, жители прибрежных городов и деревень.

Разнообразны виды народного спорта, но все они развивают ценнейшие человеческие качества: смелость, силу, ловкость и выносливость.

Спортсмен, хорошо управляющий конем, с легкостью берет самое неожиданное препятствие.

В седле

В горах Абхазии раскинулись земли двух селений — Дурипши и Лихни. В часы досуга многие колхозники с увлечением занимаются конным спортом. В конюшне двух колхозов стоят 25 кровных скакунов.

Джигиты Дурипши и Лихни успешно выступают на конно-спортивных соревнованиях. На республиканских состязаниях они заняли почти все первые места. Колхозник Ж. Гумба стал чемпионом Грузии по национальному виду конного спорта — «иссинди» (метание дротика с коня). Колхозник С. Пужба занял четвертое место в барьерных скачках, а его земляк и товарищ Р. Ардзинба стал чемпионом Абхазии.

Выдающегося успеха добился колхозный звеньевой З. Аншба. В 1952 году он привез из Москвы в родную деревню алую майку чемпиона Советского Союза. З. Аншба занял первое место по рубке, опередив лучших конников страны.

С. КОРОТКОВ

Фото автора.

«Сабантуй» в Свердловске

Народный праздник татар и башкир «сабантуй», проведенный в Свердловске, собрал большое число участников, съехавшихся в столицу Урала из Челябинской, Молотовской, Курганской областей, из Омска, Казани, Уфы и других городов...

Одно из соревнований праздника вызвало особый интерес.

На самом конце бума укреплена корзина с петухом. Участники соревнования должны пройти по узкому бревну, снять эту корзину и вернуться с ней назад. Трудная задача! Многие смельчаки, балансируя, добирались уже к корзине, отвязывали ее, но вернуться назад им не удавалось. Неужели так и останется петух качаться на конце бревна? Но вот вперед выходит молодой рабочий лесозавода Ф. Ханов. Ловко удерживая равновесие, он благополучно добирается до корзины и приносит ее назад, вызывая восторженные аплодисменты у зрителей.

Н. РОЗИНА

← Вот она, заветная цель!
Фото Ю. Добронравова.

На берегу Таллинской бухты

Яхты готовятся к выходу в море.

Фото Е. Умнова.

После долгого затишья подул норд-ост. Он вступил в единоборство с морским прибоем, вспенил волны белыми барашками, зашумел в прибрежных сосновых рощах. С пронзительными криками взмыли высоко над волнами чайки.

Море зовет, манит в свой зеленоватый простор, и сотни таллинских яхтсменов выезжают в устье речки Пирита, на пирсы своего яхт-клуба.

Жизнь здесь бьет ключом. Сезон обещает быть интересным и напряженным. Раньше яхтсмены увлекались соревнованиями с пересадкой рулевых. В этом году яхт-клубы «Калев» и «Спартак» переходят на классные гонки, каждая команда будет выступать на собственной яхте, «объезжать» и оснащать ее и нести за нее полную ответственность.

Флотилия таллинского яхт-клуба пополнилась этой весной новыми судами: получены из Ленинграда и построены на Таллинской верфи спортивного судостроения 10 килевых яхт международного класса и 9 швербротов.

Часто в яхт-клубе «Калев» можно встретить мастеров спорта Эстер Кяппа, Ильзе Каазик, Асту Спиц, Антса Рауд, Андре Чучелова, яхтсменов Альберта Кяппа, Рейна Кумари и десятки других.

Команда «Калев» впервые будет выступать на всесоюзных соревнованиях яхтсменов в Риге. Это будут нелегкие соревнования в открытом море, и борьба за победу началась уже давно, в учебных классах,— на лекциях по теории — и на тренировках в заливе.

В этом году ряды яхтсменов пополнились молодежью: более 200 школьников зимой занималось теорией парусного спорта и теперь проходит практику на воде.

Что может быть прекраснее отдыха в море, под белыми парусами!..

Н. СЕРГЕЕВА

О „временно прописанных"

Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Рисунки Бор. Ефимова.

Взбалмошные воробьи чирикали,
Сгребали дворники снежные
комья...
Клава сказала:
«У нас вечеринка.
Будут мои знакомые...»
И вот
нажимаю звонок легко, —
За дверью стук каблуков...
Вешалка заляпана
Велюровыми шляпами.
Шагнул
и стал:
Ковры,
хрусталь.
На стенке реденько
Три портретика,
Смотрю —
не верю своим глазам:
Дружников,
Кадочников
и Тарзан...
«Скорей проходи!
Пожалста,
Знакомьтесь...»
Но вначале
Я вижу только галстук
Меж двумя плечами,
Кокетливый и длинный
Кусок хвоста тигриного,
И светломалиновые штаны
Достаточной ширины...
А владелец галстука
стоит уже
И плечами пожимает: «Что ж?»
Гнусовато,
со смягченным «ж»:
«Жёрж.
Вот стул,
прошу садиться...»
И галстук поправивши,
Тонким мизинцем
Трогает клавиши

Он сообщил мне сразу сам,
Что папа где-то в главке зам,
И все такое,
и засим
Имеется у папы «ЗИМ»...
«А я учился в ГИТИсе,
Потом
в металлургическом,
Но и металлургия
Не моя
стихия, —
Печальный факт.
Теперь, куда б почище,
Подался на филфак,
Но тут
скучища,
Опять
тетради...»
Он морщил
лобик маленький,
Двадцатилетний дядя,
Сыночек
маменькин.

Эдак
и жил он
За мамой да за тетями...
«Жорочка,
скажи нам!
Жорочка, что тебе?»
Сыпались «карманные»
Прямо с неба
Манною...
По горло вечно занятый папаша
Горой за сына своего стоял.

Сейчас передо мною чадо ваше
Окурок молча тушит о рояль.
И, махая рукою устало,
Томно цедит:
«А что осталось?
Модным шарфом укутав горло,
Дефилировать,
встречным кивая...»
И как будто ему подвывая,
Загнусавила вдруг радиола.
Чей-то голос
блудливо-цыганский
Пел о жгучих страстях
мексиканских,
Пел о дальнем,
заброшенном мире...
Потянуло гнилью в квартире.
Слово за слово,
песня за песней,

Будто это с пластинок плесень
Наплывает,
вползает в уши...
«Получается вроде скушно...»
Жоржик встал
и к дивану вразвалочку:
«Сбацаем фоксик, Аллочка...»
Холеная рука,
Косые взгляды,
В зубах —
«Дукат»,
Запачканный помадой...
Так получилось:
Алла вначале
Где-то училась,
Что-то кончала.
С завидным успехом
«На блеск утомительный бала»
Страницы конспектов
И совесть она променяла.
Она променяла
Товарищей,
дружбу,
работу
На модные туфли,
На сплетни, на суперфокстроты.
И книг не читала,
Зато превосходно умела
Она разбираться
В изделиях «Главпарфюмера»,
В шикарных прическах,
В наборе цветов маникюра...
Она заучила,
Что дети испортят фигуру
И что, мол, романтика
Скоро кончается
самым
Типичным желанием:
Только бы выскочить замуж!
Да так, чтобы
(боже!)
Завидовать стали подруги,
Да так, чтоб побольше
Зарплата была у супруга,
Да так, чтоб машина,
Да так,
чтобы в центре квартира...

А жизнь проходила,
А жизнь стороной проходила...
А жизни не скажешь:
«Помедленней!
Не успеваю...»
Послушай, так как же?
Откуда ж взялась ты
такая?!

. . . .

Дверь!
И сразу как будто гору
С плеч!
...Асфальт со сколотым льдом,
Передо мною вечерний город,
А за спиной —
дом.
Многоэтажный красавец взнесен
К звездам самим как будто...
Постой!
А может, ты видел сон?
Может, ты перепутал?
Может, этого не было?
Но
Прямо над головой
На улицу вывалило окно
«Фокса» кошачий вой.
Оно выделяется
черным пятном
На светлом фасаде зданья...
Окна похожи.
Но в этом одном
Джазовые завыванья.
Подошвами шаркая в тесноте,
С ухмылочкою уверенной,
Еще в квартире танцуют те,
Кто в жизни
нашей
прописан
временно.
Еще в квартире опять и опять
Жоржики что-то вопят.
Снова столбом дым папирос,
И ходуном — пол!
Снова...

. . . .

Позвольте один вопрос:
А до каких пор?

АКБАР И ЕГО ДРУЗЬЯ

Несколько лет назад в Рижский зоопарк была завезена пара бенгальских тигров, отличавшихся особо свирепым и неуживчивым нравом. Однако в результате заботливого ухода звери прижились в неволе, и у них появилось потомство. В прошлом году их дочь Юна дважды дала приплод, что и в естественных условиях бывает редко. Во второй раз, когда она принесла двух тигрят, один из малышей погиб. Это так опечалило мать, что она долго металась по клетке, не прикасаясь к еде и не обращая никакого внимания на окружающих. Второй тигренок перестал для нее существовать и был обречен на гибель.

Когда работники парка вытащили малыша из клетки, он был полумертвым. Пришлось сделать ему укол камфары, чтобы поддержать сердечную деятельность. Затем тигренка отогрели грелками, напоили с ложечки теплым молоком. После этого он спокойно уснул. Заботу о «сироте» взяла на себя сотрудница зоопарка Ольга Николаевна Буциниекс, поселив зверя в своей квартире.

Акбар, так назвали тигренка, начал быстро расти. Однако он совсем не был похож на потомка властителей джунглей. Его шкура имела однотонную желтоватую окраску, без черных полос по бокам и характерных разводов на голове. Только через два месяца, после линьки, когда выросла новая шерсть, Акбар стал «настоящим» тигром.

Тигренок вполне освоился с домашней обстановкой и привык к людям. Акбар обожает комфорт. Зачем спать на холодном полу, когда можно забраться на мягкую кровать, под теплое одеяло? С большим трудом отучили его от этой привычки. Тогда тигренок отвоевал себе диван. Но он не ляжет спать, если на диване не будет постелена шуба.

Акбар любит молоко с глюкозой. Он давно научился лакать из миски, но все же предпочитает бутылку с соской. Как и кошки, тигренок частенько вскакивает на колени к своей «няне», чтобы, свернувшись в клубок, немножко вздремнуть. Однако вес и размер «котенка» уже таковы, что Ольге Николаевне приходится отваживать его от такой привычки.

Акбар не терпит одиночества. И если случается ему остаться одному, то он немедленно учиняет скандал. Чтобы питомец не скучал, воспитательница подобрала для него веселое общество — двух щенков. Добродушный лохматый дворняга Кранцис и пушистый белый шпиц Парсла стали закадычными друзьями тигренка.

Любимые забавы всех троих — игры в мяч и в прятки. Каждый старается показать свою ловкость и находчивость. Интересно, что не Акбар, а его более слабые друзья слывут задирами. Тигренку довольно часто достается от расшалившихся не в меру Кранциса и Парслы. То крепко цапнут зубами за ухо, то больно потянут за хвост. Но Акбар прощает друзьям и не злится.

Со своей воспитательницей у Акбара самые дружеские отношения. Тигренок, нежно лизнув ее руку, забирает кисть к себе в пасть и, осторожно сведя челюсти, начинает сосать. Однако малыш довольно разборчив в знакомствах. Он благосклонно относится к детям и позволяет им гладить себя, но при встрече с незнакомыми взрослыми держится холодно и настороженно.

Ежедневно рано утром и поздним вечером, когда в парке нет посетителей, тигренок совершает прогулки в сопровождении своей воспитательницы.

Как-то юные натуралисты пригласили тигренка на детский утренник. Ребята встретили Акбара бурной овацией. С тех пор завязалось тесное знакомство. Юннаты часто заглядывают на квартиру к Ольге Николаевне проведать тигренка, справиться о его здоровье и самочувствии.

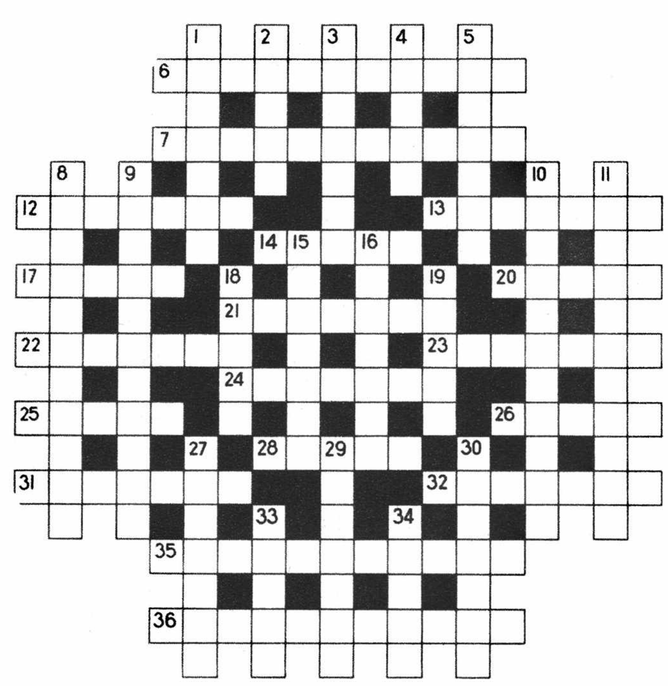
Акбар — это второй воспитанник О. Н. Буциниекс. Несколько лет назад она вырастила львенка, тоже оставленного родителями на произвол судьбы.

Л. ЕГАНОВА

Рига.

Фото П. Семина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Роман В. Гюго. 7. Процесс изготовления матриц. 12. Род вышивки. 13. Морское животное из класса коралловых полипов. 14. Персонаж комедии А. Н. Островского «Доходное место». 17. Режущий инструмент. 20. Доктор в повести В. Пановой «Спутники». 21. Группа музыкантов. 22. Направление в литературе и искусстве. 23. Штат учреждения. 24. Моллюск. 25. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 26. Спортивный инвентарь. 28. Приток Иртыша. 31. Положение, принимаемое без доказательства. 32. Учреждение для охраны общественного порядка и безопасности. 35. Вступление в музыкальном произведении. 36. Раздел зоологии, изучающий птиц.

По вертикали:

1. Состояние покоя, равновесия. 2. Линия пересечения двух плоскостей. 3. Город в Закарпатской области. 4. Государство в Азии. 5. Стебель травы. 8. Вторично изданное произведение. 9. Ученик специального училища. 10. Научная дисциплина. 11. Художник-график. 15. Северная полярная область. 16. Птичка из семейства вьюрковых. 18. Областной город в РСФСР. 19. Большая проезжая дорога. 27. Озеро на Кольском полуострове. 29. Советский писатель. 30. Остров в Средиземном море. 33. Командир в романе М. Бубеннова «Белая береза». 34. Электронная лампа с восемью электродами.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали:

4. Сотрудник. 5. Лантан. 6. Нептун. 8. Каблограмма. 12. Кандиль. 15. Атласов. 16. Пеликан. 17. Копировщик. 18. «Пархоменко». 21. Мегафон. 23. Каланча. 24. Кремний. 27. Комиссариат. 28. Ноябрь. 29. Бухара. 30. Окисление.

По вертикали:

1. Бодайбо. 2. Мусоргский. 3. Дилемма. 5. Левада. 7. Нарзан. 8. Колокольчик. 9. Автопортрет. 10. Картограф. 11. Собакевич. 13. Селигер. 14. Саратов. 19. Магистраль. 20. «Кармен». 22. Ямайка. 25. Америка. 26. Никулин.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

КОНЦОВКА

М. БЕНЬ (Киев)

Белые начинают и выигрывают. Решение этой интересной концовки начинается «тихими», безударными ходами и заканчивается красивой комбинацией.

В этом номере помещены репродукции картин С. А. Чуйкова „Тибетская девушка-кули“, „Подметальщица из касты „неприкасаемых“, „Женщина из Мадраса“, Н. М. Ромадина „Затопленный лес“, „Март“, „Ноябрь в Карелии“, „Знойный день“ и четыре страницы цветных фотографий.

Странички прошлого

Пароход, переходящий мели

Творец дуговой электрической сварки металлов Николай Николаевич Бенардос — автор многочисленных изобретений в самых разнообразных областях науки и техники.

В 1890 году появилась его брошюра под названием «Проект парохода, переходящего мели и обходящего разные препятствия по рельсовому пути».

Это изобретение было сделано еще в 1876 году и завершено созданием образца парохода, который прошел по реке Лух в Костромской и Владимирской губерниях (ныне Ивановская область). Река Лух не судоходна. Во время плавания пришлось преодолеть множество мелей и других препятствий (стволы опрокинутых деревьев, выступающие из воды; мельничные плотины).

При плавании действовали гребные колеса, приводимые в движение паровой машиной.

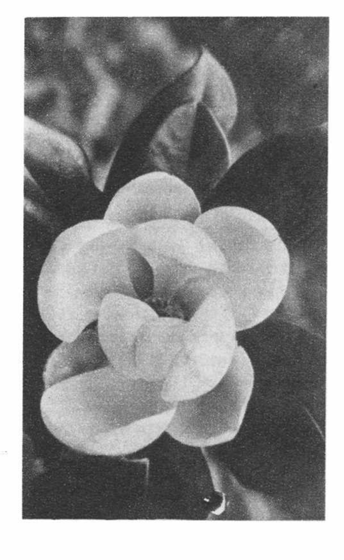
При переходах мелей ручными лебедками приводили в движение специальные цилиндры — катки.

При переходе плотин пароход мог перемещаться по специально сооружаемому для этого рельсовому пути.

Устройство этого парохода видно на рисунке. Он имел длину 8,5 метра, ширину — 4,6 метра и высоту от ватерлинии до верхней палубы — 3,2 метра.

Н. ЗАКАЗНОВ,
кандидат технических наук.

Цветет магнолия

В июле на Черноморском побережье в Аджарии цветут магнолии. Кроны этих мощных деревьев, состоящие из упругих и мясистых, как у фикуса, листьев, покрываются крупными белыми, будто сделанными из парафина или фарфора, цветами.

Их аромат напоминает запах лимона. Однако если эти цветы находятся в помещении, то они опасны для человека: приятный запах вызывает головную боль, а иногда даже обмороки. Но в природе цветение магнолии — великолепное зрелище.

На опавших, сухих листьях магнолии курортники пишут письма и, приклеив марку, посылают их по почте, как открытки.

Ан. АНЖАНОВ

Батуми.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 02872. Подп. к печ. 14/VII 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 513. Заказ 1640. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

На Аму-Дарье. Рассказ «бывалого моряка».

Фото Б. Кузьмина.

Цена 3 руб.